

Александр ЛОЗОВСКИЙ

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Роман

"КНИГИ АЛЕКСАНДРА ЛОЗОВСКОГО"

Серия основана в 2020 году

АЛЕКСАНДР ЛОЗОВСКИЙ

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Роман

Киев
paquga

УДК 821.161.1(477)'06-31
Л72

Жизненные обстоятельства во многом формируют характер и поведение человека, а потом они же, обстоятельства, подчас вынуждают все ломать и изменять в себе. Вот только получится ли это? И вообще стоит ли становиться другим? Героям нового романа Александра Лозовского предстоит ответить на эти вопросы.

*Конечно, бывают желчные старички
и злые старушки, но в основном
старость сентиментальна.*

Автор — о себе

Павел Андреевич

Мечта Софьи Марковны, мамы Павла Андреевича Лукова сбылась. Она часто, особенно последних несколько лет, повторяла: «Только бы не слечь, только бы быть на ногах. Уснуть — и не проснуться». Так все и случилось.

Она умерла через два дня после бурного празднования дня рождения Павла, ему исполнилось 59 лет. С утра была в своем обычном настроении и состоянии, довольно шустро для ее возраста — 84 года!- перемещалась на суховатых ногах, пыталась вникнуть во все хозяйственные дела и пребывала в твердой уверенности, что без нее все в доме рухнет. Дом — точнее особняк — был большой, двухэтажный, с мансардой, семь комнат, и в каждую Софья Марковна считала своим долгом в течение дня хотя бы заглянуть. Участок с лужайкой, двумя грушами и одним абрикосом тоже нельзя было оставлять без внимания.

Напротив дома гараж, веранда с мангалом, которую они называли шашлычницей. В том же ряду в углу у высокой ограды маленький домик, разумеется, со всеми удобствами, резиденция хозяйки — острили домработницы. Так и прижилось — резиденция. Она категорически отказывалась переселиться в дом. Первый этаж был очень удобен — можно в любое время зайти передохнуть, подремать перед включенным телевизором, но недолго, час-полтора, и снова за работу. Правда, за ограду участка она последний год уже не выходила, но согласитесь, объем работ и без этого был солидным.

«Степан, — деловито говорила она садовнику, — пойди подкопай розы».

«Хорошо, — покладисто отвечал Степан. — Вот dokonчу подметать, так сразу...»

И они дружно забывали о розах.

Примерно так везде.

Уже давно всем распоряжалась старшая из приходящих работниц Нина. Собственно, вся обслуга была приходящей — садовник появлялся два раза в неделю, повариха приходила через день часа на три-четыре, Нине помогала убирать молоденькая беженка из Луганска Зина. Часам к шести все расходились, и Софья Марковна оставалась одна. По воскресеньям вообще круглые сутки, потому что у работниц был выходной, а Павел обычно в пятницу с утра предупреждал: «Мама, уикенд — это святое», что означало — на ночь не ждите.

К ней в гости редко кто-то приходил, так сложилось — бывшие друзья и подруги жили далеко и тоже были не первой молодости, да и сама она, нужно признать, всегда была доброжелательной, но не слишком общительной.

Павел довольно регулярно уезжал на неделю-другую из города то по делам, то отдохнуть. Он сознавал, что мать моложе не становится и уже давно нужно бы кого-то нанять на ночное дежурство, но Софья Марковна

не настаивала. Она вообще ни на что не жаловалась, все принимала, как должное. Когда оставалась одна, то садилась напротив телевизора, слушала политические шоу и разгадывала кроссворды — это прекрасно совмещалось. Телевизор в резиденции не выключался круглые сутки, он был не только фоном, но даже отличным снотворным. Необходимость в таком сопровождении часто бывает у одиноких людей — и не только в старости.

Прямо против их ворот стояла будка охранников, там была и охрана Павла. В этом районе 12-й станции Большого фонтана было несколько элитных особняков, поэтому воров не опасались. И что изменило бы ночное дежурство? Когда мать умерла, Павел был дома. А что толку?

В то утро он встал в восемь, как обычно. Завтрак ему подавала Зина. Софья Марковна такое событие не пропустила, это была, как правило, единственная возможность перекинуться с сыном несколькими словами, да к тому же совместный завтрак демонстрировал ее положение хозяйки. Совместных обедов и ужинов почти не было — Павел предпочитал рестораны и кафе. В этот раз Софья Марковна к завтраку не явилась, значит что-то серьезное.

Зина сказала:

— Павел Андреевич, я пойду в резиденцию, погляжу, в чем дело...

Врач, лучший друг Павла психолог и кардиолог Леонид Кулик — высокий, худой, мягкий и интеллигентный человек, — определил:

— Софья Марковна умерла спокойно, во сне.

— Господь ее отметил и пожалел, — сказала верующая Нина. Ее мать, которой не было и семидесяти, уже второй год не встает с постели и при этом — вот несчастье! — сохраняет полную ясность сознания. Эта беда и привела Нину в религию.

Павел только вздохнул — а с другой стороны, ее смерть застала всех врасплох. Хотя... хотя он видел, что мать слабеет, становится маленькой и сухонькой, что привычная активность дается ей все с большим трудом. Что удивительного, если ее сын без году пенсионер? Не фигурально, а в самом прямом смысле без года.

После похорон ничего в быту не изменилось, Нина прекрасно поддерживала порядок в доме, впрочем, как делала это и тогда, когда Софья Марковна была жива. Правда, теперь Павел завтракал один, но зато мог в дом на ночь приводить своих одноразовых подружек — когда мать была жива, старый холостяк почему-то стеснялся. Ему даже пришлось купить для этих целей двухкомнатную квартиру в городе. Он мог такое себе позволить — вы уже поняли, что Павел был человеком не бедным.

Во всех этих событиях — се ля ви — ничего необычного, казалось бы, не было. И тем не менее после смерти матери с Павлом неожиданно для него и для окружающих произошли перемены. Что-то пошло не так. Что-то случилось с его жизненной силой, которая прежде была в избытке. Как и почему?

Павел слыл и был человеком напористым, энергичным, в любых даже самых сложных обстоятельствах предпочитал наступление обороне. Он обладал всеми то ли достоинствами, то ли недостатками, присущими «новым русским», мощному клану, рожденному диким постсоветским капитализмом. Как говорил Леня Кулик, «его внутренний темперамент слишком часто пробивался наружу». А деньги, которые у Павла всегда были, позволяли ему не ограничивать проявления этого темперамента и не слишком обращать внимание на мнение окружающих. Уверенность в себе, в своих силах и в правоте сильного подтверждала — жизнь удалась и устроена правильно. И вдруг появились сомнения. И то, чего никогда не было, — апатия.

Павел приложил все усилия, чтобы перемены в нем не были заметны. Он по-прежнему старался держать форму, утром двадцать минут зарядки, добросовестно не снижая скорости, проходил положенные 5 км вдоль побережья, иногда – в мансарде и тоже как обычно – «баловался» штангой. Для своего возраста выглядел отменно. Но если раньше нагрузки радовали, разгоняли в жилах кровь, то сейчас он все это делал без удовольствия, через силу.

«Главное, не поддаваться, не опускать руки, пройдет. Должно пройти».

Не проходило. И все больше становилось заметно окружающим. Объяснение казалось очевидным – устал человек. Бизнес вообще занятие не из легких, а в нашей нестабильной – и это мягко сказано – системе любому бизнесмену гарантировано непрерывное напряжение, перемежаемое периодическими катаклизмами.

Павел – по его собственному выражению – был бизнесменом с пеленок, никем другим он никогда не работал. Сразу после института организовал и оформил с двумя сокурсниками фирмочку, возил и продавал компьютеры, различную электронную технику и прочее. Потом пошли дела посolidнее – комбинации с ваучерами, и вот он уже совладелец консервного завода. А было это в наиболее сумбурные и тяжелые годы между Горбачевым и Ельциным. В тех условиях выживали – как бизнесмены – только самые отчаянные, выносливые, бесстрашные... и – как правило – не слишком обременение моралью и прочими интеллигентскими химерами.

Как и положено, его эгоизм прикрывался стандартной фразой «ничего личного, только бизнес», но имелся-то в виду его бизнес. Личный. На мой взгляд, эта широко распространенная в мире демагогия просто позволяет не слишком стесняться. И Павел считался не самым стеснительным и застенчивым бизнесменом.

Бизнес у него был довольно солидный, и разнообразный, по принципу — нельзя класть все яйца в одну корзину. Вы, наверно, обратили внимание на то, что я даже не упомянул, какой институт Павел закончил, потому что это не имело значения. Судите сами, ему принадлежали консервный завод и три небольших предприятия по первичной переработке сельхозпродуктов — это с одной стороны. А с другой — участие в строительном бизнесе. С третьей — несколько современных медицинских диагностических центров, оборудованных дорогой аппаратурой, например компьютерная томография, экспресс-анализы и прочее. С четвертой — один из припортовых заводов. И три солидных дома, которые он сдавал солидным магазинам. И прочее по мелочам. Вот такой диапазон.

Павел трудился добросовестно, хозяином он был жестким, бескомпромиссным, никакие просьбы — не увольняйте, дома дети плачут! — на него не действовали.

«Раньше нужно было думать, до того, как напился».

Он умел подбирать кадры, но и не переставал их контролировать, поэтому случаев воровства у него было немного. То есть, конечно, они были — где живем? — но меньше, чем у других. И не только внутри фирмы, но и вне ее никому не позволял наступать себе на мозоль.

Разумеется, служба безопасности у него была, и во главе ее стоял Сергей Малых, выпускник «академии» в местах отдаленных. Но Павел сказал ему, что главная задача их службы — не попадаться ему на глаза, кого засечет — уволит вместе с начальником. Пока Малых работал. А Павел ездил на машине один.

Сам он часто говорил, что придерживается в жизни двух основных принципов. Первый — бизнес должен непрерывно развиваться, застой — начало распада, покой нам только снится. И второй принцип — в жизни должны быть и удовольствия. Человека должно хватать «на все».

Как прикажете эти два принципа сочетать? При такой нагрузке, казалось бы, где «на все» взять силы и время? Потому Павел придерживался режима — один-два раза в неделю после работы возвращался домой. Когда мать была жива, она подавала ему большую чашку некрепкого кофе с молоком и бутерброд с колбасой. Если он по дороге домой не заезжал в кафе — с радостью накрывала ему ужин, в холодильнике всегда была заготовка на этот случай. Сама устраивалась рядом со стаканом кефира — была возможность пообщаться.

— Деревня, — говорила она спустя какое-то время и уходила спать, обидевшись на невнимание сына. Ведь он не стал слушать, где и что у нее сегодня болело.

Перед сном минут двадцать — недолго — Павел читал какой-нибудь рыцарский или исторический роман — «тогда была настоящая борьба, а сейчас в основном интриги».

Но как правило, силы «на все» после работы он находил, не зря близкие друзья и подруги называли его двухжилым. И естественно, важную роль «во всем» играли женщины, может даже основную.

Можно и только с друзьями посидеть в ресторане, но если присутствует симпатичная и интересующая тебя женщина, то это становится куда увлекательней. А на спектакль одному идти вообще смысла нет. И идея полететь дня на три в Барселону или на неделю на Мальдивы без подруги даже в голове не возникала. Что одному там делать? А можно без всяких поездок и мероприятий позвонить по телефону, договориться и провести прекрасный вечер в той двухкомнатной квартире, о которой я уже упоминал. И поздно вечером отправить подругу на такси домой, в крайнем случае переселить в другую комнату, потому что всем заинтересованным лицам было известно, что ни с какой, даже самой прекрасной и любимой женщиной спать в одной кровати — спать в прямом значении этого слова — Павел не может. Но зато может позволить

себе не скрывать это — унижительное для многих — условие. Несмотря на такую дискриминацию, на излишнюю самоуверенность, временами неотличимую от самодовольства, несмотря на безапелляционность, иной раз сродни грубости (вы заметили, я пытаюсь оставаться тактичным) женщины не обделяли его вниманием. Почему? Ну, во-первых, потому что у него всегда были деньги, во-вторых... во-вторых, потому что их у него было много. И в-третьих, он был достаточно интересным мужчиной.

О человеке иногда говорят: «Он хороший, когда спит». Когда-то одна из подружек, ночевавшая в другой комнате, зашла к спящему Павлу, разбудила его и сказала:

— Ты когда спишь, похож на артиста Юрия Соломина — помнишь «Адъютант его превосходительства»?

— Почему только когда сплю?

— А когда просыпаешься, то на артиста Соломина в роли нахрапистого «нового русского». Тоже Павел Андрич, но персонаж другой.

Тогда фильм «Адъютант его превосходительства» был в моде. Обиженная подружка была права. И не только в молодости, во многом и спустя годы его сходство с Юрием Соломиным сохраняется. Я недавно смотрел «Московскую сагу», Павел поплотней и немного повыше, но в общем похож.

Павел не менял женщин «как перчатки», для немолодого и авторитетного бизнесмена это было бы несолидно. Он встречался почти официально какое-то довольно продолжительное время с одной женщиной, как правило лет тридцати-тридцати пяти, возраст их с годами не менялся. Время от времени официальная подруга заменялась. Одновременно было еще две-три неофициальные и не афишируемые подружки, с которыми он в свете не появлялся. Нужно признать в основном не бесплатные. Правда, последние годы такое происходило все реже, причина понятна...

Когда его спрашивали — как правило, женщины, — почему он не женится, Павел отвечал стандартной заготовкой. Примерно так:

«Встреча с женщиной — это праздник, но праздник не должен слишком затянуться. Поэтому я не люблю бесконечные новогодние каникулы — пить и отдыхать устаешь. Было бы лучше, если бы у меня сейчас была седьмая жена? Как у Кончаловского? Я иду другим путем».

Но все не так просто. Павел определенно боялся брака. А от тех, кого заподозрил в желании женить его на себе, бежал, как от огня. Это была фобия — такой диагноз поставил Леонид Кулик как психолог. Кстати, он был не хирургом-кардиологом, а просто терапевтом, это большого дохода не приносило, и под давлением жены он освоил еще одну специальность, защитив по ней диссертацию. Сейчас психология давала больше дохода, у всех нервы на пределе.

Да, так о Фрейте и о Павле. Причины фобии по Фрейдю нужно искать в прошлом. И причина была. Павел и в молодые годы считал, что бизнесмен должен быть предусмотрительным и практичным. Поэтому предложил своему первому серьезному увлечению Люде Паничкиной:

— Давай сначала проверим себя, поживем вместе какое-то время без штампа в паспорте.

Он был очень доволен собой и гордился таким современным и здравым решением, доказывающим, что он человек новой формации. Красивая и умная — подчеркну «умная» — Люда с ним согласилась.

Они стали жить вместе. Это был период крутого взлета бизнеса Павла, период, когда в стране мгновенно создавались состояния и так же быстро исчезали. У Павла был только подъем. Люда была поэтессой, она окончила исторический факультет университета, но решила пока не работать, а писать стихи. Павел, уважая ее практический ум, подробно делился с ней своими удивительными

результатами и еще более удивительными цифрами дохода. Нужно думать, Люда довольно быстро поняла, что их «в одну телегу впрячь не можно», что они «лед и пламень», но видя бешеные успехи его бизнеса, решила подождать. Ждала три года. Когда Павел стал хозяином консервного и ликероводочного заводов, она решила, что ей хватит. К этому времени Павел тоже понял – счастливой семьи не получилось и поздравил себя с разумным решением сначала проверить, потом...

Но потом произошло непредусмотренное. Люда была умной женщиной, она подала в суд. Советский суд стал в это время не только справедливым, но и демократичным, факт «совместного ведения хозяйства» был подтвержден документами и свидетелями истицы с первого дня их совместной жизни. У молодого бизнесмена еще не было достаточно опыта и связей, чтобы прекратить это безобразие. Имущество решением суда было признано совместно нажитым. Павел пострадал как мужчина и бизнесмен – ликероводочный завод и один дом ушли вслед за Людой, которая вскоре нашла им хорошего руководителя, делового и в то же время увлекающегося поэзией. Это была травма, которую – уверен – Фрейд признал бы возможной причиной фобии. Достоверно еще одно следствие – умных женщин Павел с тех пор обходил десятой дорогой. Как чувствовал, что это его карма...

В настоящее время официальной подружкой Павла была тридцатипятилетняя Ирочка, симпатичная пухленькая и соблазнительная – признавали многие – блондинка. Веселая, общительная, она легко входила в любую компанию и была, наверно, самой «старой» из своих предшественниц. Конечно, были у нее и свои недостатки с точки зрения Павла, хотя Ирочка считала их достоинством. Она могла свободно и естественно в любом обществе заматериться, и общество ей это прощало.

— Сейчас все не старые женщины матерятся, если они не ханжи и не лицемеры, — объясняла она.

Но опаснее было то, что Ирочка объявляла себя правдолюбом, и могла эту правду, о чем угодно, о ком угодно и кому угодно, ляпнуть в любой самый неподходящий момент. Зная эту особенность, Павел с ней не откровенничал, понимая, что все может стать достоянием гласности.

— Ведь это правда, я не выдумываю, ты сам мне говорил!

Ирочка определенно не тот человек, с которым можно облегчить душу, она готова была разделить все предлагаемые ей радости и удовольствия, а неприятности — увольте, не по ее части.

Павел был скорее интровертом, во всяком случае не из тех, кто жалуется. Даже единственного близкого друга он держал на некотором расстоянии. И более непосредственный и чуткий Леонид Кулик должен был пробиваться через его сдержанность. Примерно такой разговор повторялся время от времени:

— Леня, это не самомнение, просто я считаю, что человек должен быть самодостаточен.

— Самодостаточен... Твой пунктик. А все-таки, что там у тебя стряслось, я же вижу — ты не в себе.

И в ответ получал только малую толику информации о его неприятностях. А о самочувствии тем более...

— Да, — говорил Леонид, — вот вам результат долгой холостяцкой жизни. Все в себе. А если давление в котле сорвет крышку?

Сам он не допускал повышения давления, не слишком сдерживая свои эмоции.

Но Леонид ошибся, произошло обратное — давление в котле стало падать. Временами никакого давления не оставалось — был вакуум, пустота. Пустота в голове, в сердце, в душе. Павел понимал, что это не просто

усталость, тогда было бы полбеды — отдохнул, съездил в какую-нибудь экзотическую страну, там бы тоже устал, но от безделья, и возвратился к работе и жизни. Так уже бывало.

На этот раз все гораздо сложнее. И Павел спустя какое-то время дал себе отчет — в основе того, что Леонид определил как депрессию, лежит неожиданное осознание наступающего одиночества. Одинокой старости.

Одиночество!

Не случайной была связь со смертью матери. Они жили вместе все его пятьдесят девять лет. Да, последнее время не очень общались, но она была, жила рядом, ее временами назойливую заботу он чувствовал даже на расстоянии. Аура. Жизнь так распорядилась, что даже дальних родственников, двоюродных, троюродных у него не было. Мать у своих родителей была одна, отца он фактически не помнил, тот давным-давно растворился в бескрайних просторах Советского Союза. Павел вздрагивал, когда вспоминал, что мать умерла одна в комнате, одна в постели. Но у нее все-таки был сын, была с ним незримая связь, они оба знали, что не одни на этом свете. А он... он теперь один. Определенно один. Конечно, Леня, другие хорошие друзья... Но в комнате, в кровати, ночью он один. Ну не с Ирочкой же... Квартира, где нет родных и близких, кровать, даже большая, но для одного — это только символ одиночества. Оно не только снаружи, но и внутри.

Павел почувствовал холод вокруг себя. Он привык жить надеждами на успех, на победу, времени ему всегда не хватало — чего-то не успел добиться, чем-то не успел полностью насладиться, отложил на завтра, на будущее. И вот он ясно увидел это будущее, не такое уж далекое — времени избыток, и нечем будет его занять. Вот и сейчас уже нет большого желания идти в загул, и даже... — страшно себе признаться — даже на работу. А спустя некоторое

время он будет не нужен ни там, ни там. Его ждут сначала только вечера и ночи в пустой квартире, а не слишком далеко и дни. И расстояние между ним и окружающим миром будет увеличиваться. С ним остаться могли бы люди, которые были бы частью его. Но таких людей нет.

В конце концов он рассказал обо всем этом Леониду, который уже давно пытал его.

Тот, судя по всему, не очень удивился. Долго молчал, возможно, не находил возражений. Нечто подобное он и предполагал, но не в такой острой форме. Сильный человек не гнется, а ломается. Как бы такое...

— Не ты первый, не ты последний. Старость ожидает каждого.

— Но одинокая старость!

— Вот тебе и самодостаточность, — укоризненно сказал Леонид. — Зима катит в глаза, стрекозел ты наш. Ладно, думай думу. Я пока займусь депрессией.

Он выписал рецепты. Павел пока в аптеке взял только снотворное.

* * *

Конечно, это депрессия. И этому были очень реальные доказательства, о которых он не решался рассказать даже Леониду. Была не бессонница, намного хуже — он боялся спать один. Время от времени просыпался в холодном поту. Ему не снилось — он чувствовал, что умирает, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и это продолжалось, казалось, бесконечно, пока он не издавал то ли рычание, то ли вопль до того, как успевал приказать себе молчать. Это было, пожалуй, самым, страшным и постыдным. Потом не мог заснуть — боялся повторения кошмара.

А к тому же он испытывал нечто похожее на страх еще раньше, когда приходил вечером в пустой, кажущийся

в темноте огромным, дом. Он все чаще оставался ночевать в небольшой городской квартире, там было легче, пустота, отделяющая его от мира, была меньших объемов.

Неожиданно мысль — кому оставить наследство — стала одной из главных забот.

Он лет пятнадцать тому назад составил завещание, адвокат настоял. Но это была скорее показательная акция, всерьез он об этих проблемах тогда не думал. Основную часть оставил матери, медицинскую собственность Лене, и довольно приличные средства пожертвовал на создание парка отдыха неподалеку от дома. Указал — назвать Луковским парком. Справедливо будет отметить, что к идее Луковского парка он относился с иронией и считал это скорее шуткой. «Пытаюсь остаться в веках».

Но мать умерла, участок, где он наметил парк, был застроен зданиями. А имущество с тех пор превратилось в богатство. Работа, главный жизненный стимул Павла, теряла всякий смысл.

Вот тебе и самодостаточность...

На тусовки Павел ходить перестал, даже на празднование рождения внушки приятеля — дело святое! — не пришел, мало того, забыл позвонить и сослаться на недомогание! Когда позвонила совершенно забытая им Ирочка и стала выражать беспокойство, он прервал ее и сказал, что при случае перезвонит. При случае! Ирочка посчитала это неофициальным объявлением развода и, как истинная сторонница правды, кое-где успела признаться:

— Павел уже годится только в друзья. Годы берут свое, куда денешься...

А на работе один конкурент увел у него из-под носа крупный заказ, и это сошло наглецу с рук. Когда Павлу об этом сообщили, он только рассеянно отмахнулся. О назначенных встречах стал забывать регулярно. Среди его менеджеров начиналась тихая паника — на громкую они еще не осмеливались.

Прошла неделя, и Павел понял, что одним волевым усилием с депрессией, которая прежде всего поражает именно волю, он не справится. Здравый смысл говорил, что эту печальную историю запускать нельзя. Ночи становились все беспросветнее, дни длиннее и бессмысленней.

Либо нужно было начинать курс лечения, либо... Либо что?

Он, как и многие здоровые люди, редко прибегающие к услугам врачей, не любил принимать лекарства и делал это только при крайней необходимости. А уж об антидепрессантах был ужасного мнения. Кстати, Леонид ему когда-то сказал, что после их приема человек прежним уже не становится, хоть немного, но сдвигается. Сдвигаться определенно не хотелось. Но есть ли другой выход?

Так по поводу «либо». Еще — правда теоретически — оставался шанс избежать лечения, если удастся устранить причину депрессии. Разумеется, не наступающую старость, ее избежать можно только одним способом — известный пример из черного юмора. Нет, можно попытаться убрать «одиночество», то есть проще говоря, удачно жениться. И тут он действительно не первый и не последний, теперь в его возрасте даже модно жениться богатеньким на молоденьких. Но это тоже требует времени, а депрессия жмет...

Павел знал, что купить себе жену не сложно, были бы деньги, разумеется, солидные, не зарплата, и большинство упомянутых старичков так и поступают. Кстати, и старушек.

А сейчас вошел в моду вариант «дедушка и внучка», потому что чем моложе будущая жена, тем проще, тогда факт купли-продажи даже приукрашивать не нужно, все само собой разумеется.

Павел саркастически ухмыльнулся — вот и он уже созрел до такой комбинации. А что, в сорок лет взрослая дочка, в пятьдесят девять — взрослая внучка, вполне

могло быть. И когда мама жаловалась, что не надеется нянчить внуков, он, стараясь выглядеть серьезным, утешал.

— Успокойся, я тебе приведу взрослую внучку, и нянчиться не надо будет.

— Тьфу-тьфу на тебя, — София Марковна такие разговоры не переносила.

Но вот избавляют ли мезальянсы — Леонид любил это определение — от чувства одиночества, а может обостряют его? Классика жанра — рога, с непредсказуемыми последствиями. Но и представить себя с ровесницей Павел уже не мог. Как минимум с «дочкой».

Конечно, мысли о женитьбе у него последние годы появлялись, не совсем же он выжил из ума. Да и наследство нужно кому-то передавать. Но Павел это откладывал на потом. Все еще чувствовал себя в силе, и кандидатки были вроде Ирочки или хищницы Люды Паничкиной, не к ночи будь помянута. Но, может, его образ жизни и его характер способствовали этому?

И дооткладывался, дальше ехать некуда. Леонид настаивал на немедленном начале цикла лечения, а после осмотра и прослушивания сказал, что если потянуть еще немного, то вскоре он понадобится Павлу и по второй своей специальности — как кардиолог.

После очередной тяжелой ночи в девять часов утра Павел позвонил Леониду.

— Привет.

— Доброе утро.

— Хм. Если бы оно было добрым, я бы тебе не звонил.

— Плохо спал?

— Вообще не спал.

— И виски не помогло?

— Вместе с твоим снотворным. Словом, клиент созрел. Командуй. Твоя взяла. — Голос у Павла был хриплый,

раздраженный, но он спохватился. — Извини, оказыва-
ется, и у меня обнаружили нервы.

— Ладно. Ты на работе? Сможешь к двенадцати подойти
ко мне на Жуковского?

В поликлинике на улице Жуковского Леня принимал
как психолог.

— На работу не пошел, им без меня спокойнее. В две-
надцать буду.

В двенадцать прием у Лени заканчивался, Павлу сидеть
в очереди не пришлось, его ждали. Впрочем, к другому
он и не привык.

— Привет, Паша. Да, видно, что ты провел бурную
ночь. Садись, гостем будешь.

Павел шутливую форму не принял, проворчал.

— Гостем... Я теперь больной и, кажется, постоянный.
Как это у вас? Хронический.

— Ну зачем так мрачно. Можно назвать пациентом,
звучит приличней. Вот, готовлю тебе направления на ана-
лизы. Приличная пачка. Обойдешь все свои заведения,
видишь — и медицина тебе пригодилась. — И он загово-
рил подчеркнуто серьезно: — Сегодня и начинай, шутки
в сторону.

— Какие шутки. Я понял — пора о душе подумать.

— В панику тоже впадать не стоит. А насчет души...
О душе всегда нужно думать, а не только тогда, когда
припечет.

Павел готов был привычно его осадить, набрал воздух,
выпрямился на стуле, но... вспомнил, что он сейчас только
пациент, простой смертный. Сделал над собой усилие, рас-
слабился. И все-таки удержаться от недовольства не смог,
просто постарался высказать это не слишком высокомерно.

— А я, значит, о ней не думаю. Бездушный.

Они время от времени решали вопросы философии
и морали; правда, обычно Павел не изволил унижаться

до запальчивости, сохранял дистанцию и иронию. Но сегодня у него на обычное хладнокровие сил не осталось.

— Вроде того, — тоже не удержался от дискуссии Леонид, — ты у нас крутой. Такие вещи, как терпимость, сочувствие, понимание, до вас, вышестоящих не доходят. Даже простая тактичность не по силам. — Он постарался сдержаться. — Ну, ладно, что мы опять заводим...

— Нет, погоди. Значит, я крутой? И не чуткий? И грубый? А почему не добавишь — эгоист?

Леонид задумался, отрицательно покачал головой.

— Нет, не эгоист. Черствый, это другое. До вас информация просто не доходит. «Ничего личного, только бизнес» — это и есть черствость! Как говорим мы, психологи — возведенная в абсолют.

— Погоди-погоди. А назови хоть одну причину, почему в наших условиях я не должен быть именно таким, как ты меня только что расписал?

Леонид тоже забыл свои служебные обязанности и завелся.

— Причину — пожалуйста! Сколько угодно! А хотя бы для того, чтобы тебя не считали самодовольным до... — он подыскивал нужное слово, так и не нашел — до... до невозможности. Что в этом хорошего?

— Я скажу, что хорошего. Зато все знают, чего от меня ожидать. Не садятся на шею — знают, что я не благотворительная организация. Дальше, бояться украсть — знают, что выгоню без второго слова, и никакие слезы не помогут. Дальше — обмануть бояться. А как иначе в нашем бардаке? Чего можно добиться? Время такое.

— Нечего на время ссылаться. Человек во всякие времена должен оставаться собой. Чтобы себя уважать.

— Не спорю, каждый может оставаться собой. Только он тогда ничего не добьется в жизни, кроме самоуважения. А если не добьется, то уважающих его будет немного, даже в его жене я не уверен. Вот ведь какой парадокс получается.

Леонид заподозрил, что это в его огород. Посмотрел исподлобья, сощурил глаза — была у него такая привычка.

— Ну знаешь ли... Не всем быть...

— Не дуйся, не тебя имею в виду.

— Не обижаюсь, потому что считаю — деньги не самое главное. Нужное, но не главное в жизни.

— Смотри в какой. Есть два вида жизни, которые отличаются друг от друга, как небо от земли, хотя и проходят рядом.

— Ну-ну, интересно.

— Да, две разные жизни. Первая, когда человек все время автоматически рассчитывает, могу ли я себе это позволить. И вторая — хочу я это или не хочу, без всяких расчетов. Конечно, не луну с неба, а то, что первый считает роскошью, второй нормальной потребностью человека. И это совсем другая жизнь. Когда роскошь становится нормой и ее не замечаешь — конечно же, другой масштаб, другое качество.

Леонид опять надулся, покраснел, наклонил голову — обиделся. Павел называл эту позу — пожилой бычок.

— Ты снова заносишься. Не так уж мы бедствуем. И не такая разница. Едим примерно одинаково, просто ты чаще в ресторане. И одеты не хуже. И в Турции в позапрошлом году неделю были. Ты не на Марсе и не на небе. Вполне сравнимо.

Павел в ответ примирительно улыбнулся.

— Давай на выходные махнем на моей яхте в Болгарию. Погода хорошая, порыбачим...

Леонид, сбился с темы, немного растерялся.

— Если возьмешь. Только с Анютой, одного она не пустит.

— Да, если возьму — поедешь. А не возьму — будешь сидеть дома. Или давай в Париж на пару дней. Я могу, а ты не можешь. Завтра я в Париж не поеду, не хочу. Но могу. Или на Ямайку. Возможности очень много

значат. Иметь возможность — это как будто уже съездил, купил, сделал. Я деньги добываю и считаю, это моя работа. Но не тогда, когда трачу. Только когда какой-то крупный проект. А в обычной жизни для меня их вроде бы нет, а значит и границы другие. И жизнь другая. Даже не по потребности, как в коммунизме, а по желанию.

Леонид затих, погрузился. Как с этим поспоришь? Вчера он машину не заправил, Анюте нужно было заплатить коммуналку, сегодня приехал на маршрутке.

— Да, наверно... Я как-то об этом не думал... Но не понял, к чему ты ведешь.

— погоди. И я вполне мог позволить себе не слишком обращать внимание на мнение других. Тем более, когда это шло только на пользу делу. Было бы нужно, я — уверяю тебя — стал бы «безукоризненно нежный, не мужчина, а облако в штанах».

Леонид оживился.

— Вот! Ты хотел пример, почему не нужно быть таким... крутым. Как ты. Потому, что к тебе женщины нормальные не идут. Только... специфические.

Павел даже почти засмеялся, с трудом преодолевая мрачность и уныние.

— Ну вот, видишь, не напрасно Аня заставила тебя пойти в психологию. Сообразил, к чему я веду. Да, и в результате — как ты говоришь? — стрекозел с удивлением увидел, что зима катит в глаза, хотя удивляться было нечему. Я понял, что впереди одинокая старость, и перетрусил до депрессии. Конечно, это могло быть не таким эффективным, ну огорчился человек, засуетился, пытается принять меры. Так нет, какая-то истерика, тьфу ты черт! И не могу справиться. А может, действительно это наказание за отсутствие души? — Павел помрачнел еще больше, если такое возможно. — И знаешь, что мне иногда приходит в голову? Что победительному бизнесмену,

жизнь которого я тебе сейчас расписал, было бы неплохо на этой жизнерадостной ноте закончить... игру...

— Это большая мысль, больного человека.

— Так у меня депрессия, имею полное право на такие мысли. Могу представить справку, ты мне ее и выпишешь.

Леонид с удивлением смотрел на него.

— Да, депрессия, она творит чудеса. Ты здоровый никогда так долго и красиво не говорил. Буркнешь сверху вниз два-три слова и на том спасибо. Это осложнение, и на сей раз хорошее. — Но тут он опять подумал, что сильный человек не гнется, а не дай бог... — Паша, давай серьезно. Пока главный повод для беспокойства — здоровье. Психика. Кому ты в такой форме нужен, даже с деньгами.

— Как раз у старичка с деньгами — чем хуже форма, тем лучше для молодой жены.

— Ну, батенька, ты оптимист. Оглянись вокруг. Женятся все, кому ни лень. Что за паника?

— Мне не жена в паспорте нужна, мне нужна моя половина.

Леонид не выдержал и вставил с нескрываемым сарказмом:

— Ух, как ты заговорил. Половина! А раньше, чем ты их считал? Даже не осьмушками.

— Да, половина. И чтобы, представь себе, я ее любил. И она меня, а не деньги любила. Давно не использовал это слово, много лет. А может, вообще ни одной женщины не говорил. Разве такое для меня сейчас возможно? И думать нечего. Да, я понимаю, почему ты улыбаешься. Они рассчитываются со мной за всех осьмушек.

Леонид наконец вспомнил, что он врач, и деловито взял в руки пачку направлений на анализы.

— Паша, ты справился и с невозможным. Давай пока займемся здоровьем.

Надя

Надя приехала из Винницы. Но разговор о ней нужно начинать с мамы и бабушки. Ее мама, Лидия Владимировна, преподавала химию в той же школе, в которой училась Надя.

В обществе всегда происходит явная или неявная борьба двух тенденций — сохранить достигнутое или стремление вперед. Очень часто учителя, особенно учительницы, являются консерваторами, нередко и ретроgrадами. Не знаю почему, может потому, что они всю жизнь повторяют то, чему их когда-то научили, а любые новшества вынуждают их приспособливать к переменам свой профессиональный багаж. Лишние хлопоты и проблемы, кому такое может понравиться? Но это мое предположение, относиться к нему серьезно не стоит.

Лидия Владимировна была не только консерватором, но и ретроградом, мало того — догматиком. Скажу больше — она была с детских лет ханжой, да, именно с детских лет. Даже в младших классах она жаловалась учительнице, что мальчик Вова смотрит не туда куда надо. Вот такой комплекс, все досталось одному человеку. Может, свою роль сыграло то, что бабушка Нади была каким-то секретарем райкома партии, хотя не уверен. Скорее всего это были индивидуальные черты, не все в характере человека является результатом воспитания, кое-что то ли от Бога, то ли от черта, а может проще — от матушки природы.

Лида была бы в принципе симпатичной девочкой, потом девушкой, потом женщиной, с неплохой фигурой, как минимум неглупой, вот только... И этих «вот только» было многовато.

Не контактная, зажатая, в больших очках, плохо причесана, одежда или серая, или нелепо яркая, классические морщины на чулках. В школе и в институте она

была отличницей, но из-за такого уже описанного мною оформления все — включая преподавателей — считали ее зубрилой. Это была неправда, учеба давалась ей легко, я уже говорил — она была довольно умной, хотя внешний облик этому не соответствовал.

Лида работала над собой; в институте видимые, внешние недостатки смягчились, но не до такой степени, чтобы привлечь самого нетребовательного мужчину. После института она уже не очень выделялась на фоне учительского состава, но все-таки сухость — я имею в виду характер, — усиливающиеся с годами консерватизм и ханжество предоставляли ей все шансы остаться старой девой. Так продолжалось до тридцати четырех лет, когда даже ее мама, к этому времени уже ставшая бывшим секретарем райкома партии, потеряла надежду. И тут произошло чудо, появился спаситель в лице завуча школы Михаила Васильевича Спасова.

Михаил Васильевич никаких особых целей перед собой не ставил, это был обычный сорока с небольшим лет холостяк, среднего роста, немного полноват, с солидными залысинами, положительного домашнего типа, не мачо и не Ален Делон. Статус старого холостяка ему нравился, и менять его он не собирался. У него было хобби — он без напряжения, привычно и как-то незаметно для соучастниц укладывал женщин в свою постель. Не наступал, не соблазнял, не уговаривал. Обычный разговор, иногда в каком-то кафе, иногда даже просто на лавочке в парке — и жертва неожиданно обнаруживала себя у него в постели. Так же естественно они потом оставались точно в таких же отношениях, как и до происшествия — не знаю каким другим словом это назвать, ну не событием же!

Конечно, Михаил Васильевич попивал, но не очень, только для поддержания творческого потенциала. Может, однажды он перебрал, но дошла очередь и до Лиды. Через день, через два, через три он вел себя как обычно,

но случай был не из легких — ханжа в Лиде не смогла перенести это незаконное пошлое прелюбодеяние, и она все рассказала матери.

Я несколькими строками выше ошибся — прежних секретарей райкома даже в период перестройки не бывает, особенно в косной системе общего образования. Старые связи не ржавеют!

Судьба Спасова была решена, выбора ему не оставили. Все школы для него были бы закрыты, а больше он ничего не умел. Впрочем, Михаил Васильевич расстроился меньше, чем можно было ожидать, — он вообще миролюбиво встречал неприятности в жизни, такой характер. И может показаться странным, но все сложилось неплохо. Родилась Надя, к сорока годам у Лидии Владимировны пропала близорукость — так бывает с возрастом, вы знаете — и она сняла очки. Муж стал ненавязчиво и терпеливо изменять ее гардероб и прическу, половая жизнь ей понравилась, противоречий с моралью уже не было, и это смягчило женщину внешне и внутренне. Михаил Васильевич внимательно всмотрелся в свою половину, она оказалась очень даже ничего, и он решил, что больше нет нужды в смене впечатлений. Примерно так и вел себя в дальнейшем, за редкими исключениями. Ханжа в Лидии Владимировне оказалась не у дел, и она занялась дочерью.

Довольно быстро выяснилось, что Надя даже не просто симпатичная, а интересная девушка, из тех, на кого обращают внимание. Голубоглазая блондинка, лицо продолговатое, породистое, наверно бывшая секретарь райкома утаила от советской власти родовитых предков. Интересное лицо, о таких говорят — в ней что-то есть, и это очень высокая оценка не только внешности, но и содержания. Особенно ей удался профиль — по классическим античным канонам. А по характеру она вообще была полной противоположностью матери — жизнелюбива, активна

и не только общительна и контактна, но даже с очевидными лидерскими способностями.

Но все эти качества практически со дня рождения вступили в борьбу с намерениями Лидии Владимировны воспитать достойного — в ее понимании — члена нашего общества, скромного, ответственного, не похожего на ужасное большинство современной молодежи.

Ох уж эта современная молодежь! Добро бы речь шла о мальчиках, с ними всегда были проблемы. Но девочки — это вообще ужасно! Преподавательницы обменивались мнениями на переменах, у каждой в классе была сознательная или бессознательная осведомительница, и они с ужасом констатировали, что в седьмом-восьмом классах добрая половина девочек... уже не девочки. А их манеры и поведение... боже, куда смотрят родители!

Родитель и педагог Лидия Владимировна сознавала свою ответственность и знала, что воспитание нельзя запускать и откладывать на потом. Заезженную фразу — начинать воспитание ребенка нужно в утробе матери — она понимала дословно. «Не нужно шуметь, не нужно громко разговаривать, не нужно громко смеяться, сиди тихо, ты же воспитанная девочка» — все эти призывы Надя слышала до того, как стала понимать слова.

— Мама, когда я шевелилась в животе, ты тоже мне делала замечание?

— Что за характер, не можешь промолчать.

— Я и так только то и делаю, что молчу.

В детском садике девочки щеголяли в цветных заграничных костюмчиках, и с утра они слышали: «Ах, какой костюмчик, какая ты красивая!» Это повышало их самооценку. А Надя была в «скромном, но опрятном платьице» и в знак протеста сооружала себе из подручных средств большие банты.

Начиная лет с двенадцати, мама боролась «с неприлично короткими» платьями, и девочка, выйдя из дома,

подтягивала платье в специально для этого приспособленный пояс. И между прочим, Лидия Владимировна первая навела дочь на мысль, что ноги девочки ценятся не только как средство передвижения — они вызывают странный интерес со стороны мужского населения. Причем интерес возрастает снизу вверх — ступня меньше, колени больше и так далее. А когда мужское население смотрит на ножки, то в свою очередь у их хозяйки тоже возникает странное и новое ощущение. Так что Надя подкорачивала платье не только из соображений протеста.

Мать контролировала ее связи, с кем-то разрешала, а с кем-то не разрешала общаться, в какую-то компанию приходилось ходить нелегально. И когда в компании начиналось самое интересное, Надя должна была идти домой — поздно ей возвращаться категорически воспрещалось.

Лет с пятнадцати она перед тем, как войти в квартиру, тщательно стирала с лица макияж, чтобы не «быть похожей на девиц легкого поведения». А с шестнадцати пришлось выслушивать лекции о том, что «с этим — надеюсь, понятно с чем? — нормальной девочке торопиться не нужно, вот мама ждала, пока не появился папа и ничего не потеряла».

- Откуда ты знаешь, что ничего не потеряла?
- То есть как это откуда я знаю?
- Ты же не пробовала, может и потеряла.
- Ну и характер, не промолчит...

Давление и протест, давление и протест — так продолжалось до отъезда Нади из Винницы. Но нужно отдать справедливость матери и дочери — они никогда не переходили определенную грань, не доходили до истеричных скандалов, агрессии и оскорблений. А ведь такое вполне могло бы случиться, особенно после необычайного события в их семье — Лидия Владимировна еще раз доказала свою самобытность и в сорок шесть лет родила двойню.

Мальчиков. Надя тогда только перешла в шестой класс, квартира была трехкомнатная, и бедная девочка с тех пор спала в гостиной за ширмой. То, что такое долго продолжаться не могло, понимали все, и после восьмого класса Надя поступила в Одесское медицинское училище. Был медицинский колледж и в Виннице, но местным общежитие не давали, да и сама Надя мечтала, во-первых, улететь подальше от родительского гнезда, а во-вторых, легендарная Одесса манила провинциалку.

Общежитие ей не понравилось, матрацы были с пятнами, одеяла не первой свежести, в коридорах вечно шумели, громко разговаривали. Но чувство свободы и возможность наконец делать то, что душеньке угодно, компенсировало с лихвой все неудобства. Ее соседка Маечка из Тирасполя была немного неряхой и немного грязнулей, но симпатичная, и их комнату парни не пропускали.

Первая мысль на новом месте была – не считайте это наговором, учитывая описанную мною жизнь в Виннице, – избавиться от того недостатка современности, который у Нади задержался до 17-ти лет. Надеюсь, вы помните, чему ужасались в разговорах на переменах высоконравственные преподавательницы? Но с этим несложным для исполнения желанием, учитывая достаточное количество кандидатов, произошло неожиданное затруднение. И это даже напугало Надю, ей показалось, что она все-таки унаследовала от матери проблемы с сексом.

Пока отношения с мальчиками или мужчинами были дружескими, все было прекрасно, но как только появлялись эротические нотки – происходило отторжение. Она поняла, что физически их не воспринимает, во всяком случае тех, которые предлагали свое участие.

Я уже говорил, что Надя была умной и начитанной девушкой. Поэтому она сделала научный вывод, точнее вывела строгую научную формулу: между мужчиной и женщиной существуют два типа хороших отношений – «сродство

душ» и «сродство тел». Для дружбы необходимым является только «сродство душ», «сродство тел» не обязательно. Для секса картина обратная: главное — «сродство тел», а без «душ» можно и обойтись.

Так вот, прошло долгих полгода поисков, к «сродству тел» никто даже не приближался. Когда доходило до «дела», отвращение становилось непереносимым, и процесс срывался. Неужели она переплюнула мать и вообще не способна испытывать сексуальное влечение к мужчинам? Слава богу, хотя бы определенно не лесбиянка, эти женские поцелуйчики она не переносит. Но что с мужчинами? Может, просто ждет своего принца? Как мама? И ждать придется до тридцати четырех лет?

Наконец принц появился и отмел все сомнения. Юра Осмоловский был, безусловно, солидным мужчиной для девчушек из училища, он уже три года после окончания Медина работал терапевтом в поликлинике и заочно учился на курсах специалистов по магнитно-резонансной и компьютерной диагностике. Одновременно он вел практику у них в училище, подрабатывал. И после первого же занятия пригласил Надю пообедать в приличное кафе. Там он положил ей руку сначала на плечо, потом, не встретив сопротивления, на колено. Надя сразу почувствовала такое «сродство тел», что когда он пригласил в гости, она просто не могла ответить отказом и только молча кивнула головой в знак согласия. А когда вошли в квартиру, она буквально сомлела, и об отказе не могло быть и речи. И наслаждение было таким, какого не бывает при первом опыте, о чем ей говорили бывалые подружки: «Из-за волнения ничего не почувствуешь, только на третий-пятый разходишь во вкус». Она вошла во вкус сразу, и ее даже не смутило полное отсутствие «сродства душ».

А почему не было «сродства душ»? Юрочка был типичным сладким красавчиком-блондином, и хотя как выяснилось, альфонсом в прямом смысле не был — во всяком

случае пока, — но внешне именно такой классический типаж. Все — практически все — женщины называли его Юрочкой, факт, говорящий о многом. И в довершение всего был он пошляком, его определенно тянуло на двусмысленные замечания и аналогии ниже пояса. Этого было достаточно, чтобы Надя довольно быстро поняла — такой тип мужчины ей определенно не нравится. Но секс был настолько великолепным, что когда Юрочка появлялся в зоне видимости, то мысль об отказе даже не возникала в ее голове. И, кроме того, она наконец успокоилась — сомневаться в своей гетеросексуальности никаких оснований больше не было.

Идиллия продолжала около трех месяцев. В течение этого времени в отношении Нади к Юрочке произошли неожиданные изменения: она теперь не только не могла ему отказать, но скучала, когда его долго не было, даже ловила себя на том, что поддается ревнивым мыслям, для которых — судя по характеру и манерам принца — у нее были все основания. В конце концов Наде пришлось признать самой себе, что она влюбилась в человека, которого как минимум не уважает.

Это была первая любовь, сильное чувство, но, к сожалению, не всегда оно бывает светлым и романтичным. И Надя на личном опыте расширила свой научный багаж — кроме дружбы и секса, есть совершенно не подчиняющееся логике чувство любви, которое может существовать как в любых сочетаниях «сродства», так и вообще без ононого. И вполне можно любить недостойного человека, каждый знает такие примеры из жизни. Воистину, «законов всех она сильнее».

Чем бы это кончилось, один бог знает, но пришел на помощь случай. Света, живущая в соседней комнате, сексапильная, несмотря на свой юный возраст, девица, однажды донесла Наде, что Юрочка как-то заходил в гости и застал только одну Маечку в комнате.

– Теперь она у него на крючке, – залилась злым смехом Света.

«Она у него на крючке» – любимая острота Юрочки, от которой Надю передергивало, и она поняла, что доносчица тоже входит в их компанию.

Маечка со слезами раскаяния немедленно созналась и в оправдание сказала, что ее согласия никто – в смысле Юрочка – не спрашивал.

– А кричать было стыдно...

Нужно было принимать меры и избавляться от позорной зависимости. А для этого Юрочка не должен был появляться в поле зрения, иначе может быть срыв. Пришлось проявить все свои интеллектуальные способности и найти выход.

Их последнее свидание было на улице, в квартиру Надя не пошла – береженого бог бережет. Юрочка ничего не отрицал, только пожал плечами.

– Мы не женаты.

– Я тебя предупреждаю – если увижу тебя в районе общаги или училища... Нет, не так... На глаза мне не попадайся! Если вообще тебя еще увижу...

– И что тогда будет? Наденька, не заводись. – Он опять пожал плечами, миролюбиво улыбнулся, избегал скандалов.

– Мая готова заявить, что ты ее изнасиловал. Послушай меня, исчезни с глаз долой, не ломай себе жизнь.

Юрочка побледнел, и Надя поняла, что он, конечно, не насиловал, но и не больно спрашивал разрешения.

И он действительно исчез, как ей казалось и хотелось – навсегда. Непросто было оправиться от потрясения, которое принесло ей первое и такое – как бы сказать помягче – такое неромантическое знакомство с любовью, но Надя реалистом-циником не стала, слишком велики у нее были запасы жизнелюбия. А собственно, ничего неожиданного не произошло; ведь и она знала,

чего можно ожидать от Юрочки. Плохо, что она попала в зависимость, влюбилась... или подумала, что влюбилась. Нет, все-таки зависимость была, и Надя сделала вывод — всегда и во всех обстоятельствах важно помнить о чувстве собственного достоинства. Спустя какое-то время она узнала, что Осмоловский уехал работать в Польшу, и история постепенно забылась.

* * *

Прошло четыре года. Это были нелегкие годы, не только для Нади, но и для Украины. Трудно было и в Виннице — на две учительские зарплаты особо не разгуляешься, дома близнецы, в Одессе дочка, родители присылали сколько могли, а могли они немного. Еще в училище Надя стала подрабатывать сиделкой, после окончания немедленно устроилась в больницу младшей сестрой. Очередь конкурентов на это место не выстраивалась, и не зарплата, а поборы с больных и их посетителей были основным источником дохода. Наде это очень не нравилось. Но была еще одна причина для того, чтобы уйти из больницы — нет сомнений, желание помогать страдающим прекрасное свойство человека, но не каждый способен все время находиться в атмосфере боли, переживаний, трагедий. Оказалось, что Наде это слишком тяжело, и спустя год она нашла работу, которая ее устраивала и которую устраивала она.

Она уже почти три года работала в одном из медицинских центров, принадлежащих Павлу Лукову, я о них упоминал. Центр назывался «Резонанс»; думаю, в честь главной приманки для больных — магниторезонансной томографии, в народе более известной как МРТ. Я туда заглядывал, но не как пациент, а в качестве автора. Аккуратное — не чета государственным лечебным заведениям — здание, светлый метров сорок коридор и с обеих сторон двери, ведущие в помещения с современными

приборами, медицинскими работниками и просто работниками. Компьютерная томография была основным направлением. «Резонанс» считался солидной фирмой — всего в центре работало плюс-минус сорок человек.

Сестры были в основном молодые, потому что организация создавалась не очень давно, да и профиль был новый, мало кому известный. Надя начинала дежурной сестрой, заполняла документы, назначала время приема. Но она довольно быстро завоевала авторитет своим тактом, знаниями и — между прочим — умом, который не помешает в любой профессии. Ко времени, о котором мы говорим, она уже была старшей сестрой, и ее авторитет не подвергался сомнению. Мне рассказывали, что если кому-нибудь при обследовании или в очереди становилось плохо — а центр посещали не слишком здоровые люди, то прежде всего вызывали Надю, а уже потом кого-то из врачей. Опыт работы в больнице играл не последнюю роль в доверии, которое ей оказывали сестры и врачи, и — интуитивно — больные. Короче говоря, Надя была человеком на своем месте.

Она уже не напоминала бойкого галчонка, не то улетевшего, не то выпавшего из своего гнезда. Выросла, окрепла, закалилась, приспособилась к очень даже непростой современной жизни — и при этом еще больше похорошела. В ней отчетливей, чем прежде, просматривалось то качество, о котором я уже упоминал, цитирую себя: «О таких говорят — в ней что-то есть, и это очень высокая оценка не только внешности, но и содержания». Может только — на мой вкус, — она стала слишком серьезной, но одной, в чужом городе, да еще таком непростом, как Одесса, пробиваться, стараясь не стать циничной, не терять уважения к себе — согласитесь, очень даже непросто. Станешь серьезной.

Сразу по окончании училища встал вопрос о жилье, аренда даже маленькой квартиры в непрестижном районе

стоила больше, чем ее зарплата, потом подскочили коммунальные, потом...

Наде повезло, и она нашла хорошую компаньонку на съем, Ларису из Краматорска. Там стреляли, и она перебралась в Одессу, но статуса беженки не получила — Краматорск Украина отвоевала. Она была старше Нади, закончила биофак Донецкого университета еще до войны и могла бы работать преподавателем биологии, но так как не знала, как называются наши органы на украинском языке, то пока работала в магазине продавщицей. Лариса была женщиной довольно крупной — чувствовалось, что с годами будет добавлять в этом направлении, — доброй и положительной. Она хотела выйти замуж, иметь семью, для этого, в общем, и была предназначена. Но не получалось. Особым успехом у мужчин с серьезными намерениями почему-то не пользовалась, а несерьезных не любила сама. Годы тем временем утекали, как вода.

Они с Ларисой сняли небольшие две комнатки, одна из которых была проходной, но имелись кухонька и ванная. Удачная квартирка. Телевизор Ларисы Надя могла слушать из своей комнаты при закрытых дверях и даже смотреть, если двери приоткрыты. Так как как Лариса вела более домашний образ жизни, Надя занимала проходную комнату, чтобы не беспокоить соседку при позднем возвращении. Лариса, к сожалению, ни с кем не встречалась, а у Нади был друг, с которым она встречалась раза два в неделю. Они ходили в кафе, на концерты, в театры, а время от времени она приходила вечером в его холостяцкую квартиру.

Вот об этом следует поговорить особо.

В прошлом веке, во всяком случае в первой его половине, еще бытовало мнение, что женщине тяжело решиться на близость с новым мужчиной, для нее это проблема. Она долго мучится сомнениями, набирается мужества. Именно мужества, потому что — бытовало мнение — для мужчины

важен поиск, новизна, а женщину новизна скорее пугает. Поэтому по своей природе женщина стремится сохранить старые, привычные отношения, она консервативна и на новые приключения идет очень неохотно и с опаской. Решает вопрос буквально на уровне «быть или не быть».

Сейчас это мнение уже не бытует. Современная женщина не считает, что новая близость с мужчиной требует глубоких размышлений, это не вопрос жизни и смерти. И кстати, с этого простого «дела» можно начинать отношения, выяснять, много ли общего у мужчины и женщины, совпадают ли их вкусы, интересы и прочие более сложные вещи. А можно ничего не выяснять и просто получить удовольствие. Мужчина, с которыми современная женщина встречается и имеет сексуальные отношения — видите, какое длинное определение, — для удобства называется партнером, и в его замене ничего необычного нет, так же, как и в совмещении с другим партнером или партнерами. Конечно, это в первую очередь касается молодых и свободных женщин, с другими категориями вопрос более сложный, и я поднимать этот пласт не собираюсь. Но современная молодая свободная женщина не сомневается в том, что секс полезен для здоровья — в первую очередь женщине, а для нормальной жизни просто необходим. Так же, как и партнер. Да, партнер и секс являются признаком того, что в жизни женщины все благополучно. Не случайно все — ну скажем, почти все — современные виды искусства тоже активно разрабатывают тему секса.

А Надя, увы, лишь притворялась современной женщиной, то есть вела она себя как все — жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. У нее есть парень, симпатичный, тридцати лет, хорошее лицо, хорошая фигура и не бедный. Зовут Алексей. Алеша, очень приятное имя, почему-то в последнее время выпавшее из моды, встречаются иногда Леши, но это другое... Он работает каким-то чиновником среднего звена, у него

есть свой кабинет, и через этот кабинет идут какие-то потоки. У Алеши есть краник, он может иногда открыть его и набрать себе немного из потока сверх зарплаты, главное — не злоупотреблять. Алеша не жадный и хорошо к Наде относится, поэтому они иногда ходят в кафе, рестораны, театр, ездили недавно вместе на Родос. И вполне естественно, как я только что говорил, периодически она приходит к нему, в его холостяцкую квартиру и проводит там какое-то время. А если этого делать не будет, то будет как Лариса сидеть дома, потому что Алеша вполне современный молодой человек. Одиночка очень ограничена в возможностях отдыха, я уже не говорю о деньгах. Для примера, пойти одной в театр — выглядишь просто нелепо. Какая-то ущербность. А две подружки в том же театре тоже чувствуют себя неудачницами. И так во многих отношениях.

У Нади тут все в порядке, Алеша вполне рейтинговый вариант, они встречаются во всех современных смыслах этого понятия. Почему же я сказал, что Надя только притворялась современной? Потому что ей не дается одно из важнейших требований — от секса она не только не получает удовольствия, но даже вынуждена применять над собой насилие.

Да, увы, все та же история. Требование «средства тел» для нее по-прежнему оставалось камнем преткновения в современных сексуальных отношениях. Может, это был результат ханжеского воспитания — хотя мы к нему относились с иронией, — а может, материнские гены, но после эйфории с Юрочкой все последующие претенденты определенно в сексуальном отношении вызывали у нее отторжение. Скорей всего — так Надя решила, и я с ней согласен — она была слишком требовательна и избирательна. И контрастна — у нее было либо «да», либо «нет» и никаких «или». Никакие самоуговоры не помогали, это не было просто капризом, ведь в притяжении,

неожиданно возникающем между мужчиной и женщиной, решающим является не разум и логика, а нечто, от нас не зависящее.

Надя рылась в Интернете, пытаясь разобраться в своих — как ей казалось — странностях, и убедилась, что наука тоже не знает ответа на эти вопросы, и их объяснения до сих пор остаются на уровне гадалок, прорицателей и экстрасенсов. Она как-то просидела целый вечер у телевизора, слушая специальную беседу профессора и академика о любви, и кроме загадочных определений — некая аура, некие флюиды, направленное обоняние и специфические взвеси атомов и молекул в воздухе — ничего конкретного не услышала.

К счастью, Юрочка помог ей убедиться в том, что она вполне нормальной ориентации, просто немного — на век-другой — отстает от времени.

Но — повторю — быть свободным от общества нельзя. Несостоявшиеся партнеры уходили к тем, кто современной, и Наде пришлось наступить на горло собственной песне, когда она поняла, что вполне приятный и достойный Алеша тоже уйдет вслед за остальными, если не станет полноправным партнером. «Хочешь жить — умей вертеться», говорит народная мудрость, и Надя научилась не только вертеться, но и вполне естественно изображать участие в наслаждении. Она уже больше года встречалась с Алешей и была всем почти довольна, может быть за минусом того, о чем я вам только что рассказал, и... он ей иногда казался скучноватым. Словом, чувств горячих не было, что тоже можно считать признаком современности.

Итак, все представлялось более-менее стабильным, но жизнь состоит из переплетений случайностей и закономерностей, и порой трудно разобраться, где заканчивается одно и начинается другое. Именно такое переплетение дало старт неожиданным переменам в жизни наших героев.

Первым стабильность нарушил Алеша.

Осенью 2018 года они вернулись из отпуска на Родосе, казалось, еще больше сдружившиеся и сплотившиеся, и наверно можно считать закономерным, что Алеша окончательно убедился в том, что Надя его судьба. Он предложил ей руку, сердце, трехкомнатную квартиру – где Надя нередко бывала, – а краник в его кабине должен был гарантировать стабильный уровень жизни.

Надя все-таки не была по-настоящему современной – должен еще раз это подтвердить – и вместо того, чтобы потянуть время, «поколебаться» какое-то время, решила быть честной и поступить благородно. Она ужаснулась одной только мысли, что придется дни и ночи существовать вблизи тела, далекого от «сродства» как от неба до земли, да и со «сродством души» тоже не очень получилось.

– Алеша, я от тебя ничего кроме хорошего не видела, поэтому не хочу тебя обманывать. Я к тебе очень хорошо отношусь, но ты должен знать – замуж за тебя я никогда не выйду.

– Давай пока поживем вместе, посмотрим, как будет дальше. Я же не предлагаю сразу ставить печать, в конце концов двадцать первый век, – Алеша тоже был современным человеком.

На сей раз отступить было некуда. Надя еще раз мысленно ужаснулась этой перспективе и, стараясь быть помягче, ответила.

– Алешенька, не сердись, но ты имеешь право знать правду – мне с тобой хорошо, мы можем встречаться. Но, миленький, – это она слово добавила не без труда, – жить с тобой ни со штампом, ни без штампа я не буду.

После довольно длинных объяснений, которые я пропускаю, он ушел, и – сообщаю, чтобы покончить с ним в нашем рассказе, – примерно через полгода женился. Надя стала часто по вечерам смотреть телевизор с Ларисой,

иногда все же выходила в люди с подругой Светой, своей подчиненной. И они, как я уже говорил, чувствовали себя неудачницами.

А вот то, что в это же время появился в «Резонансе» новый доктор Юрочка Осмоловский, можно считать... не знаю, склоняюсь больше к случайности. Хотя, кто его знает...

Наде это было неприятно, но особо не расстроило — давно быльем поросло. Хороший секс она помнила — тем более он был первым, но человек Юрочка Осмоловский даже в воспоминаниях выглядел убого. Из-за такого не стоило ни радоваться, ни огорчаться.

Он окончил специальные курсы в Польше, работал там какое-то время, но потом — все-таки был в значительной степени шалопаем, что нередко случается с бабниками, — что-то сорвалось. Пришлось возвращаться. Приняли его по рекомендации солидного мужа какой-то его хорошей знакомой, хозяин Павел Андреевич согласился, для него это была мелочевка. Учитывая польский опыт, его приняли с испытательным сроком, хотя со специалистами такого профиля были проблемы, поэтому Юрочка вел себя скромно, тише воды и ниже травы, даже с сестричками, у которых имел успех, не заигрывал. И по-прежнему женский персонал и даже часть мужского, называли его Юрочкой, несмотря на возраст, тридцать три года, как он часто любил повторять — возраст Иисуса Христа.

Надя была исключением, за ней он открыто ухаживал, не скрывал от общественности, что давно неравнодушен к ней, и сразу дал понять, что прошлое не только не забыл, но и не прочь его повторить. В ответ получил холодный и даже презрительный отпор. В дальнейшем их отношения оставались подчеркнуто официальными, и все его попытки наладить контакт жестко пресекались. Он для нее был даже не Юрий Витальевич, а доктор Осмоловский.

Но, кажется, он увлекся Надей всерьез. И предлагал не только встречаться, к своему удивлению, он предложил ей вместе жить.

— Ты забудь, что было когда-то. Ты теперь не та. И я не тот. Мы другие люди.

— Доктор Осмоловский, извините, но у меня много работы...

Сотрудницы «Резонанса» вне зависимости от возраста удивлялись непреклонности Нади, то, что она разошлась с Алешей, знали все — Света была не слишком молчаливой. И такой мужчина! Чего она ждет — звезду с неба? Как видите, влияние на противоположный пол Юрочка сохранил, а может даже приумножил — женщины любят не только победителей, но и пострадавших. Наверно, я несправедлив; пожалуй, у него, кроме того, что я назвал смазливостью, было что-то еще, какое-то непонятное мужчинам достоинство. Иначе откуда такой успех? И, вероятно, он действительно стал солидней? Даже боюсь, что не обошлось и без доли зависти...

Света выпытывала, какой он в постели — девушка была прямолинейной и непосредственной, но не обидчивой, поэтому после резкой — очень резкой — отповеди продолжала, как ни в чем не бывало:

— Ты как собака на сене, сам не ам и другому не дам. Замолвила бы за меня словечко, уж я-то фордыбачить бы не стала.

Надя даже злиться на нее не могла, настолько искренним было недоумение подруги. Но сама была до такой степени равнодушна к Юрочке, что его какие-то — как ей казалось — стандартные и банальные по форме предложения даже не раздражали. Хотя фривольные мыслишки у нее иногда появлялись — интересно, секс с ним сейчас, когда он совершенно ей не интересен, был бы таким, как раньше? И в самом ли деле секс совершенно не связан «со сродством души»? Но это,

пожалуй, единственное, что мог бы поставить Юрочка себе в заслугу за два-три месяца бесполезных ухаживаний.

У Нади дружба с простодушной Светой немного разладилась, приходилось все больше по вечерам делить досуг с Ларисой. Это было не слишком интересно, даром время тратить не хотелось, и наша активная героиня решила, что есть возможность исполнить давнюю мечту. Она когда-то хотела всерьез заняться биологией, сейчас появилось свободное время, и она стала по вечерам готовиться к поступлению на вечернее отделение биологического факультета Одесского университета. В жизни появилась новая цель — не оставаться же до конца дней сестрой, даже старшей. Надя, несомненно, была честолюбивой и целеустремленной. Лариса с удовольствием ей помогала в свободное от работы в магазине время, вспоминала давно забытое и заодно выясняла, как это звучит на украинском языке — а вдруг пригодится.

Опять появилась стабильность... и снова вмешалась случайность. То, что встреча с Игнатием Всеволодовичем Маминым была случайностью, признавала даже Лариса, которая уже утратила надежду на появление мужчины с серьезными намерениями. Но это произошло. Намерения у него были самые серьезные, и буквально после недели знакомства он сказал, что считает себя не просто знакомым, а женихом. Невеста Лариса была наверху блаженства.

Мамин — кстати, его все называли по фамилии, в том числе и новоявленная невеста, наверно потому, что это было намного легче выговорить, чем Игнатий Всеволодович, — тоже был переселенцем, тоже имел какое-то педагогическое образование на русском языке и поэтому тоже работал в магазине, но не продавцом, а в службе.

Он считал себя дважды переселенцем, сначала в начале войны уехал из Луганска, где что-то преподавал,

под Херсон с женой и дочерью. Потом жена переселила, точнее выселила его, то есть заменила интеллигентного и не приспособленного к нелегкой жизни в степях Украины Мамина на более перспективного и крепкого партнера.

Он не был, прямо скажем, мужчиной видным, лет сорока, лысоват, пониже и поуже Ларисы, которая в этом — как биолог — не находила ничего странного и объясняла Наде:

— В животном мире это очень распространено, самка больше... — она подыскивала определение, потому что на самца Мамин был не очень похож... — чем особь мужского пола.

Но в общем, несмотря на невзрачность, он был интеллигентным, неглупым, не без чувства юмора, практически непьющим и жаждал теплого семейного очага. Снимал он комнату с напарником, пьющим за двоих, можете себе представить состояние этих апартаментов — естественно, принимать Ларису ему было негде.

Они оба были здравомыслящими людьми, поэтому, не проверив себя как следует, с бухты-баракты, снимать совместное жилье не собирались, тем более что денег у них — а особенно у Мамина — было не густо. Поэтому единственным местом, где они могли проверить надежность своих отношений, была квартира, в проходной комнате которой жила Надя. Первое время раз в неделю они выходили в свет, два раза Лариса принимала жениха на дому. Потом выходы в свет прекратились, ведь на ресторан у них денег не было, а к этому времени осень перешла в зиму — на скамеечке не посидишь. Да и какая проверка в театре или ресторане? Всем известно, что быт является самым основательным испытанием чувств. А для быта или хотя бы его имитации нужна была квартира, в проходной комнате которой, как вы уже знаете, жила Надя, и где сквозь тонкие и даже полупрозрачные двери

слышен был малейший шепот и шорох. Даже откровенная беседа в присутствии третьего лишнего была невозможна, я уж не говорю об интиме.

— Наденька, решается моя судьба, — страдальчески шептала Лариса и, как пишут в романах, смотрела на нее глазами жертвы, влекомой на закляние.

Наде удалось только выторговать одно условие, чтобы особи мужского пола (про себя она это определение сократила до аббревиатуры ОМП и мысленно только так Мамина и называла) в 11 часов вечера уже не было в квартире. А на улице зима в разгаре. Иногда Надя в такие вечера находила занятие, но чаще оставалась на работе и готовилась к экзаменам в институт, испытывая при этом не только неловкость, но и терпение начальства — она расходовала электроэнергию, за которую платила фирма. Охранников Надя регулярно снабжала сигаретами, и они на нее не доносили.

Начальство пока молчало то ли от хорошего к ней отношения, то ли не замечая нарушений. Но долго это продолжаться не могло.

А «молодые» никак не могли прийти к консенсусу. Наконец Надя не выдержала:

— Лариса, я не хочу вам мешать, но и на улице не могу больше оставаться. Давай я подыщу квартиру, — она вздохнула, — с напарницей, сама не потяну.

Лариса трагически задышала.

— Наденька, милая, еще немножко. Я уже думала, что все в порядке, а Мамин позавчера пришел на работу пьяный. Говорит, сосед спойл. Наденька, нужно бы убедить-ся, дай мне еще немного времени. Решается моя судьба!..

Надя все-таки начала подыскивать квартиру с соседкой — цены на аренду как обычно неумолимо росли, — но это было очень непросто. Уж если такая покладистая Лариса в борьбе за свою судьбу так бесцеремонно с ней поступает, то с какой осторожностью нужно присматриваться к новой возможной соседке?

Так продолжалось месяц, пошел другой. Однажды, когда Надя привычно задержалась на работе и разложила конспекты, вернулся главврач — он что-то забыл.

— Наденька, ты на второй смене? Сверхурочные не заплачу, — пошутил он.

— Нет, Григорий Ильич. Кое-что доделать надо.

Она быстро собрала все в сумку, оделась и выско-чила на улицу раньше главврача. Шел холодный дождь со снегом, ветер пытался вывернуть зонтик, и ему это время от времени удавалось. Он превращал зонтик в чашу, из которой вода выливалась по ручке прямо в рукав. Словом погода, как часто в критические моменты бывает не только в романах, но и в жизни, делала все возможное, чтобы ситуация стала невыносимой. Идти домой? Но там вполне можно нарваться на ОМПа в неглиже, и это еще в лучшем случае.

Надя сразу же замерзла, ее стала бить крупная дрожь — результат смеси холода и нервного напряжения. В таком состоянии принимать разумные решения невозможно. К счастью, на пути показалось знакомое и уютное кафе «Огонек», она решительно в последний раз дернула за спицу зонтик, вывернула его в нормальное положение, сложила и вошла.

— Уф-ф! — это она произнесла вслух, остальное добавила про себя, и я ее за это не осуждаю.

В кафе было тепло, уютно, неяркий свет, посетителей немного — две смешанные пары и три женские. Все молодые. Вообще тенденция последних лет — в тех заведениях, которые не посещают алкаши, женщин больше, чем мужчин. Надя подошла к самому дальнему от бара столику в углу, поставила нелегкую, набитую справочниками и конспектами сумку на стул, зонтик в угол. Подойти к бармену? Не было сил. Сняла куртку, повесила на другой стул. Села. Дрожь в теле не унималась. Она поймала вопросительный взгляд бармена, молодого хлыщеватого

парня, чуть махнула рукой — мол, дай прийти в себя. Откинулась на спинку, закрыла глаза. Не думала ни о чем, просто постаралась успокоиться и унять дрожь.

— С вами все в порядке? Что-нибудь закажете? — спросил, склонившись над ней, бармен. У него были основания для беспокойства — девушка закрыла глаза, откинулась на стуле, сидит так несколько минут, не двигаясь.

— Да, спасибо. Наверно... наверно, пятьдесят грамм коньяка и кофе.

— «Шабо» пять звездочек?

— Да, пожалуйста. Просто я замерзла, — стала оправдываться она.

— Понимаю. Я быстро.

У Нади были проблемы с алкоголем, она его плохо воспринимала. Ей достаточно было полфужера брютта, чтобы почувствовать себя подшофе, и рюмки коньяка, чтобы основательно захмелеть. Впрочем, некоторые ее пьющие знакомые, которые тратили много денег, чтобы добиться таких результатов, считали это достоинством.

Надя выпила сразу весь коньяк, сделала пару плотков кофе — и результат не заставил себя ждать. Напряжение отпустило, она почувствовала умиротворение, потом появилась уверенность в себе. Краски в мир стали возвращаться. Пробьемся!

Я симпатизирую Наде, но из песни слов не выкинешь, и придется рассказать то, что не понравится большинству читателей, и что не нравится мне самому. Что делать, правда жизни бывает очень далека от идеала.

Открылась дверь... и в кафе вошел Юрочка Осмоловский. Я уже рассказал, что в этом кафе обычно было много свободных девушек, поэтому его появление можно считать закономерностью, в то время как Надя здесь оказалась случайно. Вот еще одна возможность поразмышлять о значении в жизни сплетения этих двух факторов... Но я повторяюсь.

Юрочка кивнул одной паре молоденьких девиц, другой приветственно махнул рукой — чувствовалось, что он здесь завсегдатай, затем увидел Надю — на лице неподдельное удивление. Он подошел к ней, заметил пустую рюмку, и удивление сменилось изумлением.

— Наденька, что ты тут делаешь?

Она посмотрела на него спокойно, равнодушно.

— А-а, доктор Осмоловский... Здравствуйте.

Юрочка сел на свободный стул не раздеваясь, по-настоящему обеспокоившись спросил:

— Что-то случилось? Почему ты здесь?

— А где может быть бездомный человек?

— Я не понимаю. Ты поссорилась с соседкой?

Юрочка знал, что Надя снимает квартиру не одна, это было в сфере его компетенции — иначе он бы давно появился у нее без спроса.

— Лариса сейчас принимает ОМПа.

— Кого?

— ОМПа. О-М-П, — она назвала буквы отдельно, — особь мужского пола.

Надя все это говорила со старательностью прилично выпившего человека. Юрочка знал ее отношение к спиртному, он понял, что ее «разбирает».

— А, принимает любовника.

— Жениха, — уточнила Надя, она хотела оставаться объективной, но обида взяла верх. — Вот уже почти два месяца по вторникам и четвергам, а сейчас и по субботам... я бомжиха. Ха-ха, бомжиха! Я бомжиха.

— Не думал, что ты такая безвольная и покладистая. Наденька, у тебя же есть характер.

— Есть, — и она трагическим шепотом, подражая Ларисе, сказала: — Но решается ее судьба! Ее цель — иметь семью. Это ее цель. А у вас, доктор Осмоловский, есть цель?

— Есть, как у всех.

– А главная?

– Главная? Иметь много денег.

– Ну, доктор, у нас вы их не получите.

Юрочка помрачнел.

– Да, у нас не получу. Буду думать...

– А у Ларисы – семья. А для семьи нужен ОМП. Хоть какой-никакой. – Она внимательно всмотрелась в глаза Юрочки, сконцентрировалась. – А ведь вы тоже вроде ОМПа?..

– Почему тоже? И почему вроде? Я точно мужского пола.

Надю определенно развезло, и Юрочка решился.

– Знаешь, что бы я на твоём месте сделал?

– Что?

– Я бы плюнул на все и поехал ко мне. Сколько можно бороться? У меня сухо, тепло, ты же знаешь...

Надя не отвечала, но было видно, что поняла и задумалась. Юрочка продолжал:

– Тебе ничто не угрожает, ничего нового с тобой не случится. – Он сделал акцент на слове «нового» и замолчал.

Опытный человек, он знал, что сейчас продолжать уговаривать не нужно. Нужно помолчать.

Молчание затянулось. Но вот Надя выпрямилась, в ее голосе и манере появились несвойственные ей, я бы сказал, вульгарные и игривые нотки.

– Заплати за кофе и коньяк. И вызови такси. И возьми сумку.

Юрочка молча взял сумку и пошел к бару. А Надя вслух спросила себя:

– Интересно, можно ли два раза войти в одну и ту же реку?

Оказалось, что можно. Надя осталась жить у него.

А я задал вопрос себе – она смирилась или бросила вызов? Но ответа не нашел.

Договор

Идея кризиса пришла к Павлу посреди бессонной ночи.

После разговора в поликлинике с Леней Куликом, получив от него объемистую папку направлений на анализы, он отправился на работу, дал распоряжение секретарше: «Никого не принимать и ни с кем не соединять», сел в кресло, и бездумно уставившись на море — его офис был в новом здании на побережье, — просидел до обеда. Анализы решил начать со следующего утра, потому что некоторые нужно было делать и сдавать натощак. Потом он пришел к практически здравому решению — если режим начинается завтра, то сегодня еще можно напоследок себе «позволить». На выходе сказал секретарше: «Меня сегодня не будет», — даже в отделы не заглянул и отправился в дальний ресторан, за городом, который элита не посещала, на этот раз он общения не жаждал. «На посошок» с удовольствием выпил и закусил — впереди его ждала жестокая алкогольная диета, а это расстраивало. И хотя он считал себя очень умеренно пьющим, но довольно часто ужины в ресторане с компанией сопровождались спиртным, а может даже чаще, чем часто.

Ужин затягивался — идти в пустую квартиру не хотелось, там кроме одиночества его поджидала мучительная ночь. Пригласить к себе Ирочку, чтобы не быть одному? Пусть на всякий случай будет рядом кто-то, когда он вырвется из кошмара. Но тогда завтра же по городу поползут слухи о его болезни:

«Разве я говорю неправду? Я же сама слышала, как ты вопил».

А может, поехать не в городскую квартиру, а домой и попросить переночевать в соседней комнате бывшую домработницу, а ныне домоправительницу Нину? Он

нервно повел плечами — да, плохо дело, до чего дока-
тился, совсем раскис.

Павел совсем расстроился и в знак протеста заказал еще виски. Впереди достаточно времени — минимум две недели, сказал Леня, — чтобы протрезветь. Когда он поехал домой, то почувствовал, что основательно нагрузился. Кто-то по дороге — кажется инспектор — ему свистел, но статус Павла позволял ему не обращать на такие мелочи внимания. А вот то, что Леня просил воздержаться перед анализами, — это серьезно. Но зато он был настроен более жизнерадостно, ополоснулся, не пил никаких снотворных, без особых волнений смело лег в койку и тут же уснул.

Увы, на этом оптимистическая часть закончилась, через недолгое время он почувствовал, что сердце остановилось, попробовал шевельнуть рукой, ногой — бесполезно, жив, умер? Дышит — не дышит? Кажется, немного подалась рука, он старался ее раскачать. Наконец удалось глубоко вздохнуть, он вырвался из сна и снова не успел сдержать громкий стон, скорее похожий на рев.

Он был мокрым. Полежал несколько минут, приходя в себя. Потом встал, ополоснулся под душем. Менять влажную постель не хотелось, перешел в соседнюю комнату — помните, там всегда была готова кровать для тех гостей, которые не захотят ехать домой после свидания.

Спать хотелось, но было страшно. А ведь следующий раз он вполне может и не проснуться... Тянуть нельзя, как только Леня после анализов назначит курс, нужно самым добросовестным способом начинать лечение. Но где, в каких условиях?

В городе оставаться глупо, что дома он будет делать? Обязательно попрется на работу, а этого делать нельзя. «Ничего личного, только бизнес» — именно ради бизнеса он не должен появляться перед работниками таким пугалом. Поехать в санаторий? Что он будет там делать

круглые сутки? И не выпить, и не закусить. Пилюли, ванны, массажи — ужас. Там он не выдержит.

Павел перебрал в уме еще несколько подобных вариантов. Нужно, чтобы было хоть какое-то разнообразие, и в окружении относительно нормальные, а не озабоченные своим здоровьем люди. И тут он подумал о круизе. Это была неплохая идея, пожалуй, лучшее из того, что ему приходило на ум. Конечно, Леня будет недоволен, но на лайнере тоже есть медицина, а у Павла есть деньги, чтобы все было на высшем уровне. Да, круиз это единственное, что он две недели сможет выдержать в «сухом» режиме.

Только под утро Павел решился заснуть, проснулся около семи. Сон был мрачный, он тоже с трудом из него вырвался, но не с таким сердцебиением и не пришлось менять постель. С иронией ухмыльнулся — привыкаю. Завтракать было не нужно, да и нельзя — впереди анализы. Он подождал до восьми, позвонил Кулику и сообщил о своей идее.

— Лечебный круиз? Это что-то новое в медицине.

— Наука не стоит на месте. Я же должен лечить психику, поэтому праздничная обстановка и разнообразие отвлекут меня, не позволят заикливаться на своих проблемах. Видишь, я подготовился.

— Так-то оно так. Но нужно следить, проверять. И твой мотор требует внимания.

Павел в ответ поделился планами прикупить круизную медицину.

— Не скажи. Они там на западе не клюют на деньги, больше работой дорожат.

— Зависит от суммы. Им тоже ничто человеческое не чуждо.

— Ладно, — твердо ответил Кулик, — приедешь с анализами, потом и поговорим.

Он был всегда очень решителен, когда откладывал решения «на потом».

Программа анализов была большая, только на следующий день во второй половине Павел ее закончил. Последней точкой был «Резонанс».

Павел сидел в кабинете главврача, беседовал с ним и ждал, пока напишут заключения.

– Григорий Ильич, как там у меня обстоят дела?

– Более-менее нормально.

– Так более или менее?

– Более, более, а для вашего возраста вообще... – Григорий Ильич смешался и решил исправить неловкость: – Для нашего с вами возраста... – и опять сбился.

Павел пришел на помощь и сменил тему.

– Есть хочется, с утра голодаю. Надеюсь, уже можно, ничего переделывать не придется?

– Не придется, можно и поесть, и если хотите рюмочку, чтобы расслабиться...

– Ну, если медицина советует...

– Рюмка коньяка, кроме пользы... Мы сейчас сообразим.

Он вышел и буквально через минуту вернулся с подносом, на котором была бутылка марочного армянского коньяка, бутылка минеральной, две рюмки, два стакана и тарелка бутербродов с икрой.

– Понятно, пока меня катали взад-вперед под приборами, вы готовились.

– Подмазать начальство никогда не помешает.

Они выпили по рюмке, закусили, поговорили о делах. Потом еще по рюмке. Оба немного почувствовали хмель – Павел, потому что оголодал, а главврач, потому что был не по тому делу. Разговор стал более доверительным, Григорий Ильич расслабился – хозяина все боялись, я это уже вам говорил.

Вдруг в дверь кабинета постучали, Григорий Ильич не успел отреагировать, как дверь решительно распахнулась и на пороге появилась молоденькая (очень молоденькая, подумал Павел), красивая (определенно красивая, решил

Павел) блондинка. Ее лицо было напряженным, голубые глаза (казалось Павлу) метали молнии.

— Прошу прощения, — сказала она, но в тоне не чувствовалось никакой просьбы. — Маргарита Осиповна собирается уходить. Ей нужна ваша подпись, Григорий Ильич.

— Маргарита Осиповна наш бухгалтер, — объяснил Павлу главврач, — а это наша старшая сестра Надежда... да, Михайловна.

— Здравствуйте, Надежда Михайловна.

Это прозвучало как «надо бы вначале поздороваться».

— Здравствуйте, Павел Андреевич. Извините, — опять извинения не прозвучало.

Вмешался Григорий Ильич, появились в его голосе начальственные нотки.

— Скажи Маргарите Осиповне, чтоб подождала. Я освобожусь и подойду.

Надя ни слова не говоря повернулась и вышла.

Расстроенный Григорий Ильич наполнил рюмки.

— Да, — сказал Павел, — воспитательная работа у вас хромает. Эта ваша амазонка на меня так взглянула! Испепелила...

— Нет, это очень хороший и воспитанный человек, наша Наденька. Отличный работник. Просто такие обстоятельства... Так получилось...

— Впечатление, что там, за дверью у вас скандал.

— Нет, это личное. — Он понурился, помолчал, потом признал: — Да, к сожалению, у нас скандал. И Надя взяла отпуск за свой счет. Боюсь, она к нам не вернется.

— Большая потеря? — хмыкнул Павел.

— Большая. Для коллектива и для пациентов. Она не просто сестра. На ней все расписания, графики связи по ремонту, словом — неформальный менеджер. И характер отличный, и дело знает. Когда пришла, сразу попросилась на компьютерные курсы. Прошла общие

и тематические. Теперь у нас все в смартфоне, и материалы, и обслуживание. Наладила отчетность сестер и врачей, все вовремя, и никто не обижается. Менеджер по натуре.

— Но ей еще нет и двадцати?

— Есть, просто очень молодо выглядит. У нее почти два года стаж в больнице, а это школа. Когда кому-нибудь плохо, сестры ее зовут, а не нас.

— Пойдите, пойдите, — в глазах Павла появился живой интерес, — это о ней мне говорила Ирма Моисеевна, наш экономист? Вы Ирму Моисеевну Лозовскую знаете?

— Конечно, знаем, все у нее кормимся. Да, у нее тут обморок был.

— Так этой амазонке она пела дифирамбы? Как она ее к жизни вернула, какая спокойная, золотые руки, укол сделала...

— Она, Наденька.

— Но характер у нее...

— Уверяю вас, Павел Андреевич, Надя человек выдержанный, воспитанный... и несмотря на молодость, авторитетный.

Кажется, Павел почувствовал — рождается удачная идея. В кончиках пальцев закололо — была у него такая примета. Он посмотрел внимательно на главврача и очень внушительно сказал:

— Это очень плохо, когда в организации скандал. Очень.

Он умел так сказать несколько слов, что работникам за короткой фразой слышалось целое развернутое послание. На этот раз Григорий Ильич расшифровал его так: «Мне, конечно, неудобно разбираться в скандалах, но это моя организация, я хозяин и хочу точно знать, что случилось, почему фирма теряет хорошего работника. И какая причина напряжения в коллективе, а это вредит работе. Давайте-ка, выкладывайте все как есть».

Григорий Ильич расстроено поднял свою рюмку, гостя поддержать не пригласил и выпил коньяк сам. Это

помогло ему раскрепоститься и начать — как он про себя определил — выносить сор из избы и копаться в чужом грязном белье.

— Мы осенью приняли нового работника врача Осмоловского, вы разрешили.

— Не помню.

— Работник он ничего, хотя с неба звезд не хватает. Я его не люблю, он такой... дамский угодник. Сразу видно — ходок. Он ухаживал за Надей, но она ноль внимания. А потом мы узнали, что она с ним живет. В его квартире. Мы удивились и даже расстроились, он ее не стоит, и сравнивать нечего. Но женщины, кто их разберет. Они это не афишировали, если бы не Светочка, мы ее называем информационный центр, мы бы так ничего и не узнали. Надя не отрицала и не подтверждала, только они с Осмоловским перешли на «ты» — значит, правда. Она готовилась к экзаменам, поступала в университет на биофак, заочный факультет, толковая девушка, — в голосе прозвучала гордость. — Они оба взяли отпуск месяц тому назад. Светочка нам рассказала, что Надя будет сдавать экзамены, а он уехал к родным под Киев, чтобы не мешать, облегчить ей заботы.

Григорий Ильич взял бокал, но налить не решился. Поставил на место.

— А на днях Осмоловский вернулся и... Светочка нам рассказала... Объявил, что был не у родных, а на Майорке с невестой, и через неделю свадьба. Подлец, вот что я скажу.

— Бывает, расходятся люди.

— Даже работника нужно предупреждать об увольнении заранее. Нам Света рассказала, что он прямо заявил: его невеста поставила условие, чтобы Надя в тот же день ушла. Представляете? Девочка всю зарплату спускала на хозяйство, весь дом был на ней. Теперь ушла в гостиницу, ищет квартиру. И без денег. Мы даем аванс, но это гроши...

Но хуже всего — она с ним работать не сможет. А ему хоть бы хны, как с гуся вода. Я лично бы его уволил, но нельзя человека из-за семейных отношений выгонять, нет у нас партийного комитета.

Павел опять повторил:

— Бывает, расходятся люди. Влюбился.

— Ха, влюбился. В отца невесты. Владелец заводов, газет, пароходов Хвалов — слышали? — он осекся, вспомнил, что разговаривает с таким же владельцем.

Но Павел не обратил на это внимания.

— Значит, за него выходит Маша Хвалова? Ей вроде под сорок. Понятно.

Идея созрела, делать ему тут больше нечего. Теперь ее можно брать голыми руками... И как ему раньше что-то подобное в голову не пришло? Верно говорят, что от депрессии прежде всего страдают мозги...

— Григорий Ильич, я, пожалуй, пойду. Да и вас там ждут, нехорошо. Вы, пожалуйста, завтра пошлите кого-нибудь, пусть результаты отдадут доктору Кулику, вы его знаете. Он вам позвонит и скажет, когда и куда принести. А я попрощаюсь. Спасибо за все. Нет, спасибо, провозжать не нужно.

Надя закрыла за собой дверь в «Резонанс», немного постояла на площадке, постаралась успокоиться. В глазах гнев, губы плотно сжаты. Она была зла на весь мир, но еще в большей степени на себя. Сколько можно оставаться в дураках, а что еще хуже — в дурах?! Считается, что женщина даже не очень умная может водить за нос любого мужчину, а Надя вроде бы считается неглупым человеком, откуда же эта романтическая наивность? Юрочка ей говорил в ресторане, когда уговаривал пойти к нему домой, что удивляется ее безволию и покладистости по отношению к соседке. Как он сказал? «Я был уверен, что у тебя есть характер». Как будто предупреждал, что ситуация может

повториться. И повторилась, только в худшем, унижительном варианте. Как такое могло случиться?

В какой-то степени еще можно оправдать начало этой неприглядной истории. Юрочка предложил временно — и, само собой разумеется, бесплатно — пожить у него, пока она не найдет подходящую квартиру на съем и соседку. Она согласилась, уж очень не хотелось «бомжевать» и возвращаться к Ларисе. А там, у Юрочки было удобно: три комнаты, одну он предложил Наде, да и секс был отличный — не последнее дело, признавала она себе. Но ни у кого из них сомнений не вызывало, что это решение временное, хотя бы по той причине, что ее отношение к Юрочке было скорее презрительным, чем каким-либо иным. Но оказалось, правы те, кто считает, что нет ничего более постоянного, чем временное решение, именно это с ней и произошло. Она незаметно для себя втягивалась в эту удобную жизнь и постепенно даже почти перестала реагировать на пошлость ситуации — жить с человеком, которого не любишь и не уважаешь. Юрочка еще добавлял поводов для презрения — он оказался скуповат, практически перешел на ее содержание и обслуживание. Он постоянно говорил о деньгах, сетовал на то, что его зарплата — это насмешка, что нуждаться унижительно, что он не может достойно одеваться, и Надя практически взяла все расходы по дому на себя. Она не протестовала и — как ни странно — стала к этому привыкать. Ужасно! Сознывая бессмысленность и противоестественность своего поведения! Конечно, это была стопроцентная инфантильность, которую Надя вынуждена признать. Она заслужила все, что последовало. И то, как Юрочка равнодушно пожал плечами: «Мы не женаты», и сочувствие сотрудников, как ей казалось, смешанное со снисхождением. И может, самую главную потерю — она, вероятно, навсегда ушла из «Резонанса», своего второго, а скорей даже первого дома.

Обещать себе, что это больше не повторится? Слишком легковесный вариант. Нет, нужно стать совершенно другим человеком, если, конечно, она не полная и безнадежная дура. Пожалуй, стремление матери воспитать «скромного и ответственного члена нашего общества» все-таки принесло определенные плоды, но с такими взглядами в современном обществе не проживешь. Реальная жизнь требует реального к себе отношения, ближе к цинизму, чем к романтизму. Никаких розовых иллюзий, в первую очередь нужно думать о себе и только потом о других. Жизнь — это борьба и переживание приспособленных. Юрочка образцовый дарвинист, он остался работать, а она ушла — объективно, кому лучше? Нет, здравый смысл и разумное отношение к жизни теперь станут основой нового человека, каким с этой минуты стала Надежда Спасова.

Надя была уверена — ее намерения на этот раз не являются привычными обещаниями начать новую жизнь с понедельника. Потеря работы, материальные трудности, отсутствие жилья и в еще большей степени унижение, которое она испытала, были достаточными основаниями для перерождения. А характер... если она из такой ситуации выйдет не сломленной и даже не просто более стойкой, а... ожесточившейся, то это и будет лучшим доказательством характера. Вот так!

А пока нужно идти в гостиницу и оплатить проживание. На неделю хватит полученных сегодня в бухгалтерии денег, правда на еду не останется...

«Что-нибудь придумаем!»

Она решительно поджала губы, спустилась с площадки на тротуар и пошла на остановку автобуса.

— Надежда Михайловна!

Голос был мужской, вроде бы знакомый. Она посмотрела на машины, стоявшие у тротуара. Из открытого окна черного мерседеса, мимо которого она проходила, смотрел на нее Павел Андреевич Луков, ее хозяин.

— Надежда Михайловна, — еще раз позвал он, — подойдите сюда.

С этими словами он открыл дверцу машины и вышел из нее. Дверцу не закрыл, а еще больше приглашающе распахнул.

— Здравствуйте, Павел Андреевич, — сказала она растерянно.

— Уже здоровались, — улыбнулся Павел и продолжил: — Я жду вас. У меня к вам серьезное деловое предложение.

Все это было сказано сухим деловым тоном, исключаям всякие домыслы или подозрения. Впрочем, у нее такие мысли и не возникали.

— Да, Павел Андреевич?

— Это не для разговора на тротуаре, садитесь в машину, поговорим, — он указал на сиденье рядом с местом водителя.

Надя подумала: «Хоть бы добавил для приличия «пожалуйста». Но манеры хозяина были хорошо знакомы его работникам, кому лично, кому по слухам. Она села.

Павел обошел машину, сел за руль, завел мотор, и они тронулись.

— Павел Андреевич, вы хоть скажите, куда мы едем, — в голосе Нади послышалось возмущение, у нее ведь было не самое благодушное настроение.

— Как куда? — удивленно спросил Павел. — Поесть, я голоден, да и вы, насколько я понял, тоже. Там и поговорим.

Надя хотела еще больше возмутиться, но вспомнила о своем новом статусе расчетливого человека, деловое предложение ей определенно не помешало бы и есть тоже хотелось. Тут ей пришла в голову та мысль, на которую я намекал — она искоса взглянула на хозяина. Нет, не похоже.

Павел вел машину молча, внимания соседке не уделял, мрачно насупился, думал о своих проблемах. Надя

решила, что разумно не навязываться с разговорами, поддерживать официальную дистанцию — хозяин собирается сделать какое-то предложение, пусть все инициативы останутся за ним. Они выехали на окраину города и остановились возле ресторана «Волна». Судя по внешнему виду не дешевого.

Тут Павел, казалось, вспомнил, что он не один.

— Извините, Надежда Михайловна, задумался. Проблем много. — Надя молча кивнула. — Давайте условимся, — он вернулся к деловому тону, — у нас, деловых людей, принято — тот, кто приглашает, тот и оплачивает. Чтобы у нас не возникло глупой дискуссии.

Надя снова только кивнула. Откуда у нее деньги на ресторан?

— И насчет заказа. Я сам закажу, на свое усмотрение, а если вы что-то из предложенного не едите, то скажите, и я заменю. Давать вам выбирать, читать меню — поставлю вас в неловкое, а себя в глупое положение, будет выглядеть, как свидание. Меня здесь знают.

«Надо же, старый хрен считает, что такое о нас все-таки могут подумать», — насторожилась Надя.

Вы уже знаете, что у нее была привычка давать не слишком приятным ей людям прозвища, теперь к известному вам ОМП добавилось «Старый хрен», мысленно она его иначе не называла.

В ресторане было мало народу. Павла действительно знали — немолодой официант поспешил навстречу, посадил их за удобный столик у окна, дал меню прежде Наде, демонстрируя хорошую школу, и хотел уйти, чтобы обсудили заказ, но Павел его остановил.

— Данилыч, я закажу.

Он заказал солянку рыбную — две, лосось в сливочно-винном соусе с картофельным пюре — два, овощные салаты, бутылку боржоми — посмотрел на Надю. Возражений не последовало.

— Я думаю, — глядя на нее добавил он, — для начала принесите нам американо и по пятьдесят грамм коньяка, моего. И шоколадку. Нужно взбодриться.

Надя промолчала, но кажется, у нее домыслы все-таки появились.

Когда официант ушел, Павел снова замолчал. На этот раз он мысленно выстраивал разговор. Когда принесли кофе и коньяк, он сказал:

— Я советую налить немного коньяка в кофе. Это взбодрит. Мы раскисли, а дело есть дело.

И налил в чашку примерно половину рюмки. Надя решительно последовала его примеру — от лосося и коньяка с кофе осовремененные расчетливые женщины не отказываются.

— Ну, начнем. — Павел постарался вести разговор в доверительной манере, не так сухо, как прежде. — Григорий Ильич рекомендовал вас как человека серьезного и ответственного. Я хотел бы, чтобы то, что я предложу и о чем расскажу, осталось между нами.

Надя молча кивнула, не стала заверять ни в чем.

— Я хочу для больного на небольшой срок нанять опытную медсестру, но... как бы это сказать... не здесь... на выезд.

— Кому-то? Сиделку? Опытную? Нанять?

— Да, этим я сейчас и занимаюсь. Надя, можно я без отчества? Да, нанять. Для себя. И не сиделку, а медсестру. Я в курсе того, что с вами произошло. И знаю, что вы на две недели взяли за свой счет. И что пока у вас нет квартиры. А мне нужно уехать на две недели. Все сходится. И я хочу, чтобы вы в качестве медсестры поехали со мной.

Павел обрушил на нее слишком много информации, Надя определенно не успевала все воспринимать. Опытный переговорщик поменял ритм и тему.

— Давайте начнем с меня. У меня сильнейшая депрессия. Мой врач Леонид Кулик, вы его знаете?

– Слышала. Кажется, психолог?

– И кардиолог. У него претензии ко мне по обоим специальностям. Сказал, что назначит курс на две недели и что я должен совместить это с отдыхом. Уехать из города, не ходить на работу. Условие обязательное. Я хочу поехать в круиз, но он настаивает на медицинском контроле. В санаторий я не хочу, хочу взять медицину с собой в круиз. Такой вариант и вас устроит, насколько я понимаю. Вот в общих чертах мое предложение.

Наступила пауза.

Надя напряженно обдумывала его слова. Это был шанс, но важно не остаться в дурах. Вот где могли пригодиться все те инструкции, которые она себе давала на площадке возле «Резонанса». С ответом не следовало торопиться.

Принесли солянку, Надя ее похвалила, ела с аппетитом, избегая вопросительного взгляда хозяина, и сама удивлялась своим переговорным способностям. Наконец не выдержал Павел.

– Это дорогой круиз по Средиземному морю... И я оплачу двойной оклад.

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели, – подумала Надя, – терпение, еще не вечер».

– Ну, согласны? Вы ничего не теряете.

– Спасибо, Павел Андреич. Но и не приобретаю. Гулять, когда нет ни квартиры, ни работы я просто не смогу, и мне нужно сдать еще один вступительный экзамен, столько трудов...

– С экзаменом можно решить...

Павел внимательно посмотрел на нее. Действительно, человек серьезный. Не нужно тратить время попусту, нужно начинать с главного.

И он рассказал о ночных кошмарах, о том, что он рискует не проснуться. Что либо больница, либо должен в соседней комнате ночевать человек, который сможет его разбудить и помочь, помочь профессионально. Что

даже врачу Кулику он об этом не рассказал. Он понимал, что, описав свою зависимость, повышает ставки Нади, но здоровье и даже жизнь стоят того. Подумав о грядущей ночи, он вздрогнул и почти просительно посмотрел на нее.

Надя была достаточно хорошим медиком, хоть только сестрой, чтобы понять, что это так называемый синдром старой ведьмы, или сонный паралич. Он у нее тоже был как-то раз — порылась в Интернете. Вещь очень неприятная — проснулся будто бы, и не можешь пошевелиться. Ужасы, кошмары. Но неопасная. Впрочем, если проблемы с сердцем плюс сильная депрессия и нервное истощение... А если регулярно, несколько раз за ночь...

— А почему я?

— Нет времени искать. Послезавтра круиз. И... начинать курс нужно немедленно. Каждый вечер я думаю, что он последний. — Павел замолчал, устыдился демонстрации своей слабости. — Представьте, с неизвестным человеком круглые сутки две недели. Какой риск, может быть не отдых, а ад. А о вас хорошо отзывались Григорий Ильич и Ирма Моисеевна Лозовская.

— А-а, помню...

И после колебания он добавил:

— И я к ним присоединяюсь.

Надя внимательно посмотрела на него — в самом деле вид неважный. Лицо сероватое, глаза опухшие, как от бессонницы, зрачки расширены. Она почувствовала сострадание и... в то же время в какой-мере осознала свою власть. Сострадание — напомнила она себе — нужно приглушить...

— Павел Андреевич, но есть еще одна проблема. Вам действительно нужно нанять пожилую сиделку, вы понимаете, что люди будут думать...

Павел резко выпрямился.

— В круиз, со старой сиделкой в белом халате? Скажи еще, в инвалидном кресле.

«Смотри, старый хрен еще не хочет выглядеть инвалидом. Себя он еще считает вполне...»

Павел, наверно, понял, о чем она думает, поэтому опять поменял тон и ритм. Заговорил спокойно и деловито, мешая «ты» и «вы».

— Надя, я все обдумал. За нас двоих. И доводов на ваше согласие у меня вагон и маленькая тележка. Прежде всего отбросьте всякие глупые подозрения. Разница в возрасте и... да, и в положении.

— Кого это останавливало...

— Меня, — прозвучало очень убедительно, — меня это останавливает. Неужели не ясно, что в наше время это не проблема? Копейки. Глупо думать, уж извините... Мне даже говорить об этом неловко... — Он пожал плечами. — Ты как медсестра совершенно спокойно сможешь сегодня с вечера приступить к дежурству в соседней комнате моей квартиры. Это работа.

Пауза. Нет ответа.

— Теперь дальше. Я не скрываю, что положение для меня очень непростое, и не до мелочей. Я за поездку плачу десять тысяч долларов.

— Но что будут думать...

— Не будут думать. Вы в отпуске, никто не знает где, мы завтра вечером летим в Барселону и садимся на корабль. Кто нас там узнает? На Пальма-де-Майорка?

Пауза. Нет ответа.

— За это время тебе, прости, вам найдут квартиру, и я оплачу все авансы.

Пауза. Нет ответа.

— Потом ты вернешься на работу.

Пауза. Нет ответа.

— А этого Осмоловского я завтра же выгоню в шею.

Против последнего довода новая Надежда Спасова устоять не могла, хотя в недавнем прошлом несовременная Надя наверняка бы испытывала укоры совести.

Теория разумного эгоизма

После ресторана Павел подвез Надю к Юрочке за вещами, остановился за углом — не хотел ее демаскировать, она это оценила. Сказал не торопиться и собрать то, что считает необходимым для двухнедельной поездки. И добавил:

— По минимуму, всегда можно будет что-то докупить.

Надя это тоже оценила. Кажется, как наниматель он будет лучше, чем был хозяином. К счастью, Юрочки дома не было, она неторопливо — подсознательно проверяя выдержку Павла — собрала вещи. Сумка была большая, но не очень тяжелая.

Когда она завернула за угол, Павел вышел из машины, заторопился навстречу. Взял сумку — недовольства не было. Но тон обращения по-прежнему суховат и немного высокомерен, она поняла, что это привычная для него манера общения.

Когда они приехали на городскую квартиру Павла, на улице уже стемнело, пришлось включить свет. Наконец Надя посмотрела на него так, как должна смотреть медицинская сестра на больного — внимательно, с сочувствием и без всяких посторонних мыслей. Работа есть работа. Он стал еще более напряженным, каким-то помятым и явно испытывал страх перед приближающейся ужасной ночью. Словом, выглядел он... Плохо выглядел.

Городская квартира Павла была оригинальна — у богатых свои причуды. Второй этаж относительно нового многоквартирного дома, вход в скромную кухню-столовую, там холодильник, хороший бар, цветной телевизор над музыкальным комбайном, небольшой столик и три красивых легких стула. Все выглядело, я бы сказал, интимно, не рассчитано на большой прием. Справа дверь в комнату побольше, где главное место занимала роскошная кровать кинг-сайз, слева в комнату поменьше, но тоже спальню,

свежезастеленная кровать средних размеров и... трюмо со столиком. А к особенностям можно отнести наличие ванной комнаты в каждой из спален. Наде нетрудно было распознать назначение этой, как она ее назвала, девичьей светелки. Но сейчас ее хозяйину не до развлечений.

В маленькой спальне Павел сказал:

— Располагайтесь, это ваш рабочий кабинет, табличку с фамилией на двери повешу потом, — он пытался острить, но сквозь стянутые зубы шутка прозвучала не очень весело. Затем ушел на кухню и закрыл за собой дверь.

Надя принялась осваивать помещение, раскладывать вещи. И уже с другой, более уравновешенной и спокойной позиции обдумывала то, что произошло. В конце концов она медсестра, и ее наняли находиться при больном, что в этом необычного? Тем более, эта работа решает все — практически все — ее проблемы. Любая бы на ее месте с радостью двумя руками ухватилась за такое предложение, ничем не забывая себе голову. Почему же у нее появились какие-то идиотские — если не сказать хуже — сомнения, определенно наследие ханжеского воспитания? Может быть, признавала она, есть какой-то — мизерный — процент риска, когда мужчина и женщина долго находятся вместе один на один. Но в данном случае риск реально равен нулю. Расстояние между ними... Сколько ему лет? На вид не меньше семидесяти. То есть их разделяет полстолетия, а у нас не страна ислама. Что может случиться? Мужчина выпьет лишнего? На него не похоже. И потом антидепрессанты с алкоголем несовместимы, это дополнительная гарантия. Что еще? Ничего, он прав, с его деньгами женщина любого возраста не проблема, действительно копейки. Словом, чушь, забыли.

И она забыла. Главное — работа. Надя вынула свою небольшую медицинскую сумочку размером с не очень толстую книгу, «первую помощь», с которой не расставалась, что вызывало удивление сестер и уважение врачей.

Ту сумочку, которая помогла ей завоевать благодарность Ирмы Моисеевны Лозовской, а следовательно, и получить предложение самого Лукова. Она подмигнула себе в зеркало — определенно медсестра она хорошая.

Спустя некоторое время постучал Павел и, не открывая дверь, спросил:

— Можно вас на минутку?

Слышимость была хорошая.

Надя вышла в кухню.

— Не хотите ли перекусить перед сном? Вот кофе, у меня в холодильнике есть все, включая икру.

У него в чашке был мутноватый, очевидно слабый кофе с молоком и на тарелке бутерброд с колбасой, если вы помните — традиция. А сверх традиции на столе стояла рюмка, уже пустая.

— Нет, спасибо, я перед сном не ем.

— Я хочу вас попросить, оставьте на ночь дверь открытой. Когда начинается кошмар, я, кажется, стону, — он печально вздохнул, — хотя этого никто не слышал. Пытаюсь пошевелить то рукой, то ногой, то головой. Меня бы разбудить...

— Павел Андреич, я сплю чутко не волнуйтесь. И не пейте снотворного, лучше пустырник или...

— Сегодня не буду. Немного выпил коньяка, должно помочь.

— Спокойной ночи.

— Покой нам только снится.

Павел даже не пытался скрывать, что его страх в ожидании ночных кошмаров сменился ужасом, и Надя поняла — на руках у нее серьезно больной человек. Это главное, все привходящее просто не имеет значения.

Они разошлись по спальням, Павел выключил на кухне свет, Надя оставила свою дверь приоткрытой. На прикроватной тумбочке стоял ночничок, включила — дежурить без света нельзя, выключила люстру, надела длинную

футболку, в которой любила спать, легла в чистейшую, слегка похрустывающую постель. Прислушалась. Слышно, как ворочается на койке Павел.

Надя со времен работы в больнице при необходимости действительно умела спать чутко, она называла это «режим дежурства». Но вот Павел захрапел. Он это делал негромко и — по ее мнению — не противно. Она слышала храпы и похуже. Все вроде было спокойно, и наконец Надя позволила себе отключиться — день был не из легких.

Сон был продолжением событий — она гуляла по Пальма-де-Майорка. Надя знала только, что это какой-то экзотический остров, где отдыхают богачи, но уж, судя по названию, пальмы там должны быть? Она шла по траве, а вокруг, куда ни посмотришь, пальмы, пальмы, пальмы. Экзотические птички порхают. Красиво.

Но вдруг она встревожилась — а где остальные туристы, почему она одна? Так нетрудно и заблудиться. И Надя поняла, что точно заблудилась. Сначала возмутилась — как могли потерять туристку? Потом испугалась, потому что картинка потемнела, вроде бы смеркалось. Вдруг из-за пальмы выглянула головка змеи, маленькие глазки, раздвоенный язычок. Надя почувствовала, что у нее волосы зашевелились. А сзади — она боялась оглянуться — раздалось рычание, сначала тихое, потом громче и громче. Тигр? Нет, скорее даже лев, рычание странное, похоже на стон, громкий стон...

Еще толком не проснувшись, Надя вскочила с кровати, привычно автоматически схватила «скорую помощь» и метнулась на кухню. Павел громко стонал и неразборчиво хрипло что-то пытался сказать. Надя уловила «живой», и потом опять «я живой». В кухне было темно, она налетела на стул, ушибла коленку. Хорошо, что на тумбочке у Павла тоже горел ночник. Надя подскочила к кровати, и в это время он открыл глаза, рывком приподнялся, крик его был больше похож на рев... и обессиленно снова рухнул

на подушку. Он хватал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. Надя не на шутку испугалась, но внешне сохраняла спокойствие и уверенность — квалификация. Звать «скорую»? Нет, нужно разобраться.

— Все, Павел Андреич, все позади, вы проснулись. Успокойтесь. Где выключатель?

Она включила свет и села на кровать. Нашла пульс, за сто, слабое наполнение, но ничего страшного. Но сердце, как оно? Он не был белым, скорее серым. Напуганным, хотя хочет это скрыть, значит, пытается держать себя в руках — это хорошо.

Павел был совершенно мокрым, даже махровая простынь, которой он укрывался, намочла насквозь. И его сотрясала крупная дрожь, с которой он не мог совладать.

Надя, продолжая его успокаивать, открыла «скорую помощь», маленькая сумочка произвела на него впечатление — там лежали пакетики и даже шприц, значит рядом медицина.

Она дала ему полтаблетки аспирина.

— Пожуйте, не глотайте. Пожуйте. Спокойно, и все войдет в норму.

Опять проверила пульс, он стал успокаиваться, успокаивался и пациент, но дрожь не проходила.

— Они хотели меня живым закопать. А я не мог ни пошевелить рукой, ни ногой... И голос пропал. А я живой, живой... И так уже пятую ночь и несколько раз за ночь... И все тяжелее проснуться... Как можно выдержать? Боюсь закрыть глаза...

Кажется, приближалась истерика. Надя его перебила, чтобы отвлечь:

— Вы можете потихоньку пойти под душ?

— Попробую.

Он с опаской сел, потом встал, покачнулся — Надя его поддержала. Слабости не было заметно, в основном стресс и страх — сделала она вывод. Но следующий такой

шок может действительно привести к плохим вещам. Пульс неровный, сильная аритмия... Как не допустить повторения?

— Ванна там?

Она подвела его к дверям, поддерживая за руку. Автоматически отметила, что рука не дряблая, крепкая.

— Спасибо, я сам.

— Хорошо, Павел Андреич. Вы молодец.

Похвала подействовала, и он выпрямился.

«Старый хрен действительно старается, вот только дрожать не перестает».

— А где у вас белье? Нужно поменять.

— В шкафу, справа.

— Только теплый душ, ни холодный, ни горячий.

— Хорошо.

Она перестелила постель. Вышел Павел, свои импортные модерновые трусы («старый хрен в семейных не ходит») заменил пижамными брюками, наверно были в ванной. Выглядел не таким серым, но дрожал по-прежнему. И в глазах прежний страх. Как только лег, весь напрягся, Надя поняла — сейчас будет истерика. Бывает и мужская истерика, и не только у слабых людей. Несколько таких ночей доведут кого хочешь. Врачу он о кошмарах не рассказал — не только самолюбие, боится больницы, и правильно боится, это уже близко к психиатрии, а там вообще темный лес.

— Павел Андреич, вы успокойтесь...

— Я боюсь закрыть глаза, а спать хочу невероятно. Уже почти неделя. Где взять силы? — Голос его дрожал, прерывался. Надя села рядом с ним на кровать. — Я боюсь оставаться один. Что делать, боюсь. Один — это корень моей проблемы. Прошу вас. Не уходите.

— Пал Андреич, я посижу...

— Нет, я усну, и вы уйдете. И опять все сначала. А может... и конец.

Надя подумала, что, к сожалению, не исключен и такой финал. Но как не допустить повторения? В голове появились какие-то до неприличия трезвые и эгоистичные мысли. Конечно, его жалко. Но и о себе, современная Надежда Спасова, нужно подумать. Если этой ночью при ней умрет почти олигарх Луков, и никто не знает, что он предложил ей работу, и никому кроме нее неизвестно о приступах, то слабо не покажется.

— Надя, я чувствую, как от вас ко мне передается... спокойствие, да... и уверенность. Когда вы рядом, я могу спать спокойно... ничего не случится. Надя, я прошу, ложитесь рядом, не уходите, и я усну, как младенец. Я прошу, я очень прошу...

Она, ни слова не говоря, прилегла на край кровати. Павел придвинулся, положил руку ей на плечо — она почувствовала, что он почти перестал дрожать.

— Хорошо, ох, как хорошо. Я не один. Слава богу, я посплю. Как хорошо спа...

Он не договорил и всхрапнул. Потом захрапел, сначала прерывисто, потом ровно. Через некоторое время Надя попыталась встать, но Павел неровно задышал и схватил ее за руку. Надя осталась лежать и... тоже заснула. Проснулась, когда начало светать. Павел, правда, спал сном младенца, даже не храпел. Она обернулась и посмотрела на него. На лице были покой и счастливая улыбка. Вероятно, Павел, не просыпаясь, почувствовал, что она на него смотрит, он еще шире улыбнулся, но глаз не открыл и прижался к ней. И Надя поняла, что младенец начинает взрослеть, взрослеет, не открывая глаз и фактически не просыпаясь. Почти не просыпаясь.

— Надя!..

У нее — вы это знаете — были циничные, я бы даже сказал, хищные намерения, на которые она себя долго настраивала. И было неистовое желание отомстить Юрочке. И тоже стресс, и облегчение. А после сильного стресса

такое бывает... А может, надоело держаться, бороться, защищаться. Она не ответила, но и не сопротивлялась. И постепенно — к своему удивлению — стала искренне в этом соучаствовать. Отторжения не было, а было такое, что даже с Юрочкой случалось не часто. Удивительно, это форма протеста или старый хрен является хоть в чем-то исключением из ее негативной коллекции?

Мизерный риск, который реально был равен нулю, тем не менее стал фактом. Можете порассуждать на тему случайности и закономерности...

Они уснули.

Надя проснулась в девять часов. Павел продолжал спать сном младенца то похрапывая, то посвистывая, но то и другое звучало умиротворенно. Она осторожно встала, стараясь его не разбудить, плотнее прикрыла шторы — пусть поспит. Думать о случившемся она себе запретила — сначала нужно принять душ, переодеться, собрать вещи и приготовиться к уходу. И только потом можно решать, что делать дальше. Надя неторопливо и довольно спокойно осуществила задуманное, потом заглянула к Павлу. Он повернулся на другой бок и теперь только посвистывал.

Она вернулась в свою комнату, села на пуфик напротив зеркала. Теперь можно все обсудить. Сама с собой. Интересно, как бы на это реагировала прежняя Надя? Пришла бы в ужас от случившегося и, наверно, ушла бы, не дожидаясь разговора с дважды хозяином — хозяином работы и квартиры. Ушла бы, не жалея о канувших в тартарары перспективах — десять тысяч долларов, круиз и главное, возможность вернуться на работу. Глядя на себя в зеркало, Надя поняла, насколько за одни сутки она изменилась. Глаза, совсем другие глаза.

Новая Надежда Спасова рассуждала примерно так. Незачем пороть горячку, уйти никогда не поздно. Случилось

то, что случилось, и этого уже не изменишь. Да, плюс еще одна неприятность — она привыкла, что Алеша и Юрочка обеспечивали безопасность в интимных отношениях, а сегодня ночью... Кто мог предполагать, что такое стряется? Правда, сейчас у нее довольно безопасный период, так что будем надеяться...

Что дальше? Нарушил договор хозяин, и нужно послушать, что он скажет. Он спит как сурок, теперь его зависимость только усилилась, ведь завтра и послезавтра нужно продолжать спать с ним, чтобы не допустить паники. А это уже совсем другие условия.

Наде показалось, что изображение в зеркале с ужасом и возмущением посмотрело на нее.

Да, условия принципиально изменились. И что теперь? Как Юрочка сказал в ресторане: «Ничего нового с тобой не произойдет». Да, ничего нового уже не произойдет — на раз больше, на раз меньше. Как говорят в таких случаях — ничего от тебя не убудет. Цинично, но разумно. И еще в одном она честно себе призналась: если бы случившееся было неприятно или противно, тогда другое дело. А оказалось, точнее, возможно, оказалось, что у нее со старым хреном неожиданное «средство тел», только второй случай в ее биографии. И нечего невинность изображать — с Алешей было тяжелее, и чего ради? А тут две недели красивого круиза, никто знать ничего не будет и плюс к тому... А плюс — посмотрим — плюс еще можно увеличить...

И новая Надежда Спасова вслух подвела итог ошеломленному отражению в зеркале:

— Да, я изменилась. Теперь так и будет!

Прозвучало очень громко. И то ли послышалось, то ли в самом деле донесся слабый шум из спальни Павла. Нет, не послышалось. Вскоре, в открытых дверях показался он сам, собственной персоной, заспанный, но посвежевший, теперь, пожалуй, он выглядел

на шестьдесят пять, не больше, в тех же пижамных брюках, и торс — отметила Надя — для его возраста вполне приличный.

«Не нужно поддаваться на его извинения и благодарность», — напомнила себе Надя.

Он был счастлив!

— Наденька, дорогая моя, я не понимал, какое счастье просто спокойно спать и проснуться отдохнувшим и здоровым. Сейчас вокруг все другое. Какой я молодец, что остался вас ждать. Я вчера, когда вас увидел, сразу понял, что должен нанять.

«Нанять» больно кольнуло Надю и занозой осталось где-то в груди. Да, этот человек слов не выбирает.

— Не зря зачесались кончики пальцев. Я чувствовал, верил, что найду выход из положения. И всегда его находил.

— Да, вы молодец, — с трудом проговорила Надя.

Она была в шоке. Что же это за человек, ни чувства благодарности, ни сознания вины. Один я, любимый. С этим человеком человеческие отношения просто невозможны.

Ее лицо — как и душа — заледенели.

— Второго кошмара я бы не перенес. И вдруг все ушло, Наденька. Я почувствовал легкость, спокойствие. Я спал, как младенец.

— Как младенец...

— Да, как поет Пугачева — «на душе, как в синем небе, после ливня чистота...» — он запел негромко, но довольно чисто, разводил руками, едва не пританцовывал, это была песня радости.

— После ливня чистота. Как в синем небе, — холодно повторила Надя.

Напрасно она назвала его человеком...

Павел наконец внимательно посмотрел на нее, увидел выражение лица, сумку у ее ног.

— Что-то не так? Наденька, ведь все хорошо. Мы с вами молодцы, и я так благодарен...

— Павел Андреевич, заплатите мне за ваш сон младенца, и я пойду.

— Как, почему? Вы меня оставляете? Это невозможно. Ведь мы договорились...

— Мы не так договаривались, — и она напомнила, — я сказала «кого это останавливало». Вы гордо ответили — «меня!»

— Ах, вы об этом.

«Ах, вы об этом» — уже была не заноза, нож острый прямо в сердце. Определенно напрасно она назвала его человеком.

Но тут я ради справедливости должен вступить за Павла. Он не считал произошедшее ночью насилием. Не сомневался в том, что если бы Надя не захотела и активно это проявила, то он бы остановился. Не мальчик и уж тем более не насильник. И даже считал, что извиняться за взаимно доставленное удовольствие просто бестактно. Но промолчал, в его понимании это было бы для Нади обидно, как обвинение в лицемерии. У них был разный опыт в этой области, отсюда и недопонимание.

Во всяком случае такой поворот отрезвил Павла, и он из-за заоблачных высот вернулся на грешную землю, взял стул и сел рядом с Надей.

— Подождите, давайте спокойно поговорим. Вы понимаете, что если вы уйдете... С кем я поеду? И что еще важнее, если вас не будет, то ночью будет опять кошмар. Это вопрос жизни.

Надя еще раз мысленно призвала себя не миндальничать и поэтому холодно спросила:

— Если я не буду с вами спать?

— Да, но... но хотя бы только в прямом смысле.

— Прямом — непрямом... Я думаю, вы найдете, с кем спать.

Павел помолчал, рассказывать о том, что он давно ни с кем — до нее — не мог спать, глупо. Да и нет времени ни на какие перемены.

— Надя, я не хочу объяснять, но, кроме вас, такого человека нет. И я сейчас от вас в прямой зависимости. Признаю. — Он стал демонстративно деловым. Обиделся, расстроился, может разочаровался. — Давайте так. Бизнес есть бизнес. Пересмотрим договор. Я дам пятнадцать тысяч за поездку.

Переход на сугубо деловую почву спровоцировал ее в свою очередь продемонстрировать свою расчетливость и цинизм.

— Добавили пять тысяч долларов за «спать». За эти деньги на две недели нельзя нанять, — она подчеркнула слово «нанять», — даже третьесортную путану. Я себя ценю дороже.

— Чего вы хотите?

— Я... Я? — Наде очень захотелось загнать в угол, ошарашить этого самоуверенного и самодовольного магната, и она неожиданно для себя выпалила, — Квартиру! Вы в строительном бизнесе — квартиру! Студию.

— Ого!

— А что?! Любовнице ваш брат дарит, а если она по совместительству и спасительница — тем более.

— Будете ли вы спасительницей еще будущее покажет, — он замолчал, задумался. И отдельно, четко сказал. — А знаете, согласен. Для меня это даже лучше.

— Почему? — не удержалась Надя.

Он перешел на «ты».

— Не буду тебе обязан. Ничего личного. Подвожу итог. Новое соглашение. Денег тебе не плачу, жилье искать не буду, у меня есть в продаже приличная студия, в новом доме. Сразу после возвращения въедешь. — Надя ахнула. — Но условие. Бизнес есть бизнес. Ты меня будешь любить как мужа, отца, сына и святого духа в одном

лице. Любить, ухаживать и всячески улаживать. И спасать, любой ценой.

Пока он говорил, менялось выражение лица Нади, на нем появилось удивление, благорасположение и наконец исчезли последние следы недовольства. Она ничего не теряла, во всяком случае ничего нового, а приобретала сбывшуюся мечту.

— Буду, буду, Павел Андреич. Любой ценой.

— Не будем злость держать.

— Не будем, Павел Андреич, и я этому рада. В роли стервы мне... непривычно. И неуютно.

А про себя добавила: «Но зато полезно».

«Теперь она заинтересована в том, чтобы мне было не просто хорошо, а прекрасно, — мысленно подвел итог бизнесмен Луков. — Считаем, спонсировал деньги в свою жизнь, в мир и спокойствие. Самое лучшее вложение».

— Ну, пошли завтракать.

Павел встал, пошел на кухню и сел за стол, продемонстрировав таким образом, что на практике означает договор и почему он ему выгоден. Надя с улыбкой, но деловито, стараясь, чтобы это не выглядело ни подобоострастно, ни демонстративно, пошла к плите готовить завтрак.

Круиз

Надя еще ни разу не была за границей, а тут не просто выезд, а по высшему разряду. И прежде всего великолепная Барселона, куда они прилетели на сутки раньше начала круиза. Павел взял хороший номер — на себе наш бизнесмен не сэкономил. К счастью для Нади, он еще в Барселоне не был, поэтому заказал индивидуального гида, и они 5 часов в хорошей открытой машине ездили по городку-сказке. Павел особым вниманием Надю

не баловал, даже не сразу решил взять ее на экскурсию, потом махнул рукой:

— Ладно, поедешь, возьми сумку, что-нибудь попить, пожевать. Шляпу и курточку.

Надя на это уже не реагировала, привыкла — перед вылетом собирала его вещи, всю дорогу была на посылках — принеси кофе и булочку, посмотри за моей сумкой, я пройду, и так далее. Так продолжалось и в круизе.

Лайнер «Фантазия» был великолепен, огромный плавающий дом. Заранее предупреждаю, что красоты побережья и достопримечательности северного Средиземноморья описывать не буду. Почитайте путеводители или еще лучше сами отправляйтесь в круиз. А я не осмеливаюсь последовать примеру Джером Джерома, который задуманный путеводитель по Темзе превратил в выдающееся произведение мировой литературы «Трое в лодке, не считая собаки».

Каюты у них были на разных палубах, у Павла съют со своей закрытой площадкой, вроде внутреннего балкона, у Нади каюта без окна на две палубы ниже. Не знаю, была ли это демонстрация социальных различий или обычная экономия бизнесмена, который лишнее платить не любит. Наверно, учитывалось, что Надя ночевала у него, а именно ночь — главное предназначение каюты.

До отъезда Надя побывала у доктора Кулика, который дал ей инструкции, напечатанные на двух листах, и кучу наставлений. Лекарства она купила, наставления и инструкции старалась добросовестно исполнять. Но, кроме этого, она в соответствии с новым договором не менее добросовестно исполняла и все, что входило в понятие «любить как мужа, отца, сына и святого духа в одном лице. Любить, ухаживать и всячески ублажать. И спасать, любой ценой». Это было условие Павла, основательность которого подтвердилась тоже до отъезда. Ей показали чудную студию, ни о чем таком она и мечтать не смела,

в новом доме и даже с видом на море. Она заполнила и подписала необходимые бумаги, а ключи должна была получить после возвращения. Квартира была настолько хороша, что Наде удалось — почти удалось — убедить себя, что она с удовольствием исполняет обязанности медика и одновременно... нет... не прислуги... как бы найти сравнение поточнее, пожалуй, так — любящей, но надоевшей жены, заботами которой привычно пользуются, а ее саму давно не замечают. Павел обращался с ней не грубо, просто принимал все, как должное, и без всякого намека на благодарность. Может, это просто было привычное отношение к своим работникам, но с другой стороны, «пожалуйста» он ей все-таки иногда говорил, но только тогда, когда рядом был кто-нибудь из туристов, например за столом — с ними сидели две американки. Из этого Надя — и я вместе с ней — делаем вывод, что новый договор бизнесмен Луков в какой-то степени считал своим поражением. А впрочем, вполне возможно, Павел, которого вы уже знаете, не считал нужным нагружать себя и соблюдать политес, когда этого никто из посторонних не видит. А что касается исполнения непосредственных супружеских обязанностей, то, честно говоря, они для нее не были настолько неприятными, чтобы расстраиваться. Правда, потом какое-то время — не слишком долго — ощущалось некоторое неприятное послевкусие. И Надя в приступах самоиронии вспоминала один из любимых анекдотов Юрочки:

«Хаим выходит из публичного дома, навстречу идет Мойша.

- Хаим, как там было, хорошо?
- Ох, не говори. Какие девочки, как работают, сказка!
- А чего ж ты вздыхаешь?
- Но морально, морально...»

Кстати, о морали, в этом случае можно заподозрить наследственность — помните, я когда-то говорил о ее маме,

цитирую: «половая жизнь ей понравилась, противоречий с моралью уже не было, и это смягчило женщину». Сейчас договор частично убрал моральные противоречия, а все остальное было не просто терпимо, но даже совсем неплохо. Она даже осмелилась сказать Павлу, что ответственность за безопасность лежит на нем. Он согласился.

Но, пожалуй, пора поговорить о здоровье Павла, ради чего, собственно, и была осуществлена эта поездка и вербовка Нади в качестве сопровождающей в очень необычном статусе. Оно — то есть здоровье — настолько изменилось к лучшему, что вызвало удивление у больного и сомнения у врача. Если перед второй ночью, проведенной перед отъездом в квартире, он — как говорила Надя — еще делал «круглые глаза», то утром встал помолодевший и переполненный оптимизма. И даже сказал за завтраком, который подавала Надя:

— Спасибо, Надежда, ты мне ее подарила.

Но тут же продолжил:

— Давай, собирай вещи, я посмотрю потом, нужное оставлю, ненужное выброшу.

По совету Кулика лечение, предложенное им в качестве кардиолога, решили начинать сразу, психотропные лекарства только на корабле.

— Лучше бы я сам наблюдал за тобой, анксиолитики вещь непростая, — вздохнул Кулик, и этим усиливал сомнения пациента.

Дорогу Павел перенес хорошо, ночь в гостинице Барселоны еще больше приучила его чувствовать себя здоровым.

Но на корабле после утреннего приема комплекса, прописанного психологом Куликом, он почувствовал дискомфорт, вялость, утрату бодрости, возвращению которой он так радовался. Не исключено, что сработала мнительность — он с предубеждением относился к этим лекарствам. И в конце концов решительно взбунтовался:

— От добра добра не ищут, я себя чувствую хорошо и ни на какие эксперименты не пойду. Избавь меня от той гадости.

— Я должна об этом сказать доктору.

— Опять шантаж?

— Нет, просто это моя обязанность — исполнять предписания врача.

Он, кажется, выругался, но неразборчиво и пошел звонить Кулику. Через минут пятнадцать вернулся и сунул трубку Наде.

— Получай инструкции.

Кулик долго ей рассказывал, за чем следить, куда смотреть, о чем ему сообщать, но это уже все звучало формально. Он сдался. Одно полезное вынесла из его советов Надя:

— Пал Андреич, к одному прислушайтесь — не пейте спиртного.

Он радостно потер руки:

— Ваш Григорий Ильич говорил, что от пятидесяти грамм коньяка только польза. Не бойсь, я могу держать себя в руках. А человек, который в кризисе в рот не берет ни грамма, должен утопиться.

С этого времени хорошее настроение и бодрость духа его не покидали.

Павел представлял Надю всем новым знакомым как медсестру, которую он по состоянию здоровья вынужден брать с собой в кризис.

— Непростые дела у нас на родине, — говорил он, — требуют железного здоровья. Я в общем-то перегрузился и решил, что могу позволить себе взять медицину в поездку, пока полностью не приду в себя.

Это убеждало в том, что он, во-первых, не слишком болен, а во-вторых, как минимум человек обеспеченный. И, кроме этого, позволяло Наде приходить к нему в любое время, не вызывая кривотолков. Тем более,

что демонстративно-хозяйское обращение Павла это подтверждало.

«Надя, принеси-ка те таблетки, — он морщился и поглаживал поясницу, — и запить чем-нибудь». — Или: «Принеси шляпу, ту панаму, напекло голову».

Довольно быстро все к этому привыкли и перестали замечать молчаливую Надю, как не замечают обслуживающий персонал.

Павел говорил по-английски, не свободно, но это не был и «пиджин-инглиш». Он не напрягал собеседников. Надя демонстрировала полное незнание, хотя недавно сдавала язык на вступительных экзаменах в институт.

Как-то получилось, что все их окружение было англоязычным. Центром кристаллизации были две эффектные американки, о которых я уже упоминал, без мужского сопровождения и в самом подходящем для интриг в кризисе возрасте. Младшей мисс Джейн было — ориентировочно, никто не уточнял — около тридцати, миссис Клементина была лет на пять старше. Джейн была блондинка, Клементина брюнетка, хотя обе крашенные. Клементина намекала на свое мексиканское происхождение, очень даже возможно. Обе, безусловно, симпатичные, у той и другой были обручальные кольца, которые никого не отпугивали. Американцев было на судне мало, они предпочитают свои экзотические острова и страны, да и перелет сюда нелегкий. Но те десятка полтора, которые были в кризисе, собрались вокруг них. Павел с Надей автоматически вошли в эту группу, поскольку, как я уж упоминал, они сидели с дамами за одним столом. И практически с первого дня мисс Джейн — к удивлению Нади — выделила Павла и отдавала ему явное предпочтение. С другой стороны, были для этого основания: большинство — абсолютное большинство — в кризис едут парой или семьей, да и каюты двухместные, так что выбор был небольшой. Но все-таки был. Например, в их смешанную по всем

показателям — в том числе по возрасту — компанию вошло американское семейство русского происхождения, которое в составе трех поколений отмечало какой-то юбилей. Родители, дети и внучка. Дети — дочка с мужем и девочкой, сын Алекс, разведенный, 36 лет, который — опять-таки по мнению Нади — подходил мисс Джейн по всем параметрам, включая внешность. Высокий, стройный и довольно скромный, и тактичный для американца. Павел был едва выше мисс Джейн, хотя для своего возраста выглядел неплохо и был... представительным. Он привык, что к нему относятся с уважением, во всяком случае со вниманием, а это накладывает отпечаток на поведение человека. И кстати — будем объективны — умел хорошо, хоть и неброско одеваться. За ним все-таки чувствовались деньги. Может, это привлекало? Хотя вряд ли, подруги были не из бедных, в круизе легко можно определить «ху из ху», соблазнов на судне и на берегу хватает. А вот один довод наверняка имел значение для мисс Джейн — Павел был один в каюте, а она, демонстрируя американскую простоту, не раз говорила: «Жизнь коротка, круиз еще короче. Нужно получать все удовольствия».

Было ясно, кому эта фраза предназначалась.

Павел понимал, что не будь Нади, он бы мимо не прошел, но в данной ситуации и в его возрасте это было слишком. И в «новорусском стиле» сообщал это Наде. Иногда у нее прорывалось неуважение к человеку, который на людях изображает respectable бизнесмена, а в каюте становится «новым русским» со всем соответствующим набором поведения. Она тогда его «наивно» спрашивала: «Пал Андреич, если хотите, я останусь ночевать у себя?»

Он чувствовал издевку, но не считал нужным на это реагировать. А может, опасался бунта?

Итак, Павел вращался в компании американок и чувствовал там себя неплохо. Он терпеть не мог общественные

экскурсии, когда нужно в толпе бегать за гидом и пытаться его услышать. Вместе с упомянутыми дамами он вошел в группу пляжников, которые, мимоходом взглянув на местные достопримечательности, отправлялись на море загорать и купаться. А затем по установившейся традиции вместо обеда на корабле они опробовали местную кухню и местные вина. Павел предупредил, что пока ему больше бокала сухого вина или 50 грамм коньяка нельзя, и добросовестно этого придерживался, несмотря на дурной пример, который ему подавали Джейн и Клементина. Эта традиция — я имею в виду посещение местных ресторанов — стоила денег, поэтому число пляжников постепенно сократилось до четырех человек. Четвертым оказался англичанин примерно такого же возраста, как Павел, но он был худоват и пресноват. В круиз он отправился с незамужней сестрой, старшей или младшей не скажу, у немолодых незамужних англичанок возраст трудно определить. Англичанин уже стал официальным сопровождающим Клементины и живым укором для мисс Джейн.

Алекс, о котором я упоминал выше, довольно быстро разобрался в обстоятельствах и составил компанию молчаливой Наде. Деньги за ним определенно не стояли. Должен отметить, то, что она одна в каюте, добавляло энтузиазма. Впрочем, парень он был довольно приличный, привезли его в Америку сразу после школы, и он до сих пор не мог толком к стране привыкнуть. Институт закончил, работа была, но и мысли вернуться в Россию иногда появлялись. Словом, характер и вообще внутренний мир Нади пробудил в нем нечто забытое. И довольно скоро она ему стала нравиться по-настоящему, не экскурсионно.

Павел с удовольствием отпускал Надю: «На все четыре стороны, только приходи на укол, массаж, кардиограмму, что там еще? А ночью становись на дежурство. Это главное. Ха! То есть ложись на дежурство».

Чувствуете «новорусский» стиль?

А заканчивал словами: «И все-таки держись в зоне видимости».

И Надя в основном время проводила с Алексом, особенно когда корабль стоял у берега. Денег у них не было, поэтому они гуляли по городам Греции, Италии, Франции, покупая карты, путеводители. Немного сбивало с маршрутов то, что Надя периодически старалась попасть на глаза Павлу, — со временем студия стала казаться сказочным видением, и рисковать не стоило.

Алекс пытался сократить расстояние между ними — то положит руку на плечо, то придержит за талию, но Надя дала ясно понять, что он для нее просто «приятный парень», не больше. А насчет каюты и заикаться не стоит. Алекс согласился, но надежды не оставил. У него иногда появлялись вполне серьезные мысли и даже серьезные планы на ее счет.

Из того, что я вам рассказал, ясно, что первую половину круиза Павел и Надя практически не общались. Медицинские процедуры и... правда, ночь. Но и ночью никаких разговоров не было. Темы для этого находились с трудом. И причиной была не только большая разница в возрасте, хотя два поколения тоже значат немало.

Павел в школе читал книги, тогда это было еще принято, но после ее окончания все было недосуг. Я говорил, что иногда для отдыха перед сном недолго читал то, что считал исторической литературой. В круиз, например, привез с собой роман Пикуля «Право и дело».

«Где он эту книгу нашел?» — удивлялась Надя, которая была современной и читающей. Театралом Павел тоже определенно не был, с подругами посещал заезжих популярных эстрадных гастролеров и имел склонность к юмористическим шоу — говорю об этом с прискорбием. Надя больше посещала театры и — наверно под влиянием несовременного воспитания матери — любила классическую музыку.

Не часто случается... Павла больше устраивала российская эстрада и даже... шансон. А фильмы... Павел их практически не смотрел. Я чувствую, что портрет героя получается не слишком привлекательный, но что поделаешь.

Он, кроме «дела», хорошо разбирался в политике, особенно в местной. Но как-то специфически, такой подход вполне можно назвать теорией конспирации, то есть кто или что стоит за происходящим, какие силы, фамилии и какие деньги. И должен вам сказать, что в нашей действительности это многое объясняет лучше, чем научные политические и экономические теории.

Надя же избегала политики, как всякий, я думаю, нормальный и неглупый молодой человек. Зачем разбираться и копать в том, на что повлиять не можешь? Но это мнение автора.

Она добросовестно относилась к своим обязанностям, ежедневно делала кардиограмму, по WhatsApp отправляла ее доктору Кулику, благо прогресс это позволяет, мерила давление, делала укол и обходилась словами «повернитесь, дайте руку, снимите рубашку». Вот и все общение.

Так продолжалось первую неделю круиза, на седьмой день их разоблачили, и это было закономерно при таком тесном, практически круглосуточном общении пассажиров. А если к этому добавить настойчивость и недовольство мисс Джейн, то удивление скорее вызывает отпущенные им шесть дней.

В отличие от Павла, который в основном выдерживал свой – как он называл – полусухой закон, Джейн и Клементина себе «позволяли», а иначе какой смысл лететь так далеко? И вот однажды вечером они позволили себе больше, чем обычно, частенько перемещаясь из бассейна в находящийся рядом бар. Павел вовремя ушел от греха подальше – к себе в каюту. Надя уже была там.

В районе полуночи Клементина почувствовала прилив эмоций.

— Сходи к Павлу, возьми его за... — шепнула она Джейн.

— Может, позвонить?

— Нет, скажет, что спит. Ввались и хватай. Сколько старый козел может увилывать...

Джейн немного еще добавила и отправилась в поход. Увидев через глазок, что в каюте темно, миндальничать не стала и сразу затарабанила в дверь. Павел растерялся, бормотал, что ему делают массаж, и прочую чушь. Не открывать было нельзя, намечался международный скандал. Обойдусь без подробностей, сразу сообщаю результат — дверь открыла Надя в халате Павла, и даже в нетрезвом виде Джейн увидела, что медсестра заспанна и взъерошена, так массаж не делают. Были еще прямые доказательства, разбросанные по каюте.

— Фок ю! — только и сказала Джейн, в переводе на русский именно то, что должен был сделать и не сделал Павел.

На следующее утро американок за их столом не было, они даже перешли на другую смену. Джейн рассказала все Клементине, но та не слишком удивилась, ну спал он с медсестрой, для круизной вольницы это не шокирующая новость. Поэтому Джейн решила усилить впечатление и со вздохом сказала:

— Если бы только это...

— А что?

— Нет, не хочу даже произносить такое, слишком пошло. Все, закрыли тему, — и она изобразила на лице крайнее отвращение.

Это произвело впечатление. В таком виде новость дальше по цепочке распространила Клементина, и эффект определенно был.

Они стали изгоями. Все бывшие знакомые откровенно их избегали, отворачивались. Алекс был в ужасе, не мог этому поверить. Он после завтрака подошел к Наде, посмотрел на нее вопросительно. Когда она ничего

не сказала, только пожала плечами, он понял, что все правда, и только пробормотал:

— Как ты могла?..

Бедный парень, это была травма. Боюсь, желание вернуться в Россию у него больше не возникало. Хотя в круизе свои законы, и вскоре обида сблизила обоих пострадавших. А может, это законы не только круиза?

Заводить новых знакомых уже не было ни возможностей, ни желания, и они оказались обречены на общение друг с другом. Как назло, в этот день был переход морем, без высадки на берег.

Круиз. Отверженные

Павел после завтрака, поняв, что общение ни с кем из бывшей его компании невозможно, повалился в каюте. Спать не хотелось, чем заняться? Позвонил на работу. Много времени убить не удалось, потому что стиль работы и общения с подчиненными у него был сугубо деловой. Он терпеть не мог многословия — все только конкретно и по существу. Протянул минут двадцать. Что дальше? Читать было темновато. Он взял Пикуля и вышел из каюты. Куда деваться? На верхнюю палубу с бассейнами идти не стоило, там наверняка бывшие соплячники. В голове зашевелились мысли о том, что он опять один, а ведь уже отвык от этого, все время был в активном общении. Он вздохнул, смирился с единственно возможным решением, спустился на две палубы и пошел, петляя между шезлонгами, в поисках Нади.

Она лежала в тенечке на шезлонге на палубе и пыталась читать свою электронную книгу. Настроение у нее было прескверное, ужасное настроение. Унижение, унижение, унижение — вот основное ее состояние последнее

время. Временами она даже не была уверена, что фата-моргана — прекрасная студия — заслуживает таких переживаний.

Тень упала на книжку, Надя повернула голову — над ней стоял виновник неприятностей Павел Луков.

— Ха! Мы теперь персоны нон грата.

— Ха! — не сдержалась и передразнила его Надя, ей давно хотелось это сделать. — Слишком интеллигентно сказано. Мы... прокаженные. От нас шарахаются.

Она села, спустила ноги на палубу. Вставать? С какой радости, она женщина, пусть постоит.

Павел смотрел на нее сверху и слегка улыбался, вероятно, он понимал, что она сейчас думает и что чувствует.

— Прокаженные, слишком неприятно, — кажется, он пытался наладить контакт, — скажем, отверженные.

— Пусть будет отверженные. Может, раньше нужно было не притворяться. А как есть. Тут не все семейные...

— Ну, во-первых, ты сама не хотела. А главное, мы с самого начала стали бы персоной нон грата. Сказали бы: старый козел поймал малолетку. Ты слишком молодо выглядишь.

— Нормально выгляжу. Просто козел слишком... — она спохватилась, это был ее первый открытый бунт.

Помрачнел и Павел. Уйти — это обозначить скандал, стоять и выслушивать глупо.

— Ладно, — он решительно восстановил статус-кво, — пойдешь поищи еще один шезлонг.

Надя безропотно встала и отправилась искать шезлонг, продолжать пикировку ей тоже не хотелось. Когда она вернулась, Павел уже удобно расположился на ее большом пляжном полотенце, настроив под себя подголовник шезлонга. Надя стала без возражений раскладывать принесенный. Бунт был подавлен, нужно сказать, к обоюдному удовольствию.

— Ладно, давай не будем.

– Не будем, – миролюбиво согласилась она. Пошла в его каюту и принесла его пляжное полотенце, подстелила себе. Это был демарш пополам с примирением.

Павел надел очки, красивые, дорогие. «Хамелеоны». Они ему шли. В очках он еще больше становился похож на интеллигентного Соломина. Они стали читать. Прошли полчаса, час, молчание вполне устраивало Надю, молчать с ним она привыкла.

Но оба понимали, что неплохо бы научиться разговаривать друг с другом, раз они остались в одиночестве вдвоем посреди толпы, веселой, громкоголосой. Не знаю, все вокруг говорили громко, потому что было шумно, или было шумно, потому что все говорили громко.

И они тоже попробовали поговорить. Я хочу подробно рассказать, как это происходило и к чему привело.

Первым сдался Павел, он так долго читать не привык. Отложил книгу, повертелся с боку на бок.

– Что ты читаешь?

– Роман «Взгляд кролика».

– Не слышал.

– Хайтани Кэндзио.

– Тем более. Современный?

– Да, японец. Известный.

– А о чем книга?

– Это из серии детская книга для взрослых. О школе, толерантности, терпимости к другим, не таким, как все. Вам будет неинтересно.

– А почему тебе интересно? Тебя, я думаю, в школе не обижали.

– Меня не обижали, но меня эта тема интересует. Обижали других. Мою маму. А вас, я полагаю, тоже не обижали?

– Понятно. Ты думаешь, что обижал я. Нет, ни я, ни меня. А то, что обижают других, не таких, как все, нехорошо... но естественно.

— Вот-те раз! Как это? — Надя решила, что сейчас услышит о праве сильного и прочие нищешанские рассуждения.

— Это нормальный консерватизм, люди хотят сохранить себя, свою идентичность, борются против отклонений. Это естественно.

Надя удивилась такой неожиданной позиции. Надо же — идентичность! Попытки объективности она в Павле не ожидала, думала, что у него все просто и разложено по полкам. Это уже было похоже на дискуссию, и в ней заговорил будущий биолог, который свысока стал объяснять Павлу:

— Естественно? А знаете ли вы, что других, то есть мутантов, природа рождает, чтобы вид мог приспособливаться к изменениям и развиваться?

Павел скептически отнесся к ее пылу.

— Знаю, учили когда-то. Если они пытаются изменить всех, то тогда пусть докажут, что имеют на это право. Неудивительно, что им достается со всех сторон. Я же не говорю, что это хорошо, но естественно.

Надя попыталась остановиться, но не получилось, уж очень это противоречило сути ее взглядов — справедливости.

— Для вас естественно. И для таких... сверхчеловеков.

— Как я?

Надя спохватилась и замолчала. Молчание затянулось. Кажется, попытка общения не удалась...

Павел на удивление спокойно сказал:

— Такие, как я... А ведь я, Надежда, тоже другой, не такой, как все. Как нас воспитывали при советской власти — «жила бы страна родная, и нету других забот». Вы этой песни не знаете. Приучили жертвовать своими интересами ради общих. А какие общие, указывали сверху. Мы, то есть другие, такие, как я, не скрываем, что личный интерес у нас на первом плане, конечно в пределах закона. И общество, приученное к другому, относится

к нам не лучше, чем твои школьники в классе. Без всякой толерантности. Да и ты, Надежда, не исключение... Поэтому у таких, как я, тоже реакция, и тоже естественная — не обращать внимания. Простите, чихать на это. Иногда выглядит грубо, но это самозащита. А как иначе?..

Опять помолчали. Оба про себя подумали, что лучше соблюдать безопасный нейтралитет. Так в дальнейшем и поступали.

Они теперь почти всегда были вместе, Надя практически перебралась к нему — скрывать больше было нечего. А так удобней — не набегаяешься взад-вперед, две палубы вверх, две палубы вниз, то укол, то кардиограмма, то еще что-то. И Павел признался, что побаивается спать днем, а иногда вздремнул бы; теперь, после фактически объявленного остракизма, свободное время появилось. Он попросил Надю посидеть в каюте. Она сначала посидела на кресле, потом пристроилась рядом, и тоже заснула. Вошло в расписание.

Они избегали спорных тем, а не спорных оказалось немного, поэтому говорили мало. И теперь напоминали семейную пару, которая прожила много лет и давно обо всем переговорила. Такую пару легко отличить в общественных местах, в кафе, в театре — они молчат, каждый думает о своем и даже взглядами редко обмениваются. И все время рядом, в связке.

Но когда нет желания и возможности что-то понять, объяснить, наконец попросить, то невольно возникает внутреннее недовольство. А если — как у Нади — оно и раньше было?

Скажем, ей хочется пить. На корабле за деньги ничего в барах не продавали, только по специальной карточке, и нужно было для этого положить на счет определенную сумму в евро. Денег у Нади практически не было, во всяком случае такую мелочь, которую она до отъезда насоби-рала, на счет не принимали. Павел предупредил — денег

не даст. И не дал. То ли не подумал, но скорее дело принципа. Он ее иногда угощал: «Хочешь кофе? Хочешь пить? Хочешь пива?», он пиво не считал алкоголем. Но питание в ресторане это одно, и иной раз Надя хотела бокал вина, шоколадку – в круизе же, в конце концов! Но возможности купить в баре не было. А его угощения выглядели как благотворительность и вызывали противоположные чувства – благодарность и обиду. Да, невозможность объясниться ни к чему хорошему не приводит.

Павла все более-менее устраивало, и хотя он чувствовал, что рядом накапливается отрицательная энергия, но как вы помните, умел «чихать на это». Когда они сходили на берег, то Надя с ним шла на пляж, а он – своеобразная компенсация – брал ее с собой знакомиться с местной кухней и винами. В знак протеста она не стеснялась заказывать, что хотела, и налегала на дорогие вина. Павла это забавляло.

А вечером, если не было концерта, они смотрели телевизор. Телевизор был один. На двоих. Можно я не буду разжевывать, что происходило дальше?

За пять дней остракизма они физически притерлись друг к другу, никакого дискомфорта от непрерывного общения уже не испытывали, скорее наоборот... Павел иногда – в определенные моменты – неразборчиво гундел себе под нос что-то вроде: «Странно, даже не помню, чтобы я подобное когда-то испытывал», а Надя уже не вспоминала Юрочкин любимый анекдот про Хаима и Мойшу. Но внутренний антагонизм – во всяком случае у Нади – определенно не уменьшался. В конце концов она была ему за многое – в первую очередь за гипотетическую студию – благодарна, но убедилась, что такой тип человека ей не симпатичен. До антипатии дело не доходило, максимум толерантность, но тоже со знаком минус.

А Павла, повторюсь, все эти частности не интересовали, он чувствовал, что окреп и даже помолодел – кстати,

это отмечала и Надя. Он был ей благодарен за участие в этом круизе и за помощь, но благодарен только как участнику плана, который задумал и осуществил он сам, собственной персоной.

«Я всегда находил выход из сложных положений, а эта ситуация была самой опасной, даже критической. Но человек сам несет ответственность за свою судьбу, и поэтому винить и благодарить за все в первую очередь он должен самого себя».

И тут же, без перехода с насмешкой:

«Уверенный в себе человек может легко превратиться в самоуверенного. А это далеко не одно и то же».

Павел не был безнадежен, и у него иногда прорывалась самоирония. Просто он сознательно не давал ей воли, считал — и может, не без оснований, — что для бизнесмена это непозволительная роскошь, сродни сомнению. Его опыт говорил о том, что решение, в верности которого ты не уверен, обречено на провал. Я не бизнесмен, не могу судить. На мой взгляд, самоирония — которая действительно сродни сомнению — помогает трезво взглянуть на вещи, лишний раз проверить, а прав ли ты, разумны ли и справедливы твои поступки. Но я простой смертный и не отношу себя к числу «сверхчеловеков».

Они вовремя вернулись в Барселону, я имею в виду не расписание судна, а их настроение. Круиз еще не надоед, но уже было близко к этому, тоска по дому — особенно у Нади — еще не брала за горло, но по Одессе уже соскучились. Причалили в восемь утра, после завтрака попрощались с лайнером, который приютил их на двенадцать ночей, — больше было не с кем. Вылет был только на следующее утро, и Павел опять снял номер в гостинице. На этот раз они самостоятельно, с удовольствием пользуясь прекрасным барселонским метро, побродили по городу. А вечером Павел пригласил ее отметить окончание сезона,

форма парадная. Надя не была оригинальна и предложила рыбный ресторан, о котором много слышала. Павел, как и следовало ожидать, возразил:

— Я морских гадов не люблю, это экзотика, а экзотикой не наешься, — но, к ее удивлению, предложил компромисс: — Давай пойдем в ресторан «Барселону», мне рекомендовали. И на берегу, там есть и гады, и нормальная еда.

К девяти они были в ресторане. Места нужно было бронировать заранее, но Павел привычно справился с проблемой, ему всегда это удавалось, Надя не раз была тому свидетелем.

Ресторан был очень приятный, и вид на гавань великолепный. Надя заказала экзотику — кстати, не стеснялась и не смотрела на цены, — а консервативный Павел итальянскую кухню, с которой был хорошо знаком, потому что его бизнес был тесно связан с северной Италией. Подробности заказов приводить не стану — лучше самому посетить, чем читать описание. Считайте это рекламой.

Надя заказала бокал отличного белого — как и положено к рыбным блюдам — вина «Шардоне», название, которое она слышала, а Павел виски «Чивас» — в выборе спиртного он тоже был по возможности консервативным

Когда принесли выпивку и закуску, Павел предложил первый тост:

— За очень приятный отпуск. И очень полезный. За нас. За тебя. За меня. До дна.

Они добросовестно выпили, и Павел, не закусывая, вынул пакетик из своей сумочки и передал его Наде.

— Успеешь закусить, посмотри, может и креветки не понадобятся.

Она открыла. В пакете были документы и ключ. Немая сцена.

— Да, от твоей квартиры, — ответил Павел на безмолвный вопрос.

Надя вскочила, обошла, точнее обежала вокруг стола, сзади обхватила Павла за шею, наклонилась, изогнулась и поцеловала его. Губы оказались крест-накрест, но это был настоящий поцелуй, и он даже немного затянулся. Надя спохватилась и уже с достоинством вернулась на свое место. Павел заметил, что эта сцена не осталась без внимания соседей и официанта.

— Я говорил, что в тихом омуте черти водятся. Люди считали, что я солидный турист с внучкой...

Надя, рассматривая бумаги, энергично возразила.

— Нет, сейчас не с внучкой. Разве что... с дочкой.

— А сейчас все поняли, что я старый козел... Нет, ты непозволительно молодо выглядишь.

Надя читала технический паспорт и не отвечала.

Павел закусил какими-то салатиками и попросил официанта повторить «Чивас» и «Шардоне».

Он смотрел на счастливое Надино лицо и поддался настроению, которое тут же окрестил сентиментальным.

«В обозримом прошлом, — думал он, — я не помню, чтобы был с кем-нибудь из женщин так долго круглые сутки вместе. И удивительно, меня это не только не напрягало, но даже успокаивало».

Ему так понравилось это выражение — в обозримом прошлом, — что он повторил его вслух и со вкусом, подняв бокал:

— Ей-богу не помню, в обозримом прошлом, чтобы я был с кем-то днем и ночью так долго. И было неплохо.

Надя отреагировала улыбкой, отпила половину из второго бокала, закусила, не глядя, одной креветкой и вернулась к пакету. Павел знал о ее отношениях со спиртным и с интересом ждал результатов.

Он стал закусывать и одновременно пытался объяснить себе, почему так необычно легко переносит ее общество. Возможно потому, что как женщину он ее не воспринимал. Пожалуй, относился к ней как

к медсестре, но с расширенной зоной медицинской помощи. Нет, скорее просто считал ее слишком молодой для серьезного отношения. Иногда все-таки мелькала мысль — если бы Надя была лет на десять старше... Или он лет на двадцать моложе... Интересно, почему ей достаточно добавить десять лет, а ему как минимум отнять двадцать? Но тем не менее иначе никак. В противном случае остается один вариант под названием «старый козел».

Наверно поэтому он к ней относился несерьезно, не был вынужден, как со своими дамами, проявлять куртуазность — почему-то ему пришло в голову это уже давно забытое определение. А любое насилие над собой его напрягало и раздражало.

А ведь, пожалуй, Павел был в своих рассуждениях недалек от истины. То, что возмущало Надю — отсутствие вежливости, благодарности, — делало для Павла их общение легким и не требующим над собой никакого насилия. В личных отношениях для него это было главным, достаточно, что в деловых приходилось напрягаться, держать себя в руках, изображать черт знает что... Изгаляться, как он любил говорить.

Меж тем Надя допила второй фужер, оторвалась наконец от бумаг и стала закусывать дарами моря. Но уже было поздно, она поняла это, пытаясь справиться с устрицей. Мидии она любила, а вот устриц мечтала попробовать. Но раковина, красивая с изумительным рисунком, произведение искусства, не открывалась. Надя сначала не рассмотрела, где щель, потом не попала туда ножом. Чувство юмора она пока сохранила и процитировала из «Трое в лодке»:

— В жизни я не видел, чтобы два человека столько хлопотали вокруг куска масла стоимостью в один шиллинг и два пенса. — Подумала и добавила: — А это из «С легким паром»: надо меньше пить, надо меньше пить.

Павел помог ей открыть створки устрицы. С этого момента он мог не заботиться о беседе за столом, нужно было только дать направление, и молчаливая Надя компенсировала двухнедельную сдержанность.

— Ну, Надежда Михайловна, вы отмучились или все-таки довольны круизом?

Дальше был монолог, куда Павел изредка вставлял реплики.

— Единственно, в чем уверена, что довольна квартирой. А остальное сложно. Я уже сделала несколько открытий о человеке. О сродстве, которое может не совпадать. И даже противоречить одно одному. Это и к вам относится... Вот говорят о единстве противоположностей. Вроде бы сколько противоположностей? Два... нет две. Их две, одна противоположна другой. А у человека их может быть три, четыре, сколько хочешь. И все противоположные. Я бы не говорила, если бы не это вино. Вкусное.

Она взяла бокал. С сожалением заглянула в него и вздохнула.

— Пусто. Так о чем я? О противоположностях.

Она пододвинула Павлу тарелку с устрицами и движением показала — раскройте их. Павел заказал еще по порции вина и виски, безропотно стал открывать устрицы и передавать их Наде.

— Разве можно не получать удовольствия от такого круиза? Праздник, каждый день новая страна или город. А я тут не была. Но как можно радоваться, если я таких унижений не... не испыт... испытывала, — и неожиданно четко сказала, — в обозримом прошлом. Унизительные обстоятельства. И еще более униз... унижительное обращение. Я себе дала слово, не униз... унижаться до объяснений. Получается, дождалась ключей и... пошло-поехало. Если бы не вино. О! Полная!

Она опять отпила примерно полфужера. Я думаю, была не прочь иметь оправдание — не все высказала.

— Вот вам противоречие — рай или ад? Благодарить или ненавидеть? А тут нет противоречий, известно, что благодетелей часто ненавидят. Нельзя быть благодарной человеку, который меня купил.

— Не купил, а нанял.

— Нанял как медсестру, а остальное... купил. Я вас, Пал Андреич, не ненавижу. Вас лично. Как вы говорите? «Бизнес, ничего личного». Так вот личное вроде бы ничего, а как человек вы просто... даже и не человек. Как это сочетается? Вы же меня просто использовали... Во всех смыслах. Как это можно?

Тут Павел не выдержал.

— Надя, я не мальчик. И в женщинах разбираюсь. Тебе тоже было хорошо.

— Вот! Вот оно! Я и говорю, как может быть хорошо, когда «ничего личного». Это ужасно. Хорошо и ужасно! Это даже не противоречие, а черт знает что. Это даже Хаим с Мойшей понимали. Анекдот, потом расскажу. Я нас обоих не люблю. В смысле... «Не люблю» в русском языке имеет два разных смысла. В одном «не люблю» — то есть равнодушна, а в другом — отношусь плохо. И я нас обоих не люблю во втором смысле, даже больше, чем не люблю. И обоих не уважаю, даже больше, чем не уважаю. Гораздо больше. Невозможно уважать человека, который не уважает других. Чихает на них. А себя... — она с отчаянием махнула рукой.

Павел молчал, на лице не удивление, не раздражение — сочувствие, только сочувствие.

— Вот мое единство противополож... противоположностей. Итог. Быть судьбе благодарной за квартиру, помнить круиз, а человека и бизнесмена Лукова забыть, как дурной сон. Если получится. Должно получиться.

Она допила вино — Павел подумал, что это уже становится опасным. Принялась за кривые и маленьких осьминожек. И поменяла тему.

– Интересно, у вас там, наверху, все такие?

– Многие.

– Это историч... исторически. Начальный этап капитализма. Много бандитских накоплений. Как в Америке.

– Я не бандит.

– Но бывших уголовников у вас хватает. Даже мэры из бандитов. Вы чихаете не только на людей, но и на законы. Это заразное. С кем поведешься... Но потом, во втором поколении, в третьем, как в Америке, станете респре... респектабельными. Захотите, чтобы дети ваши стали респе... черт, респек... – Она посмотрела на Павла, нахмурилась, в ней всколыхнулась обида, и зло добавила: – У вас не получится. Некому. Я вам не завидую. Сами виноваты. В вас нет многого, что должно быть в человеке. Слабостей. А без слабостей человек не человек. Вы как деревянные солдаты Урфина Джюса. В детстве читали Волкова? Хорошо зависеть от другого, не только, чтобы он от тебя зависел. Хотеть добра кому-то, больше, чем себе. А как хорошо, когда можно с удовольствием и с доверием сдать на милость победителя!.. А вы привыкли покупать.

Павел слушал и испытывал при этом очень даже противоречивые чувства. Во всяком случае чихать на монолог Нади ему не хотелось. Он спросил:

– А почему ты попадаешь в неподходящие тебе ситуации? Регулярно... Я о тебе многое знаю. Какая-то инфантильность. Тоже нужно подумать.

– Вот! Вот оно! Я до встречи с вами накачивала себя, что нужно быть такой, как вы. Сколько можно быть лопухом. При большой дороге. И каждый раз попадать в лужу... Так и поступила. Это случайность, что я тут же вытянула круиз и квартиру? Или зазно... закономерно? А стоит ли оно того? Вот главный вопрос и главная противополо... противополож...

– А какие открытия в человеке ты сделала? Какое-то сродство?

Надя постаралась ему рассказать о «сродстве тел» и «сродстве душ», хоть это уже далось ей нелегко. Но Павел идею понял.

— А я каким боком?

— Если только сродство тел, то можно какое-то время спать, но недолго.

Дальше было неинтересно, Надя захмелела, правда сидела ровно, не качалась, но несла околесицу.

Они поехали в гостиницу, она и там держалась прилично, пошла под холодный душ, хотя результатов это не дало. Когда легла — застонала.

— Все так кружится вокруг. Спать, надо спать.

Потом затихла. А спустя какое-то время повернулась к Павлу.

— Единство противоположностей. На раз больше, на раз меньше... черт с ним...

Возвращение. Не все так просто

В Одессу прилетели к вечеру. Попрощались до таможенного контроля — Надя не хотела, чтобы шофер, который должен был встречать хозяина, видел их вместе. Наверно, ее монолог в ресторане все-таки произвел впечатление, потому что Павел сказал:

— Ты себя не грузи, все вали на меня. Ты спасла жизнь человека; не знаю, сколько раз я мог бы еще ночью проспать, если бы не ты. А это многое оправдывает.

И тут же фамильярно потрепал ее по плечу. Надя только улыбнулась — верен себе.

Надя поехала ночевать в гостиницу — в пустой квартире, даже такой красивой, даже с прекрасным видом на море, спать было не на чем. А с утра нужно на работу.

В «Резонансе» ее ждали, пытались разыскать, чтобы сообщить, что Юрочка Осмоловский уволен. Главврач Григорий Ильич ей по секрету сказал, что это его заслуга. Он хозяину Лукову так прямо и сказал, что для него работник старшая сестра Спасова важнее, чем врач Осмоловский.

Надя поблагодарила.

И, пожалуй, Григорий Ильич не очень преувеличил. Конечно, работа не остановилась, вместо нее назначили сестру постарше, тридцатилетнюю Смирнову. Но хлопот у главврача добавилось. График работы был скользкий, стали возникать разногласия, просьбы поменять смены и у врачей, а особенно — у сестер, проблемы с внеочередными аварийными ремонтами, накладки в очереди пациентов. Как-то Надя с этим справлялась сама, никого не обременяя согласованиями. Все почувствовали, что с ней было спокойней.

Она сразу же сообщила, что купила однокомнатную квартиру-студию, заранее продумав, как будет объяснять этот феномен. На работе знали, что не так давно, примерно полгода тому, умерла ее бабушка, бывший секретарь райкома, с которой вы были знакомы. Надя сказала, что родители продали бабушкину квартиру — это было правдой, и дали деньги ей на квартиру — что пока не соответствовало действительности. На самом деле родители хотели обменять свою двухкомнатную квартиру на трехкомнатную с доплатой, с буйными близнецами было нелегко. Но сомнения и угрызения совести насчет бездомной дочери у них все-таки были, так что ложь Нади впоследствии оказалась полуправдой.

Ну что ж, перейдем к новой квартире.

Забот у Нади было с головой. Почта, прописка, коммуналка, нужно было заполнить множество бумаг, после работы это было особенно сложно.

Оказалось, что у нее для нового жилья почти ничего нет своего, одна сковородка. Три ночи в гостинице почти

иссушили ее финансы, пришлось взять в банке долг под 16 процентов.

Прежде всего она исполнила свою главную мечту — купила дорогую двуспальную кровать. Юрочка ей когда-то объяснял — только тот может сказать, что у него есть минимум счастья, кто ложится спать в отличную кровать. Чужие кровати, в которых она засыпала, были далеко не отличными и, казалось, стойко хранили память о предшественниках. Новая кровать была чудная, матрас тридцать сантиметров высоты. Надя в первую же ночь поняла, что база для счастья у нее появилась.

Кутить так кутить — и она купила такое же трюмо, как в девичьей светелке у Лукова, тот наверняка знал толк в женских пристрастиях. Без стиральной машины не обойтись — благо была рассрочка. Холодильник тоже — в рассрочку. Но после этого с трудом наскребла на минимум кухонных принадлежностей и посуды. А тряпки, веник, моющие средства... Словом, пришлось обращаться к родителям за помощью. И родители, ко всеобщему облегчению, дали, что могли. Это не решало и половины проблем, но все-таки было очень кстати. Правда, возникла новая трудность — как объяснить родителям, откуда это богатство свалилось на старшую сестру с не таким уже и большим окладом? И Надя решила не изменять традициям новой Надежды Спасовой и не быть излишне сентиментальной и чувствительной. А может, в ней заговорила старая обида за то, что мать внушала ей бесполезные и нелепые идеалы. Короче, на естественный вопрос, откуда деньги, последовал ответ:

— Мама, я не хочу тебе говорить, как мне это досталось. Пока я следовала твоим высокоморальным советам, у меня ничего не было. Так что лучше не спрашивай.

Мать испуганно замолчала, тяжело задышала в телефонную трубку... но уточнять не стала. Она предпочла

ничего не знать; может быть, боялась, что ее дочь в свободное от работы время подрабатывала путаной.

Трудов и хлопот у Нади хватало, но это были счастливые труды и радостные хлопоты. И к тому же она обзавелась очень хорошим знакомством — соседями по лестничной клетке оказалась приятная молодая пара — жена Регина и муж Толик. Толик был программистом, судя по их трехкомнатной квартире неплохим, а Регина заведовала музыкальной секцией в большом универмаге. Очень милые люди; их отношениям, по-настоящему теплым, не показным, не на публику можно было позавидовать. И они были очень доброжелательными, искренне и бескорыстно. Полная противоположность Юрочке и Лукову. У Нади даже появлялась мысль, что — оказывается — можно быть благополучными и счастливыми, не следуя «теории разумного эгоизма» в современном варианте.

Соседи вселились на полгода раньше, и уже освоив свою квартиру, понимали, как это непросто, особенно одинокой девушке. И после работы стали в четыре руки ей помогать. Толик откуда-то притащил ей старый, но еще вполне приличный телевизор, помогал с ноутбуком. С их помощью через две недели у нее уже было в квартире относительно прилично — невероятный результат! — и она пригласила на новоселье свою контору, примерно двадцать пять человек. Врачей, с которыми она была в хороших отношениях, и всех медсестер, без исключения. Она извинилась и предупредила, что сидеть придется на полу, на ковре из-за отсутствия наличия... Я не ручаюсь, что она не предвидела результатов приглашения, — гости явились с купленными в складчину хорошим, солидным столом и шестью отличными стульями, на которых разместились уважаемые и немолодые сотрудники во главе с Григорием Ильичем. Молодежь с удовольствием расположилась на полу и без конца острила на темы «пол, половые гости, у нас половые проблемы» и прочее. Известно, что

медики любят сомнительные остроты, и наши не были исключением. Выпивку тоже принесли, закусывали, чем бог послал, что способствовало веселью. Толик принес проигрыватель, Регина обеспечила отличными записями, были танцы.

— Прекрасный вечер, — сказал в прощальном тосте Григорий Ильич и сообщил, что Надя получила дополнительных четыреста гривен к зарплате как отличный работник. И даже никто не позавидовал, все знали, что она тянет много всякого, не имеющего отношения к обязанностям старшей сестры.

Жизнь так резко изменилась, она с такой ловкостью и, главное, результативно выкручивалась из самых сложных ситуаций, с такой легкостью и изяществом врал, что полностью уверовала в свой новый имидж и перестала удивляться дарам, которые буквально сыпались на нее сверху. Например, она неожиданно получила письмо из института, в котором «уважаемой Надежде Михайловне» сообщали, что она зачислена на первый курс. А не сданный ею экзамен Надежда Михайловна может пересдать в течение семестра. И прислали первый комплект материалов и заданий для работы. Надо же?!

Или другой пример. Известно, как работают наши строители, даже если это квартира «под ключ». В квартире Нади где-то текло, где-то не включалось, где-то отвалилось. Толик сказал, что к управляющему домом ходить нет смысла, у него зимой снега не выпросишь. Но она пошла.

Управляющий оказался мужичком лет пятидесяти, немного потрепанным, и было впечатление, что в свободное от работы время он не прочь выпить. Надя явилась в образе легкомысленной кокетки. Встретили ее скучно, но когда она назвала фамилию, улыбнулась, сказала, что одной ей в квартире тяжело со всем справиться, председатель заулыбался, сказал, что исправлять недоделки их долг. С тех пор все по первому требованию ей делали

быстро, бесплатно, и рабочие даже отказывались брать то ли на чай, то ли на водку. Представьте себе — был уже ноябрь месяц — ей отрегулировали все батареи отопления!

Толик удивлялся всесилию ее чар.

Словом, время пролетало незаметно — фьюить, фьюить! Известную фразу «счастливые часов не наблюдают» она изменила на «успешные часов не наблюдают». И однажды, когда очередной день «фьюитнул», она посмотрела на календарь.

— Какое сегодня число?

И обмерла. Обмерла без преувеличения. За всеми этими днями, наполненными и переполненными различными событиями, она — трудно поверить — не обратила внимание на то, что у нее как минимум на неделю задержка. И сразу же почувствовала легкую тошноту. И сразу же вспомнила, что вчера и позавчера было такое же чувство, и она старалась припомнить, какой несвежий продукт съела.

У нее возникло впечатление, что лифт, который уверенно возносил ее «все выше, и выше, и выше», неожиданно сорвался и ухнул вниз.

Павел после самолета отправился не в городскую квартиру, а домой. Его ждал там весь обслуживающий коллектив в полном составе: Нина во главе, кухарка с отличным ужином, садовник с вылизанным до блеска участком — ни следа листопада в октябре месяце, и беженка Зина с сюрпризом. Дело в том, что Зина лишилась своей съемной квартиры по независящим от нее причинам — аварийный дом наполовину обвалился, в Одессе такое бывает нередко. И с разрешения Нины она два дня — временно, пока не найдет новое жилье, — ночевала в доме. Разрешить ей ночевать в «резиденции» было бы святотатством по отношению к памяти Софьи Марковны, на это Нина не решилась, гостевая была слишком шикарна — двуспальная кровать, большая

ванная комната и даже маленькая кухня. А на втором этаже, в самом углу была так называемая «служебка», где персонал мог передохнуть в процессе уборки, попить чаю. Там был стол, диван, пара стульев, что-то вроде мини-кухни и туалет. Зина на время туда перебралась. К сожалению, «служебка» была на том же этаже, что и спальня Павла, правда в другом конце и на противоположной стороне коридора. Нина решила попросить у Павла разрешения пока на день-два оставить Зину ночевать там.

Это был довольно приятный сюрприз для Павла, позволяющий решить серьезную проблему – безболезненный переход из курортного режима к нормальной рабочей жизни. Несмотря на прекрасные результаты лечения, он не мог избавиться от некоторых опасений перед первой ночью в одиночестве – надеюсь, вы его понимаете. И хотя комната, о которой идет речь, была в другом конце коридора, если Павел всерьез начнет кричать во сне, то Зина это определенно услышит – коридор был не слишком длинным. И вообще, сознание, что рядом, не далеко есть живой человек, должно помочь ему избавиться от недостойных мужчины и бизнесмена опасений.

– Я вот что предлагаю. Пусть Зина останется жить в этой комнате бесплатно. Я уже не молодой и не такой здоровый. Когда прихожу вечером, может, захочу перед сном перекусить, а может, нужно будет чем-то помочь. И утром с завтраком проще. Давно нужно было это сделать. Ну как, Зина, согласна?

Зина была достаточно некрасива, чтобы никакие сомнительные мысли не появлялись ни у нее, ни у посторонних. Проблема была решена.

Павел очень устал, перелет был нелегкий, одни только шесть часов пересадки в Вене чего стоили. Он полежал в ванной, не очень нагружаясь, поужинал с рюмочкой коньяка и с удовольствием, без всяких тревожных мыслей отправился спать. Немного поворочался, подумал,

что уже успел — за сколько? больше месяца — отвыкнуть от кровати, наверно поэтому что-то было не так. Понял, что именно «не так» — нет Нади под боком, и провалился в сон.

Утром не открывая глаз — привычка, — спросил, который час. Никто не ответил, он вспомнил, что Нади нет. Пришлось приподниматься и смотреть на электронные часы на тумбочке. Было 9 утра. Здоровый сон. Он чуть было не спросил, готов ли кофе, но вовремя спохватился.

— От старых привычек нужно отвыкать, — сказал он вслух. Прозвучало убедительно.

И приступил к традиционному утреннему ритуалу — двадцатиминутной зарядке, которой почему-то пренебрегал в кризисе, наверно давал себе индульгенцию по болезни. Зарядка придала бодрости — жизнь продолжается. Потом прогулка 5 км вдоль берега. Правда, было пару попыток спросить Надю о чем-то, но это инерция; стареем, стареем, плохо приспосабливаемся к переменам. Было — и прошло.

Он почувствовал прилив благодарности к этой девушке, почти девочке, которая — и это вполне вероятно — действительно спасла ему жизнь. Во всяком случае избавила от необходимости стать полуовощью под руководством психиатрии — он с ужасом вспомнил свои ощущения, когда стал принимать психотропы. И одновременно с благодарностью появилось чувство вины — во многом она была права в пьяном монологе. А ей сейчас достается в новой квартире, одной и практически без денег. И потом она по его вине не сдала последний приемный экзамен в институт, столько трудов зря. Но Надя выберется, характер у девочки есть...

И он мысленно перешел к проблемам более актуальным в этой новой-старой жизни. А проблем хватало. Хотя он время от времени — не часто — связывался со своими фирмами, личное присутствие хозяина ничем не заменишь. Он не был сторонником управления по телефону,

лежа в кровати и даже сидя у компьютера. Нужно видеть реальность и держать руку на пульсе.

Когда после душа он сошел в столовую, Зина уже была там и в полной боевой готовности. Кофе, яичница с ветчиной. Кстати, Павел с тех пор ни разу не видел ее на втором этаже — когда он был дома, Зина в коридоре появлялась только по вызову. Чувствовался менеджмент Нины.

Прежде всего нужно было зайти к Кулику. Он договорился на час дня, как обычно к концу приема.

Леонид сидел за столом, в белом халате, серьезный, даже сидя высокий, в очках — олицетворение медицины.

— Привет. Я к тебе с отчетом.

— Отчет мне не нужен. Во-первых, он у тебя на лице, а во-вторых, он уже есть у меня и даже в твоей медицинской карте. Сегодня с утра была твоя медсестра Надя. Чудная девушка и специалист отличный, хоть и не врач. Она каждый день вела записи в компьютере, собраны все результаты, кардиограммы, все, что нужно. И так грамотно, как уверяю тебя, немногие бы врачи оформили. Я прямо все скачал в твою карту. Нюх у тебя, Паша, отменный, умеешь подбирать кадры. Правда, общаться с ними по-человечески так и не научился. Но об этом с тобой говорить бесполезно...

— А что она...

— Она счастлива, что закончилась поездка. Я понял, что тебе удалось испортить человеку даже такую вещь, как круиз.

— Это она тебе все рассказала?

— Ни в коем случае, Надя приличный и тактичный человек, она не могла позволить себе отозваться о больном плохо.

— Тогда откуда ты взял все, что только что нагородил?

— Паша, я психолог, я изучал вазомоторные реакции. Для меня секретов нет. И она не лицемер. При любом упоминании о тебе... Я думаю, ты ее допек. Она с таким

облегчением сказала: «И покончим с этим», и я бы даже сказал, ее передернуло. Психологу не нужно ничего говорить, он на метр вглубь земли видит.

Наблюдательный Кулик тем не менее не заметил, что очень огорчил своего друга. Впрочем, если бы и обратил внимание, то нисколько бы не расстроился — пусть наконец научится считаться с мнением окружающих.

Доктор вышел из-за стола и поработал с больным. Сначала как психолог — пошелкал пальцами, поводил руками, постучал куда следовало молоточком, поцарапал рукояткой. А потом как кардиолог — где-то пощупал, послушал, померил давление. Кажется, он остался доволен то ли больным, то ли своим мастерством. Дал направление на «эхо сердца», сказал — не помешает.

И отпустил пациента на волю.

Павел с головой окунулся в работу. Ситуация была сложная, напряжение в стране нарастало. Бизнес старался как можно меньше связываться со старым и новым правительствами, придерживаясь политического нейтралитета, но это плохо получалось. Пришлось пару раз ехать в Киев. Напряженная работа с отделом Иры Моисеевны Лозовской, поездки в фирмы и отделения, расположенные вне города, в других областях. Примерно месяц понадобился, чтобы как следует войти в курс дела и — главное — довести дело до привычной кондиции. Хозяйство было большое.

Но нас с вами больше интересует личная жизнь Павла, чем его трудовые подвиги и успехи. Солидный объем работы, частые отлучки внесли изменение в обычный режим его жизни. Напоминаю вам, одним из основных его принципов было — нужно не только добросовестно работать, но и получать удовольствие от жизни. Человека должно хватать «на все». Прежде хватало и на развлечения, рестораны, концерты, на нередкие поездки на пару

дней на какие-нибудь Мальдивы или в Париж и прочее, и прочее, и прочее. Неожиданно оказалось, что несмотря на то, что он за отпуск вернул прежние кондиции, «на все» сил уже не хватает. После работы он практически перестал появляться на тусовках, которые не пропускал прежде. А может, не в силах дело, а в недостатке желания? Да, и такое вполне возможно.

Но была еще одна причина, и немаловажная. Еще раз напомним то, что говорил в начале моего рассказа, даже процитирую себя: «И естественно важную роль «во всем» играли женщины, может даже основную». Павлу пришлось еще раз убедиться, насколько это соответствует действительности. Ирочку он с удовольствием потерял, замену искать никакого желания не было. На выпивку в узком кругу в кабаке еще можно прийти и одному, но на различных тусовках он все чаще слышал: «Ты один?» или читал этот вопрос во взглядах. Одиноким солидным обеспеченным бизнесмен и молоденькая, не имеющая ни гроша за душой, девушка (странная, но вполне реальная параллель) приобретают одинаковый общественный статус, какую-то неполноценность, что ли. Или как я в аналогичном случае говорил — ущербность.

Безусловно, Павел мог, чтобы выглядеть «комильфо», без труда найти достаточно эффектную даму даже без каких-нибудь обязательных личных контактов. А уж купить в жены себе молоденькую проще, чем старенькую. Молоденькие часто бывают более практичными, можно с ними заключить брачный договор и взамен получить полное объяснение в горячей любви. Но ему насилие над собой никогда не удавалось, а сейчас такая идея вызывала просто отвращение.

Он теперь пару раз в неделю после работы — если не был в поездке — присоединялся к своей обычной компании в ресторане, там его принимали и одного, но чаще возвращался домой, и чем позднее, тем лучше.

Слабый кофе, бутерброд с колбасой, несколько страниц романа «Право и дело» Пикуля, который он так и не дочитал... и спать.

Но именно в эти часы дополнительно проявлялся еще один клубок связанных друг с другом проблем. Как они связаны между собой, какая из них первична, что доставляет больше беспокойства — Павел не мог разобрать.

Пожалуй, все-таки — решил он — первым и доставляющим максимум беспокойства является напряжение, возникающее перед сном. После возвращения из круиза он так и не смог полностью от этой слабости избавиться, хотя старался делать для этого все, что возможно. А что именно? Прежде всего, нужно было признать факт, что он теперь спит один, и не цепляться за прошлое. Довольно быстро он перестал утром задавать вопросы Наде, ночью искать ее рукой, похлопывая по кровати. Спал довольно хорошо и крепко. Но старт — так он называл период перехода ко сну — ему не удавался. И предстартовое волнение иногда начиналось вместе с сумерками. Наверно поэтому, воспоминания о Наде, вместо того чтобы постепенно растаять в прошлом, стали все чаще возникать в памяти. Собственно, вначале не о ней, а о том чувстве уверенности, беззаботности, с которым он ложился в кровать в круизе. Был человек, который его успокаивал и совершенно не нагружал, с удивлением думал он. Если разобраться, он ее не замечал, а ее влияние — как теперь начал ценить — значило так много!

Со временем выяснилось, что он даже толком не помнит, как она выглядит. Пожалуй, запомнилась в ресторане. В брендовом красном платье, от какого-то кутюрье, Павел в этом разбирался. Вероятно, единственная дорогая одежда в ее гардеробе. Она взяла платье с собой в круиз и, если бы не призыв «форма одежды парадная» перед рестораном в Барселоне, так бы и увезла его домой. Но больше Павлу запомнились взгляды мужчин, когда

они с ней вошли в ресторан. В них было — да, пожалуй — восхищение, а когда Надя поцеловала его за квартиру, то и зависть. Со временем вспомнил, что и на пляже она тоже была — нужно признать — хороша. Точеная фигурка, не худая, очень женственная, несмотря на молодость. Не просто сексуальная, а скорее женственная, это не одно и то же, женственность качество более долговременное.

Интересно, почему он этого не замечал? И Павел после довольно долгого раздумья честно признался себе — не от высокомерия, а от недоступности. Опытный и неглупый человек, он и тогда понимал, что такая молодая, красивая девушка, «в которой что-то есть», уже не для него. Он может нанять или даже если хотите купить ее время, ее услуги, но не более того. Даже в качестве жены. Ее купить невозможно. Между ними было слишком большое расстояние. Поэтому разумное и здоровое подсознание говорило ему — используй, но не будь смешным и не относись всерьез. Так он и поступил.

Что же изменилось, почему он сейчас в собственных глазах становится смешным? Кое-что изменилось. Постепенно выяснилось, что он не может не вспоминать тот подарок, даже, пожалуй, дар, который он нежданно-негаданно получил от судьбы вместе с Надей. Он действительно не помнит, когда испытывал такое — Павел использовал слова, которых уже давно не было в его словаре, — сексуальное наслаждение, юношеский восторг. В такие минуты он чувствовал себя доктором Фаустом, которому вернули молодость. И прекрасно понимал теорию Нади о «средстве тел». Все это было совершенно неожиданно — в его годы и с его опытом страсти-мордасти уже основательно подзатерлись, потускнели. И вдруг...

Но Павел прекрасно понимал, что несмотря на радость, которую доставило ему обновление, эта «экзотическая» сторона отношений с Надей не повод заикливаться на воспоминаниях. Для самодостаточного — как он

себя называл — шестидесятилетнего солидного человека есть куда более важные вещи, начиная, кстати сказать, со здоровья. Нужно быть реалистом, а он уже много лет считал себя таковым. Он иронически объяснял себе, что вспоминать о возвращении в юность — означает в действительности впасть в детство. Но... «не думай о белой обезьяне» — любимая притча Ходжи Насреддина и моя.

Гнездо из лунного света

Время шло, Павел навел относительный порядок в своем хозяйстве, появились дополнительные свободные вечерние часы, девать которые было некуда. Он прекрасно понимал, если только и делать, что предаваться воспоминаниям, даже не пытаясь изменить нынешний бесцветный и одинокий образ жизни, то его неизбежно ждет рецидив депрессии. Нужно снова возвращаться к исходной проблеме — в период до и после работы он не должен оставаться один. Но это легче сказать, чем сделать. Как он будет терпеть чье-то долгое присутствие и — между прочим — кто согласится терпеть его? Вряд ли можно рассчитывать на такой невероятно удачный вариант, который произошел с ним не так давно... Стоп, он опять вернулся в прошлое! Просто наваждение! Нужно думать о будущем.

Совсем недавно он довольно регулярно приходил в городскую квартиру с Ирочкой или с кем-нибудь из «запасников», прекрасно проводил время, потом эта «кто-нибудь» оставалась в соседней спальне или уезжала домой. Все было хорошо, как говорится — без проблем. Откуда же эта лень или что еще хуже — апатия? А апатия признак реальной угрозы рецидива. Начинать нужно с ночи, самого опасного времени. Павел понимал, что остановка

за принятием решения, за преодолением... да, нужно признать, апатии. Кого пригласить на вечер и ночь в гости он знал. Конечно, Валерию Ивановну.

Валерия Ивановна была в «запасниках», но на особом положении. Это была самая долгая связь Павла. Началось 15 лет назад, когда она была не старше Нади, но Павлу тогда было сорок пять лет, и более-менее серьезные отношения еще были возможны. А со стороны Валерии Ивановны очень даже серьезные. Она с тех пор и по сей день по-настоящему его любила и любит, положение и деньги Павла ее совершенно не интересовали. Не у каждого мужчины есть женщина, которая его любит всегда и вопреки всем обстоятельствам, у Павла была. Сам он к ней хорошо относился, ценил — но и только. И время от времени к ней возвращался, Валерия Ивановна отказать ему была не в силах и терпеливо ждала, когда он ее позовет.

После того как стало понятно, что серьезные отношения с Павлом невозможны, она сама прервала их связь и попробовала выйти замуж. То есть не только попробовала, но и вышла, родила сына. Но сразу после родов поняла, что попытка не удалась. И вскоре восстановилась их периодическая связь с Павлом. Он действительно хорошо к ней относился и даже предлагал из «запасников» перейти в разряд официальной подруги. Валерия Ивановна отказалась.

Прежде объясню, почему единственная женщина из круга Павла проходит под именем и отчеством. Она была учительницей истории в школе, и поэтому окружающие привыкли к тому, что Валерия Ивановна — это единый комплекс. У меня есть знакомый преподаватель, не так давно уже в возрасте он женился на учительнице из той же школы. И она по-прежнему называет его по имени-отчеству. Не смогла переучиться. Кстати сказать, к описываемому времени Валерия Ивановна стала завучем авторитетной школы.

Так почему она отказалась от официального статуса, за который даже временами велась скрытая борьба? Педагог и мать не могла позволить себе статус официальной любовницы бизнесмена, в общественном мнении — содержанки. Она не была ханжой, говорила, что готова жить с ним без брака, но именно жить, а не появляться на раутах, на курортах и в постели. И согласилась оставаться в «запасниках» — любовь зла, — то есть не афишировать их связь, поскольку намерения жить с ней у Павла все эти годы не было. Кажется, сейчас ситуация изменилась.

Ее сыну было лет двенадцать-тринадцать, мать Валерии Ивановны, сверстница Павла, жила с ними, за сыном было кому присмотреть. Словом, они были вполне подходящей парой и неплохо смотрелись вместе.

Павел наконец решился возобновить встречи с ней и сделать попытку — он криво улыбнулся — свить наконец свое гнездышко, как птичка, из подручных реальных средств. Не из лунного света или волшебных грез... Он чертыхнулся — опять занесло.

О своих коварных замыслах решил пока Валерии Ивановне не сообщать, не нагружать излишне себя и ее сознанием ответственности момента. Будем встречаться.

Собрался с духом и отправил СМС днем в субботу: «Перезвони, пожалуйста, когда сможешь». Так у них было принято, у Валерии Ивановны мог быть урок. Новым в послании было слово пожалуйста, новым было и волнение Павла — а вдруг не согласится? Он опять криво улыбнулся: укатали сивку крутые горки.

Волновался не напрасно. Известная история — одно к одному. Пришлось проявить всю находчивость и настойчивость опытного бизнесмена и ходока.

Звонок прозвучал часа через полтора. Не торопилась.

— Добрый день. Какими судьбами? После похорон Софьи Марковны от тебя ни слуху, ни духу.

— Были проблемы.

— Ты куда-то исчезал, говорят. Сейчас, говорят, появился здоровый и загорелый.

— Вот и хочу тебе все рассказать. Ты сегодня вечером свободна? Встретимся за ужином?

— Нет, Паша, не свободна. — В голосе у нее появилась несвойственная этой женщине игривость. — Свидание у меня сегодня. Никак не могу.

Павел помрачнел.

— Если не секрет — с кем? Ты встречаешься?

— Встречаюсь.

Очень плохо. Проще всего гордо попрощаться, но другого варианта в запасе нет. Нужно приложить все усилия; может, в ней говорит обида. Павел постарался, чтобы в голосе звучало огорчение, расстройство.

— Ну что ж, жаль. Я хотел поговорить... — пауза, молчание. — У меня все очень непросто... — снова в ответ молчание... — Я думал, что мы с тобой будем... но если ты встречаешься, тогда...

Наконец Валерия Ивановна не выдержала давления и проявила слабость.

— Начинаю встречаться.

И действительно, это было первое ее свидание с давним претендентом на руку и сердце. Ну и нюх у этого Лукова, откуда он взялся на ее голову!

Дальнейшее было делом техники. Павел намекнул, что была вполне реальная вероятность... да, он мог вообще уже никому никогда не позвонить... и даже сейчас... все под богом ходим... после смерти матери она и Кулик самые близкие ему люди... кто, как не она...

Павел понимал, что разрушая ее первое свидание, берет на себя большую ответственность. Но он никогда не был особенно шепетильным, а сейчас тем более. И если появился у Валерии Ивановны шанс жить с любимым человеком, то никто, — думал Павел, — не может осудить его за то, что этот шанс он ей дает.

Их свидание состоялось. Началось оно — по традиции — с ужина в ресторане, потом переехали в городскую квартиру. Напрасно Павел тревожился — вечер, ночь и следующий выходной день прошли очень хорошо, и гнездо из подручных средств, казалось, вполне может стать реальностью. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Они оба друг к другу хорошо относились, а Валерия Ивановна больше, чем хорошо, недостатки друг друга давно знали, оставалось постараться их не замечать и делать упор на достоинства.

Вечер в ресторане прошел на одном дыхании — Павел рассказывал адаптированную историю болезни и круиза. Довольно правдиво он обрисовал ночные кошмары, после чего Валерия Ивановна и думать забыла о своих обидах и отмененном свидании — всей душой она была с ним там, в тех ужасных снах.

— Почему не позвал? Ну да, ты гордый, самодостаточный... Я бы все бросила...

Ни о какой медицинской сестре речи, естественно, не было, просто он сгустил краски, когда описывал начало приема антидепрессантов в круизе, довел картину почти до признаков шизофрении, потом подчеркнул свою волю и мужество — он отказался от лекарств и взял себя в руки.

— Конечно, и праздничность обстановки сыграла роль, — скромно добавил он.

— И женщины, — в свою очередь дополнила Валерия Ивановна, но ни ревности, ни осуждения не прозвучало. Ради здоровья можно было простить ему целый гарем.

И в квартире было очень хорошо. Павел уже соскучился по интимным радостям и проявил себя с лучшей стороны. Валерия Ивановна просто очень соскучилась по нему, для нее это было главным. Она была немного фригидной — кстати, большое достоинство для немолодого мужчины, меньше претензий, — но очень ласковой; такое сочетание, представьте себе, встречается нередко. Она его целовала, гладила, голова ее постоянно занимала

место в ямочке между его плечом и грудью — это с точки зрения Павла — после того, как страсти затихли, входило в число недостатков. Увы, ахиллесова пята многих мужчин. И она ожидала таких же проявлений нежности от него. В этот вечер он был склонен потакать ее слабостям, а не своему привычному эгоизму, и обоим было очень комфортно. Никаких параллельных ассоциаций ни в прошлом, ни в будущем у Павла не возникало — хороший признак.

И все-таки были сложности. Переход ко сну. Валерия Ивановна была женщиной представительной, не напрасно в свои тридцать семь она уже восемь лет работала завучем школы. Статная, и нужно признать, эта стать немножко с возрастом увеличилась, несмотря на то, что она добросовестно старалась держать себя в форме. Когда Павел начал засыпать и укладываться поудобнее, ему стало казаться, что в кровати ее слишком много. Все время он на нее наткался.

И тут промелькнуло сравнение с Надей, нарушив запрет. Надя ему не мешала, даже наоборот, он ее ночами разыскивал в кровати. Интересно, почему? Ему пришло в голову такое объяснение — протез человек всегда чувствует, а нога... она своя. Свое не мешает... Но тут он себя оборвал — хватит! И добавил: а каково было Наде чувствовать себя его левой ногой? Параллель стала неприятной... и исчезла.

Но засыпать было трудно, он никак не мог найти удобное положение. И тогда Валерия Ивановна — на мой взгляд — совершила большую ошибку.

— Пашенька, ты не можешь уснуть. Давай, милый, я пойду в спальню.

Он бы все-таки уснул при ней, научился бы спать вдвоем не только с... черт, и меня тянет нарушить правила! Но Павел охотно пошел по пути наименьшего сопротивления и согласился.

Воскресенье тоже оказалось насыщенным днем, несмотря на дождливую погоду. Завтракали дома, Валерия Ивановна прекрасно ухаживала за ним, обедали и ужинали в ресторанах, а в промежутке обсуждали планы на будущее, которое оставалось неясным несмотря на такие теплые, почти родственные отношения.

На этот раз Павел разговаривал с ней не сверху вниз, а на равных, и даже радовался этому. Кажется, он меняется. С удовольствием смотрел на нее. Действительно, статная, действительно представительная. Может, все-таки, на его вкус чуть крупноватая. Валерия Ивановна почти не употребляла макияж, ей это было не очень нужно, не тот типаж. Короткая – учительская, называл Павел – прическа, волосы черные, глянцевого, слегка волнистые, черные глаза. Ближе к интересной женщине, чем к симпатичной, надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду. Брови всегда немного нахмурены, что придавало лицу строгий вид – наверно профессиональное, как пакет имени и отчества – Валерия Ивановна. Только Павел называл ее Лерой, даже мама – Валерией. Кстати, она на Леру не всегда реагировала, отвыкла.

Но в действительности она строгой не была, скорее принципиальной, что для реальной жизни – особенно в наши дни – тоже не подарок. Собственно, в этом, как вскоре выяснилось, и заключалась основная сложность.

После завтрака она позвонила домой, предупредила, что вернется позже.

– Завтра, – вставил Павел, она отрицательно покачала головой.

Только окончила разговор, прозвенел звонок. Она посмотрела на определитель телефона. Вдохнула:

– Извини, – и ушла в спальню, стала что-то тихо говорить в трубку. Беседа продолжалась довольно долго. Она вернулась.

– Извини.

Павел, изобразив — или испытав — ревность, сказал:

— Ты лучше со мной встречайся, чем с какими-то...

Она усмехнулась:

— Это не от меня зависит.

Фактически это был прямой вопрос: что ты намерен делать дальше, насколько все на этот раз серьезно.

До обеда выяснили, что ее принципиальная позиция (принципиальная!) не изменилась: ночевать у него — а это, пожалуй, для Павла было главным — она будет только после того, как они официально объявят, что живут вместе. Тогда она разделит его судьбу днем и ночью. Не как официальная любовница, а как гражданская жена.

— Женя уже большой. Я не могу по ночам исчезать. Он мне сам говорит — найди себе мужа, почему ты все одна да одна. Вот Николай Сергеевич, вся школа знает, вздыхает.

— Это он?

— Да, наш математик. Но ты вовремя позвонил, я бы ему только голову морочила.

И она в упор посмотрела Павлу в глаза, взгляд говорил яснее слов: но и ты мне голову не морочь.

— Паша, мне скоро тридцать восемь. В девочки по вызову я уже не гожусь. Если все как раньше... я наберусь мужества, не сомневайся. Еще год-другой, и для нас с тобой уже не будет будущего. С каждым годом расстояние больше. Мы не будем сочетаться. Надеюсь, ты это понимаешь.

В обед объявили передышку, а после Павел объяснял примерно следующее. Время идет, и ему все меньше нужна женщина и все больше нужен друг. И она знает, что последние 15 лет была единственным его другом женского пола. И ему все меньше нужны свидания, пришел — ушел, хочется, чтобы было постоянно. Он признался — конечно, боится, что начнут ругаться, раздражаться. Они никогда подолгу не были вместе. Будет глупо, объявить семью и через неделю сказать, что ошиблись.

Это понимала и она.

Потом они поужинали в другом ресторане, главным было шампанское и икра — Валерия Ивановна много вечером не ела.

А в конце он подвел — на правах старшего — итог:

— Вернемся пока в подполье. Но давай это делать как можно чаще. Чтобы мы не боялись выплыть на поверхность.

— Пашенька, как только смогу. Ты знаешь...

Прошел еще месяц. Теперь бóльшая часть вечеров у него была занята, а раз в две недели по субботам Валерия Ивановна оставалась у него ночевать. Но, увы, нерешенным остался очень важный вопрос. Предстартовое волнение вечером даже после посиделок в компании или после отъезда Валерии Ивановны все равно оставалось. Кроме двух суббот в месяц, когда она у него ночевала. И еще одно — неизвестно по какой причине, но надежды на прочность отношений с Валерией Ивановной, кажется, не оправдывались.

Вендетты

Я не хочу ни вас, ни себя втягивать в подробности бизнеса Павла Лукова, но о продолжении одной неприятности, о которой уже упоминал, вынужден рассказать, потому что она неожиданно оказалась связанной с описываемыми мною событиями.

Речь шла — если вы помните — о конкуренте, который увел у него из-под носа крупный заказ. Заказ был не только крупный, но и перспективный — три перерабатывающих завода в районах области. Это стало бы только началом. Дело и денежное, и перспективное. Павел уже связался с конкретными фермерскими хозяйствами

и объединениями, составили условия... и вдруг в это вмешался его давний конкурент и знакомый, тот самый Виктор Хвалов, о котором шла речь в связи с женитьбой Юрочки Осмоловского.

Луков договорился о заказе с Киевом, Хвалов организовал аналогичную местную инициативу «в помощь правительству». При этом их интересы пересеклись. На открытую конфронтацию Хвалова спровоцировала болезнь Лукова, его очевидная апатия — они хоть и не были друзьями, но входили в одну довольно широкую компанию бизнес-элиты, встречались в тусовках и ресторанах. Хвалов с помощью официальных структур организовал рейд в фермерские хозяйства, связанные договорами с Луковым. Это было нарушением статус-кво.

Я говорил, что Луков тогда махнул рукой на вылазку конкурента — это не совсем так. Он согласился на компромисс, чего не было бы в другом состоянии духа.

Но сейчас выяснилось, что Хвалов отказался от компромисса. Все или ничего! Политическая ситуация была для Лукова невыгодна. Новый кабинет министров был очевидно слабым и временным, а мэрия оставалась неизменной, хотя каждый раз считалось, что новые власти наконец посадят там, кого следует...

Они договорились с Хваловым встретиться в ресторане. Тот пришел в воинственном настроении. Павлу было непонятно, откуда эта взвинченность. Они были конкурентами, но постольку-поскольку, как любой солидный бизнес.

Хвалов был ровесником Лукова, примерно той же весовой финансовой категории. Он был теснее связан с городскими структурами, с мэрией, может быть потому, что в молодые годы побывал в заключении, таких отсидевших срок или избежавших наказания было немало в деловых кругах города. А это сближает.

В какой-то мере они были конкурентами в одной области. Хвалов имел контрольный пакет, словом, был

фактическим хозяином двух частных больничных комплексов, один из них довольно большой под странным названием «Медиван». А Луков занимался диагностическими центрами. Он разделял позицию тех, кто считает, что в современной медицине главное диагностика, обеспеченная сверхсовременными диагностическими аппаратами, которые лучше разберутся в состоянии больного, чем любой, самый опытный врач со стетоскопом. Но связываться с лечением Павел не хотел, это дело более длительное, не дешевое и ответственное, поэтому средства вкладывал в новейшее оборудование. Объективно все-таки конкуренция была, многие больные предпочитали получить диагностику и рекомендации в центре, а потом уже выбирать, где лечиться — цены в «Медиване» были солидные, а медики... медики обычные.

Но это житейская ситуация, до стычек дело не доходило. И вдруг откровенное и неприкрытое озлобление. Луков знал, что люди, прошедшие школу в местах не столь отдаленных, отличаются специфическим самолюбием — у них связь между обидой и вендеттой даже в солидном возрасте сохраняется. Но Луков его вроде бы не задевал.

Встреча состоялась во второй половине октября, я сознательно указываю даты, не хочу, чтобы у вас «распалась связь времен», вы потом поймете, почему это важно.

Ужин продолжительностью в три часа ушел на осторожное прояснение причин неожиданной вражды. Я сэкономлю ваше время и разьясню ситуацию быстрее и полнее. В центре событий оказался Юрочка Осмоловский.

Виктор Хвалов любил и с малых лет баловал свою старшую дочь Машу. Любил и сейчас, когда его последняя — кажется, четвертая — 24-летняя жена собиралась вот-вот родить ему, кажется, пятого... нет шестого ребенка. Все дети — включая будущего и исключая Машу, мужского пола, трое — включая Машу — уже были взрослыми и уехали — исключая Машу — жить за границу. Из этих

«включая-исключая», надеюсь, понятно особое отношение Хвалова к дочери.

Осмоловский был вторым мужем Маши — о любовниках не говорим. Отцу очень хотелось стабилизировать ее жизнь. Юрочке удалось увлечь не молодую женщину, и в их планы — я имею в виду всех участников мероприятия вместе с отцом — входило после свадьбы сделать Юрочку главврачом «Медивана».

И тут Луков его уволил. Даже контрольный пакет акций был не в силах назначить главврачом солидной больницы уволенного из соседней фирмы 33-летнего медика. Врачи и другие владельцы акций дружно воспротивились.

Юрочке нужно было оправдываться, и он находчиво это сделал. Секретарша Григория Ильича — с которой он был накоротке — ему донесла, что главврач рассказал Лукову о скандале с Надей. Юрочка знал, как тот ценит свою старшую сестру, и догадывался, что о нем было сказано. А Маша ему когда-то рассказывала, как ее отец отхватил у Лукова ползаказа. Из этих сведений Юрочка состряпал объяснение для своего тестя.

Вот оно. Сам главный врач, который его, Юрочку ценит, в извинение рассказал об истинной причине увольнения. Луков, узнав, что Юрочка жених Маши, приказал уволить шпиона, чтобы никого из семьи этого беспредельщика в его фирме не было. И добавил — теперь счет один-один. Почему «счет один-один» Юрочка якобы не знал, и этим убедил Хвалова в правдивости объяснения. Беспредельщик было оскорблением, которое требовало мести.

Как я уже сказал, они долго осторожно бродили вокруг темы, не уставая повторять: «Я человек прямой, поэтому скажу, как есть...», и опять уходили в сторону. Переговоры между бизнесменами часто сродни дипломатическому рауту. Наконец Павел почти разобрался в ситуации.

– Витя, твой источник информации – не знаю, кто это – насочинял. Я действительно уволил Осмоловского, но это не было связано с тобой. Я человек прямой, поэтому скажу, как было. Там была склока в отделении, кто-то должен был уйти. – Павел не хотел подставлять Юрочку, поэтому добавил: – Я даже не стал разбираться, в чем дело. Тем более, он тогда еще не был твоим сан-ин-ло.

– Кем, кем?

– Зятем по-английски. Витя, как мы можем выбраться из этого – я человек прямой – говна?

– Вот это уже по-русски. Только один вариант. Ты его забираешь в фирму на полгода и даешь повышение – ошибка вышла. А после полугода я его забираю к себе...

– Как я понял, главврачом?

– Это моя проблема.

Павел задумался. Как вы уже знаете, обижать Надю в его планы не входило.

– А не в «Ренессанс», в другое отделение?

– Нет, Павел, только туда. Это должно выглядеть как ошибка и извинение.

– Ошибки мало, нужно еще извинение? Даже для твоего зятя это слишком. А иначе вендетта? – Павел улыбнулся, он верно разобрался в психологии Хвалова.

– Я человек простой, и говорю просто. Давай пока это будем считать просьбой. Но тоже скажу красиво – нам нужна одна победа, и мы за ценой не постоим. Я даже тебе готов вернуть твой госзаказ.

Павел не любил серьезные дела решать необдуманно. Это дело было серьезным, связи у Хвалова в местной прокуратуре солидные, на высоком уровне, неприятности доставить может. Ради амбиций он никаких денег не пожалеет. Вот не было печали... А его уступка в госзаказе тоже мало значит. Этот заказ превращается в пустышку. Фермеры сейчас, когда всерьез собираются принять закон о продаже земли, ни на какие соглашения не пойдут. Они

сворачивают дела, замерли в ожидании, сами не знают, на каком они свете.

— Витя, дай мне пару недель, я все обдумую. Тут есть мои личные интересы, о которых ты не знаешь. Две недели — и мы все решим.

«Мы за ценой не постоим». Это была совершенно реальная угроза, потому что Хвалов действительно беспредельщик, который вынужден сдерживаться в интересах дела. Он относится к тому типу людей, которые, дав себе волю, уже не могут остановиться. А когда включаются обиды, тогда честь — в его понимании — требует мести... Это не простая угроза, не бахвальство.

Нужно признать, Павел выгнал Осмоловского не из-за плохой работы и даже не из-за аморального поведения, а в своих интересах, чтобы Надя с ним поехала в круиз. Но это не означало, что он чувствовал себя виновным. Фирма его, и он вправе брать и выгонять любого в своих интересах как экономических, так и личных. А в результате — вендетта...

Но вендетта во все времена отличалась тем, что положительного выхода из нее нет. Если Павел согласится на ультиматум, то признает, что уступил шантажу, пострадает его имидж крепкого и несгибаемого бизнесмена. И Осмоловскому без пользы, все поймут, что это сделал фазер-ин-ло, его тесть, а он просто пешка. И Надя тогда уволится — этого определенно ему не хотелось. Но если он не уступит, то Хвалов не успокоится, и контрмеры могут быть как минимум не толерантными. Могут начаться разборки на всех уровнях, в том числе и нелегальных. Ввязываться в разборки Павлу не хотелось. Только этого не хватало.

И вдруг он позволил себе отвлечься, заулыбался. Интересная ситуация — Надежда Михайловна не только не уходит из воспоминаний, как было бы естественно,

но еще и внешние обстоятельства подогревают к ней интерес. Какой-то заговор, станешь тут сторонником конспирологии. Теперь он волей-неволей будет как минимум две недели помнить о ней и решать ее судьбу в параллель со своей, Хвалова и Осмоловского.

Но оказалось, что это только начало, и внешние обстоятельства вскоре напомнили о Наде с новой, совершенно неожиданной стороны. Произошло это через несколько дней после свидания с Хваловым, так что Павел не успел прийти ни к какому решению по поводу Осмоловского.

Было воскресенье, одно из тех, когда Валерия Ивановна у Павла не оставалась ночевать. В этот день к нему домой утром приехал Леня Кулик. Он по традиции – не помню, говорил я это или не говорил – по воскресеньям довольно часто приезжал к другу, просто сейчас уступал преимущество Валерии Ивановне, связь Павла с которой как друг и как врач поддерживал. Обычно они – если не было дождя – отправлялись на прогулку к морю. Потом кафе, там же, над пляжем, философские разговоры.

Погода была хорошая, и они спустились к берегу. Темп ходьбы был не спортивный, прогулочно-разговорный. Но Кулик сегодня был непривычно задумчив и серьезен. Он понимал, что новые сведения должен передать Павлу, хотя разговор будет неприятен для обоих. И вообще ситуация странная... какая-то неловкая. В их возрасте и положении...

– Леня, да что с тобой? Ты решаешь государственные проблемы?

– Решаю, но не государственные. Ладно, слушай, я должен тебе рассказать. – Он невольно замедлил шаги, то же сделали Павел. – На днях я пришел на работу, иду по коридору, с кем-то заговорил, остановился. Смотрю – чуть подальше вроде твоя медсестра Надя сидит у какого-то кабинета. Ну сидит к врачу, дело обычное... Но я краем глаза увидел, что она заметила меня, спряталась за соседку,

газету к лицу поднесла. Ты же знаешь, я психолог не из последних. Прошел мимо. Она газету чуть ли не на голову надела. Ну я и сделал вид, что не узнал. Если бы она не пряталась, я бы и внимания не обратил. А сидела она у гинеколога, Раечки, которая занимается абортами. Словом, не удержался и после приема я к Раечке зашел.

Павел остановился. Он побледнел.

— Вот и я говорю! — Кулик тоже остановился. — Надю она помнит. Хорошая девочка. И аборт прошел нормально, без последствий.

Павел вздохнул, но легче ему не стало.

— Раечка сказала, — тут Кулик дал волю своему отношению к ситуации и продолжал говорить зло, резко, — что она, как положено, спросила, знает ли об этом отец ребенка. Может, этот человек, — слово «человек» он подчеркнул, — может, человек что-то предложит. И знаешь, что сказала, по словам Раечки, эта девочка? «Это не человек», — вот что она ответила. И на ее лице, сказала Раечка, было такое выражение, что больше на эту тему они не говорили.

Павел молча выслушал, не двигался. На лице появились красные пятна, как будто Кулик словами хлестал его по щекам.

А я по привычке подумал — Кулик случайно увидел Надю в поликлинике? Это случайность? Но если библия права и «нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и ничего не бывает потаенного, что не вышло наружу», то выходит скорее закономерность.

Кулик продолжал и даже не пытался скрывать негодование.

— Один наполовину седой, другой наполовину лысый и оба пенсионного возраста, о чем мы говорим? О девочке. Которой нет двадцати.

— Есть, просто она молодо выглядит, и мы уже не различаем, на таком расстоянии, — выдавил из себя Павел.

— Вот именно, что расстояние. Я уверен, Надя не из тех современных девиц, для которых все можно. В людях и в их психологии я разбираюсь, это моя работа. Как тебе удалось ее заставить? Воспользовался свои богатым опытом... — он подбирал подходящее слово, нашел: — Опытном волокиты? А знаешь, — и Кулик проявил истинную интуицию психолога, — ты воспользовался ее жалостью к больному! Вот как было!

После этих слов Павел сник окончательно, ничего похожего на самодостаточность ни в выражении лица, ни в фигуре не осталось. Таким растерянным Кулик его ни разу не видел. Брови подняты, глаза удивленные, губы, всегда твердо поджатые, сейчас в какой-то блуждающей виноватой полуулыбке. Он пытался пожать плечами — так они и застыли на полдороги. Это было настолько не похоже на всегда самоуверенного и — как мы говорили — самодовольного Лукова, что его старый друг невольно смягчился.

— Вижу, что попал в точку. Но болезнь не оправдание. Когда человеку плохо, он должен наконец научиться понимать других. — Он опять стал накаляться. — А ты и в депрессии в своем репертуаре.

Павел все-таки попытался возразить:

— Я, по-моему, гадости людям не делаю.

— Откуда ты знаешь, делаешь или не делаешь? Ты их просто не видишь, людей. Тебе не до них. И уж... не сейчас тебе об этом говорить. Не хочу накаркать, но ты не боишься возмездия за все это?

— Пошли выпьем, — и Павел повернул к ближайшему кафе.

Кулик безропотно пошел следом. На улице было холодно, зашли в помещение. Там был народ, разговаривать — особенно на интересующую их тему — было невозможно. Они молча выпили по пятьдесят коньяка, закусили салатом и шашлыком. Потом еще по пятьдесят.

Павел в основном думал не о своей вине — что не очень меня удивляет, — а о ребенке. Его ребенке. Такие мысли уже много лет не приходили ему в голову. Случалось, что техника безопасности в подобных ситуациях была не на высоте, но никто от него не беременел. И постепенно Павел даже пришел к мысли, что, может быть, он не способен к воспроизводству. Но особого огорчения не испытывал, так как подходящая мать на его пути не встретилась, а с годами и вопрос отпал. Пример Хвалова его не вдохновлял, покупка юного тела по недорогой цене не прельщала. Но сейчас, когда вполне реальным было появление на свет божий нового Лукова или новой Луковой это стало не абстракцией, а возможным продолжением. Интересно, продолжением чего? Интерес к жизни? Во всяком случае размышления о таком варианте стали почти конкретными. Если бы он узнал о ребенке до того, как Надя пошла к Раечке, как бы он поступил? Может быть, тогда появился бы смысл ближайших лет эдак двадцать дожидаться, пока новый он или новая она станет взрослым человеком? И наверно, не просто дожидаться, а и участвовать в этом процессе...

Да, это правда, до сих пор подходящая мать ему не встретилась. А почему он сейчас думает о ребенке и не слишком озабочен размышлениями о его матери? Потому что мать действительно не такой важный вопрос, как ему все годы казалось, или потому что с Надей в качестве матери он бы примирился? А может, уже смирился?

И вдруг ему неудержимо захотелось увидеть Надежду Спасову, внешность которой с трудом вспоминал. Так захотелось, что он даже не попытался убедить себя, что это не нужно и бесполезно. Почувствовал — никакие доводы не помогут. Павел потихоньку приходил в себя, и растерянность проходила. Правда, на ее место никаких реальных планов, кроме желания увидеть Надю, не появлялось. Пришлось планы отложить на потом.

Когда они вышли, Павел сказал:

– Жаль, Леня, сегодня веселья не получилось. Поговорим в другой раз, извини.

И они разошлись, Павел пошел домой, а Кулик на трамвайную остановку. На автобусную было ближе, но на трамвае он, как пенсионер, ехал бесплатно.

Обычно Павел приходил на работу к десяти часам утра, это была его привилегия. Зарядка, прогулка вдоль берега требовали времени, а вставать чуть свет он не любил. Но утром в понедельник, после прогулки с Куликом, с трудом дождался девяти часов. В пять минут десятого позвонил Григорию Ильичу и попросил сделать ему «эхо сердца» – направление Кулика, которым он не воспользовался, пригодилось.

– С удовольствием. С двенадцати начинается прием, и в любое время...

– С двенадцати... Гм. Буду к двенадцати.

Он поехал на работу, вполуха слушал, что ему говорили, нетерпеливо поглядывая на часы. Такого темперамента он от себя не ожидал. Приехал к «Резонансу» немного раньше двенадцати, посидел в машине.

Он волновался, очень волновался, хотя причину этого ажиотажа объяснить себе толком не мог. Что он рассчитывает увидеть, что надеется понять?

Когда вошел, то сразу увидел Надю, она стояла недалеко от входа возле бордюра, за которым сидели сестры, принимающие клиентов. Знакомый профиль, фигура, манера держаться. Оказалось, неправда, что он забыл, как она выглядит. Он помнил ее всю, с головы и до кончиков пальцев на ногах. Она была таким близким, родным человеком, но... только с одной стороны, только для него.

«На старости лет», – попытался он охладить свой пыл. Его заметили сестры, наконец Надя повернулась к нему и... отреагировала. Павел понял, что увидела на ее лице

Раечка, когда спросила об отце ребенка. Он успел подумать, что если бы у Нади были хоть какие-то шансы на вендетту, то ему бы пришлось несладко. Но все это продолжалось долю секунды. Надя вежливо улыбнулась, черты лица разгладились, и совершенно спокойно она подошла к нему.

— Добрый день, Павел Андреич. Вы к Григорию Ильичу? Он у себя.

Вот теперь Павел наконец по-настоящему почувствовал себя виноватым, понял, сколько несчастий он сумел ей принести. Может быть, поэтому стоило увидеть ее. Осознание эгоизма, своей черствости тоже неприятно. Как она говорила? «Без слабостей человек не человек». Достается бедной девочке последнее время. Он внимательно посмотрел на нее — есть ли следы пережитого? Есть, конечно, есть, бесследно такое пройти не могло. Она не то чтобы стала старше, нет, все те же для него двадцать, но... повзрослела, в глазах появился... опыт. И немного похудела, это ей не шло.

— Павел Андреевич?

— Да, здравствуйте, Надежда Михайловна. Да, я к Григорию Ильичу.

— Люся, проводи Павла Андреича.

— Хорошо, — с готовностью отозвалась Люся, и он почувствовал, что готовность эта больше относится к Наде, чем к хозяину фирмы. Авторитет у старшей сестры определенно был.

По дороге к главврачу Павел внушал себе, что пора прекращать внутреннюю мелодраму и следить, чтобы она не прорвалась наружу. С такими чувствами он опоздал лет как минимум на двадцать-тридцать, а то и на все сорок. Кажется, внушил.

Ему сделали исследование, потом Павел вернулся в кабинет к главврачу.

— Павел Андреевич, подождем, заключение будет минут через двадцать. — И Григорий Ильич уже без всякой

преамбулы вынул — на этот раз прямо из тумбочки — бутылку коньяка, бутылку минеральной, рюмки и вместо бутербродов с икрой орешки. Павел решил, что его авторитет стал падать. На всякий случай он опять — как в тот раз — сказал:

— Вот чем вы питаетесь? — хотя бутылка была, вероятно, та же, и отпито совсем немного, наверно их работа в прошлый раз.

— Это в благодарность за то, что моя старшая сестра вернулась, — Григорий Ильич наполнил рюмки. Он интеллигентно не стал упоминать об увольнении Осмоловского.

— Сестра такой хороший работник?

— Отличный. Мой главный менеджер. Она недавно немного приболела, так я за эти несколько дней с ног сбился. Все связи на ней.

«Приболела», — Павел воспринял это как упрек в свой адрес и, вздохнув, выпил коньяк.

Они немного поговорили о делах. Павел рассказал, что директор центров Полянский, начальник Григория Ильича, собирается увольняться. Возраст, тяжело тянуть этот воз. И не все ладится.

— Мы в «Резонансе» вроде бы идем с плюсом...

Павел его успокоил.

— У вас все хорошо. Вот будет нормальное заключение, тогда полный порядок.

Заключение было сносное. Надю на выходе Павел не увидел. Поехал домой и стал обдумывать новые обстоятельства, в которых неожиданно оказался.

Расположился он в своем кабинете, который был в коридоре на втором этаже, напротив его спальни. В кабинете имелось все, что необходимо для любых собеседований и встреч.

Как и положено по древнему славянскому обычаю в сложных обстоятельствах Павел решил применить надежное средство — спиртное, оно, как известно, помогает

найти истину. Только он модернизировал проверенный способ, заменив водку «Чивасом». Сам сделал бутерброды с красной икрой. И спустя несколько минут он уже был готов трезво взглянуть на то, что еще вчера казалось совершенно невозможным. Он не влюбился, он по-настоящему и как минимум надолго полюбил. А может, уже и навсегда. Оказалось, у Нади есть грозное оружие, и она ему фактически объявила вендетту, по сравнению с которой все угрозы Хвалова детские игрушки.

Павел не был романтиком, тем более лириком, тем более экзальтированным человеком. Серьезный, здравый, рассудительный, даже расчетливый. Он привык считаться с объективной реальностью, не выдавать желаемое за действительное. И понимал, что есть вещи, которые не зависят от человека, с ними нужно считаться и как-то к ним приспособливаться. Он на недавнем опыте депрессии прочувствовал, что психика человека такая же объективная реальность, как... погода... иногда как землетрясение, управлять ею по своему желанию далеко не всегда удается. Теперь он внес в этот список объективной реальности и любовь. Это слово было в его словаре, но употреблялось по отношению к женщинам только в сочетании со словом «заниматься». Сейчас оно появилось без всяких приложений с явным опозданием, но тем не менее стало совершенно реальным. Он давно уже чувствовал этот недуг, с того дня, когда расстался с Надей в аэропорту, а может, еще раньше. Вирус, скорей всего, подхватил при первой встрече еще в кабинете у Григория Ильича, а почему иначе преуспевающий солидный бизнесмен ждал ее на улице в машине? Потом был инкубационный период, два с половиной месяца, достаточно, чтобы убедиться в серьезности ситуации. Надя не уходила из памяти, она растворилась в подсознании, в крови, в сердце. Даже внешние обстоятельства сговорились напоминать о ней, это не была теория конспирации, а обычная банальная

любовь. Не случайно попытка построить будущее с Валерией Ивановной увядала и рассыпалась на глазах.

Павел подошел к бару, взял бутылку минеральной. Увидел себя в зеркале бара — до чего же все его размышления не вяжутся с солидным, очень даже немолодым, полуседым человеком. Он вернулся к столу, добавил «Чиваса» и попытался подвести итог. Итог прозвучал — я бы сказал — даже апокалиптически. Никакая женщина ему не нужна, только Надя, а это совершенно невозможно. Для нее — она сказала и ему, и Раечке — он не человек. И вспомнил выражение ее лица при встрече в «Резонансе»...

Ему нравилось где-то услышанное выражение: «Чтобы придать смысл этой жизни, нужно иметь цель. Для меня цель — любимая женщина». Для него сейчас — выходит — нет цели, а значит и смысла жизни... Павел почувствовал, что вся сцена выглядит слишком душеспипательной и вот-вот может закончиться пьяной «скупой мужской слезой». Может, лучше поискать выход?

Но выхода не видно. Даже если бы он мог ее купить — во что совершенно не верится, — то это бы приносило только мучения. Он не сможет, как Хвалов, наслаждаться купленным, при таком отношении к Наде, сознавать, что его не любят, в лучшем случае терпят... Б-р-р-р... тут и до Отелло рукой подать...

Но многие — и он сам в том числе — считают, что у него есть способности, даже талант добиваться поставленной цели, какой бы казалось недостижимой она ни была. А если эта цель является смыслом его жизни, то почему тогда... Стоп, конкретно, какая именно цель? Он, не колеблясь, ее назвал — чтобы Надя его полюбила! Других вариантов нет! Так почему не попытаться совершить невозможное? Вывернуть себя наизнанку, если понадобится — стать другим человеком, таким, которого она могла бы полюбить...

Павел почувствовал, что «Чивас» свою роль сыграл. Он позволил признаться себе в реальности чувства, которое трезвое самолюбие отказывалось даже пускать на порог. А чтобы найти выход — выход должен быть! — нужно прежде всего проспаться.

Он выпил еще почти полстакана, с трудом поднялся с кресла, и шатаясь вышел из кабинета. Краем глаза увидел, как проشمыгнула Зина, зашел в спальню — к черту душ! — выключил телефон, разделся, чуть не свалился, снимая штаны, лег в кровать и, не донеся голову до подушки, крепко уснул.

Новая реальность

Проснулся Павел только утром, трезвым и деловым человеком, с ясной головой, хотя в висках немного побаливало. Он прекрасно помнил, что с ним вчера произошло, о чем во время выяснения истины с «Чивасом» он думал и к какому выводу пришел. И прежде всего спросил себя, не изменились ли его намерения в трезвом виде, хочет ли он по-прежнему, чтобы Надя... При мысли о ней у Павла перехватило дыхание, других доказательств серьезности принятого решения не потребовалось. Оно не изменилось.

Зарядку делать не стал, Леня Кулик не рекомендовал после основательной выпивки нагружать сердце, а вот на берег моря вышел — основные и самые важные идеи он обычно продумывал на утренней прогулке. Поэтому ходил один, старался избегать компании знакомых.

Он начал размышления с того места, на котором оставился вчера. Раз достижение самой нереальной цели, какую можно было себе вообразить, стало важнейшей стратегической задачей на будущее, значит он должен

проявить весь накопленный им жизненный и деловой опыт, то, что он знает и умеет. Нужно все серьезно и добросовестно обдумать. Сейчас подробный план намечать еще рано, но стратегическое направление нужно выбрать.

Вот это направление. Не соблазн, не покупка — на нее это окажет обратное действие. Он должен стать таким человеком, которого Надя может... сначала зауважать... а потом и... полюбить. План должен быть смелым и даже наглым, иначе и затевать не стоит. Сможет ли циничный бизнесмен Луков — Павел должен быть откровенным с собой — стать таким? Трудно, полностью не получится. А притворяться — скорей всего — не поможет. Поэтому он должен следовать системе Станиславского, вжиться в новый образ и действительно попытаться стать таким человеком... приложить все усилия.

Но с другой стороны, не всегда удастся поступать открыто и благородно — как бизнесмен он знал, что в таком случае ни в каком деле, даже в любви, успеха не добьешься. Открыто и благородно было бы сказать ей: я тебя люблю, полюби меня и раздели мою судьбу. И что бы было? Огромный кабак, разбитый о его глупую голову. Нет, без маневров и хитростей, и подготовки не обойдешься. А в то же время нужно быть искренним и хорошим человеком. Ложь и фальшь скрыть не удастся. Как сочетать?

Теперь о Наде. Жаль, что он так мало с ней общался в кризисе, можно было многое узнать и понять. Хотя в главном (он думает) разобрался. И вообще нужно каким-то образом восстановить связь между ними. Как? Это очень сложная задача, и как к ней приступить он пока не знает. Будет думать. Ну не подставлять же соглядатаев, ставить жучки — это не детектив. Будет думать...

Нужно и в себе как следует разобраться. А вдруг этоनावждение пройдет так же внезапно, как и появилось? Хотя оно появилось не внезапно, а исподволь, это совершенно

разные вещи. Наваждение зрело в нем. Павел знал людей, которые страстно влюблялись и так же быстро остывали, потом с той же страстью начинали новый цикл. Но он другой тип — Павел это сознавал — он человек стабильный и не склонен к неожиданным бурным проявлениям чувств. В прошлом он не помнит ничего даже отдаленно похожего на то, что с ним сейчас происходит. Как он теперь любил говорить — в обозримом прошлом. И все-таки... все-таки нужно и себя проверить, нельзя ничем не пренебрегать, он даст себе время на проверку до конца недели.

Павел, несмотря на седины, ступил на незнакомую территорию. С кем посоветоваться? В первую очередь с Ленией, тот уже достаточно информирован, знает самое главное — об аборте, теперь удивить его будет трудно. Павел ухмыльнулся — и все-таки удастся, такого поворота он, безусловно, не ожидает. Интересно, когда Кулик узнает, что его угрозы о грядущей расплате за бездушные стали реальностью, то позлорадствует или посочувствует другу? Наверно и то и другое, но обязательно подчеркнет свою прозорливость: «Я психолог, и не из худших». Павел не слишком верил в психоанализ, но Кулик был неглупым человеком, он может рассказать о своих впечатлениях о Наде, информация «психолога не из худших» пригодится.

И конечно, Лёня будет советовать — это он любит — как стать хорошим человеком, внимательным к людям, вежливым, не притворно, а искренне вежливым. Павлу теперь эти благие пожелания остается превратить в действительность. Когда-то он был уверен, что, если будет необходимость, то найдет в себе силы измениться. «Хотите — буду безукоризненно нежный, не мужчина, а облако в штанах», — помните, он цитировал Маяковского? Сейчас нужно переходить от слов к делу, а это всегда непросто.

А может, им, психологам, что-нибудь известно о происхождении любви и способах лечения от этого недуга? Хотя — странно — он уже не уверен, что ему хочется

выздороветь. Лучше самая нереальная цель, чем вообще никакой — это он сам придумал или где-то услышал?

Дистанция прогулки заканчивалась, пора сделать предварительные выводы. Итак, две вещи, с которых нужно начинать.

Первая: проверка до выходных стабильности своей любви к Наде — кстати, нужно наконец научиться хотя бы мысленно без напряжения произносить это слово — «любовь». В проверку нужно обязательно включить субботнюю встречу с Валерией Ивановной, это серьезный маркер.

Второе: откровенный разговор с Куликом.

Но все это только сбор информации. А началом, после которого отступление будет невозможно, станет встреча с Хваловым. Павел не может взять Осмоловского не только на старое место, но и на любое другое; порядочный человек, которым он собирался стать, не может помогать подонку, который выгнал на улицу бедную девушку, которую он любит. Любит... и при этом у него опять перехватило дыхание. Он заметил, что при мыслях о Наде это происходит довольно регулярно. Просто вчера он открыл шлюзы, и чувство его затопило.

Хм... Эта фраза ему удалась, но даже система Станиславского не могла убедить его всерьез воспринять нечто подобное. А придется, придется...

И все-таки — если вы обратили внимание — метод подготовки оставался сугубо деловым и практичным. Бизнес-план. Пока романтика была маскарадом. Это по-прежнему был Павел Луков, практичный и успешный бизнесмен, просто попавшей в новые, необычные для себя обстоятельства. Но лиха беда начало.

Проверка своих чувств оказалась самым простым делом из всех намеченных Павлом. Диагноз подтвердился — это была любовь, то есть чувство, которое не зависит от желаний пострадавшего. Она либо есть, либо ее нет.

У Павла все признаки любви — он все-таки читал литературу — были налицо. Просыпался и засыпал с мыслями о Наде, днем она следовала за ним на работу, вечером в тусовки. Даже появился рецидив того, от чего, казалось, уже избавился после возвращения — он снова ночью, не просыпаясь, искал ее в постели. Такая неожиданная экзальтация (другого определения не подберешь) настолько не соответствовала его возрасту и характеру, что Павел готов был согласиться с Куликом и признать все эти крайности наказанием, расплатой за свою многолетнюю бесчувственность.

Павел понимал, что решение, которое он принял, практически невыполнимо, то есть с точки зрения нормального человека, тем более бизнесмена, все это глупая, безнадежная авантюра. Здравому смыслу, которым он так гордился, в этом ни на грош, то есть он скорее всего будет впустую тратить силы и жертвовать тем, чего добился за годы трудов. Но удивительно — Павел чувствовал, что его жизненный тонус не только вернулся к прежнему уровню, но даже вырос. Никаких вечерних стартовых волнений, здоровый сон, мысли о депрессии растаяли без следа. И снова возник угасающий прежде интерес к работе. Этому интересу последнее время мешал вопрос — для чего и для кого умножать и сохранять? Пока ответ не появился, но сам вопрос стал неактуален, его временно отложили до выяснения.

Он понял, что в предыдущие годы хорошо разбирался в реальной жизни, там он был хозяином. Хозяином во всех смыслах. Но оказалось, что есть другая жизнь, эмоциональная, она только частично связана с реальной. И в этой эмоциональной жизни много такого, чему практического, тем более денежного эквивалента не существует. И там цели, которые себе ставит человек, могут быть такими же фантастическими, как, например, «гнездо из лунного света или волшебных грез...». Он старался

не иронизировать и не надсмехаться над попытками изменить свое восприятие реального мира, но... не всегда это удавалось. Подкорку изменить совсем не просто. И все-таки он надеялся, что система Станиславского постепенно принесет свои плоды.

Не все ответы были однозначными. Свидание с Валерией Ивановной он считал серьезным маркером. Свидание состоялось дважды, но маркера из него не получилось.

Первая встреча была посреди недели в ресторане за ужином. Павел уже определенно знал, что гнездо вить с ней не будет, как женщина она его не волновала. Но она была хорошим другом, каких у него оставалось немного. Она и Кулик действительно были близкими ему людьми. Он с удовольствием с ней встретился, поговорил на отвлеченные темы, умело растянул ужин до того времени, когда ей уже нужно было домой — к себе взять определенно не хотелось. Но и для Валерии Ивановны секс тоже не был делом первой необходимости, поэтому они разошлись вполне довольные друг другом.

А в субботу по расписанию она приехала к нему с ночевкой. Он с удовольствием встретил ее и... доставил себе и ей удовольствие. Все было довольно неплохо, спать Валерия Ивановна пошла в другую спальню. Утром, после завтрака Павел сказал, что у него важное дело на работе. Подвез ее домой.

Валерия Ивановна уже тоже чувствовала, что серьезных отношений — кроме дружеских — не будет. Но в конце концов встречаются не только для того, чтобы выйти замуж или жениться, а потому что людям хорошо. Зачем что-то выяснять, разрушать? Придет время, все само собой закончится. А претендент на ее руку и сердце никуда не денется, подождет. Примерно так.

Павел не считал это изменой, никаких отношений у них с Надей пока нет. Неприязнь с ее стороны и любовь с его — это еще не отношения. Но почему-то не

сомневался — если бы отношения были, он бы так не поступил. Может, таковы мужчины? А может, таков Павел? А может, таковы люди? Просто сообщаю факт. Решайте сами.

Но считать ли это каким-то маркером в отношении чувств Павла? Не уверен.

У Павла в самом деле в воскресенье была важная встреча, но не на работе и не по работе. Вечером он договорился поужинать в ресторане с Куликом. Помните, это входило в его планы на первую неделю. В понедельник он договорился встретиться с Хваловым (заканчивался срок на обдумывание ультиматума), и — вероятней всего — начнется активная фаза большой операции, которую он называл «Операция Надежды». Согласитесь, романтическое название, он определенно делает успехи. А почему связывает конфликт с Надей, тоже понятно — прежний сугубо практичный бизнесмен Луков, не задумываясь, пристроил бы Осмоловского куда-нибудь во избежание лишних — и наверняка довольно серьезных — осложнений. Но сейчас... Вы помните, какую литературу он любил, и с кислой улыбкой признавал, что в лучших традициях рыцарских романов ищет неприятности на свою голову ради служения даме сердца, которая об этом не подозревает. Но взялся за гуж...

Перед встречей с Хваловым обязательно нужно было поговорить с Куликом. Это генеральная репетиция. Нужно откровенно рассказать ему, что он собирается делать, объяснить причины и не только получить его ответы и советы, а и самому услышать свой рассказ. Известно, что когда пытаешься убедить в чем-то собеседника, то и самому становится многое ясно. Разговор должен быть долгим и откровенным. Павел выбрал дорогой ресторан «Дача», потому что там были отдельные столики в кустах — никто не помешает Лене выходить из себя, что неизбежно;

вы уже знаете, что психолог далеко не всегда мог сдерживать свои эмоции, а на сей раз Павел приготовил ему достаточно поводов для этого. Само собой, встреча была условлена заранее.

Стол был хороший, я не буду описывать, поверьте мне на слово. Это заметил и Кулик, который до сих пор испытывал крайне неприятное послевкусие от неприличной — мягко сказано — истории с абортom Нади. Его первой мыслью было, что таким способом Павел хочет снять напряжение между ними. Но нет, судя по паюсной икре и бутылке французского коньяка, дело более серьезное. Вы, наверно, уже заметили, что наш психолог любил демонстрировать проницательность а-ля Шерлок Холмс, но основываясь не на дедукции, а на психологии и вазомоторных реакциях. И на этот раз он не без апломба предположил:

— Бьюсь об заклад, ты решил официально сойтись с Валерией и начать наконец нормальную жизнь нормального человека. Лучше позже, чем никогда. Теперь, надеюсь, твои похождения, — он брезгливо поморщился, — останутся в прошлом.

Трудно было придумать более неудачное начало. Павел молча разлил коньяк, чокнулись, выпили и стали закусывать бутербродами. Молчание затянулось.

— Я правильно понял? — в голосе Кулика прозвучало сомнение.

И Павел решил не тянуть.

— Понял с точностью до наоборот. Я решил приложить все силы, чтобы вернуться к своим похождениям и остаться там. Короче, Леня, я понял, что моя рука и сердце принадлежат Наде. И я постараюсь, чтобы она мне ответила тем же.

— Бред! Бред! Собачий бред!

Вот теперь тема разговора стала в принципе понятна, позиции ясны, и можно было приступать к обсуждению частностей.

Конечно, удивить Кулика удалось, в этом Павел не ошибся, но возражения и возмущение основывались не на неестественности такого союза — дедушка и внучка, — даже не на том, что ему никогда не удастся охмурить или купить Надю. Прежде всего давний друг и опытный психолог — не из худших — категорически отказался верить в любовь Павла. Категорически.

— В лучшем случае ты обманываешь себя, но я и в это не верю. Ты врешь и себе и мне, и думаю, врешь сознательно. Это просто привычное стремление захватить все, что возможно. Человек тебя раскусил и отбросил, как... — Кулик с трудом удержался от сравнения, — вот твоя гордыня ищет способы доказать свое. Ты не помнишь и половины своих подруг, какая к черту у тебя может быть любовь?! Алчность, алчность во всех возможных ее проявлениях. И еще одна жертва — Валерия, прекрасная женщина и любит тебя. Использовал! Опять использовал!

Пиетет по отношению к успешному другу у него был. Но не сегодня! Сегодня Кулик был возмущен сверх меры.

Он вставал, уходил, потом какая-нибудь мысль — обычно гневная — останавливала его, он возвращался и бросал еще одно обвинение. В принципе Леня мог уйти и не вернуться — за ужин. как обычно, платил Павел.

Сейчас доказывать искренность своих чувств было бесполезно. Павел не имел образования психолога, зато имел большой опыт убеждения сторонников и противников. И прежде всего он после каждого демонстративного ухода Кулика доливал коньяк в его рюмку, тот после возвращения возмущенно отпивал немного, автоматически откусывал кусочек бутерброда и... постепенно стал уставать от бурного проявления чувств и потихоньку утихомиривался. И тогда Павел изменил тактику.

— Ну хорошо. Леня, давай оставим меня в покое, поговорим не обо мне. Ты доктор, кандидат наук. То есть ученый. То есть теория и практика в одном лице. Вот ты

мне скажи. В жизни — не в литературе, а в жизни — действительно бывает такое? Встречаешь женщину, человек как человек, не лучше и не хуже других, и вдруг тебя не просто начинает к ней тянуть, это было бы полбеды, ты понимаешь, что для тебя она одна такая в мире. И в жизни. И ни с кем, кроме нее, тебе не будет так хорошо, как с ней, ни в прошлом, ни в будущем. Возраст, рост, цвет, национальность — не имеют значения. На ней одной свет клином сошелся! А главный мой вопрос вот в чем. Может ли случиться, что это не временное затмение, это не пройдет? И если ты ее теряешь, то жизнь твоя... ну, уже не та, которая могла бы быть. Что говорит наука и практика?

Конечно, Павел говорил искренне, то, что чувствовал, но в то же время в его монологе было много намеков и аналогий с любовным романом, который пережил Кулик в молодости, главным романом его жизни. Это была ловушка, в которую тот — тем более под смягчающим влиянием французского коньяка — не мог не попасться. И действительно, он перестал вскакивать и размахивать руками, злобно тарашиться на противника, удобнее уселся на стуле, в глазах появилась мечтательность.

— Конечно, настоящая любовь есть, не каждому дано, но она есть, — он ненадолго опять вспыхнул, — конечно, не для таких людей... как некоторые мои друзья.

Павел не дал ему отклониться от темы.

— И как у сапера — не узнал, пропустил — и жизнь пошла наперекосяк?

Кулик не ответил, по глазам было видно — он погрузился в воспоминания.

Романтическая история была его другу хорошо известна, все произошло как говорится, на его глазах. Ромео было тогда двадцать пять лет, он только начал работать в поликлинике, одной из его первых пациенток была Джульетта, она же Рита. Рита была на три года старше. Он

был худой и высокий, она маленькая и полная. Еврейка. Видите, намеков на ситуацию было более чем достаточно.

Это безусловно была настоящая любовь, они буквально светились от счастья. Но наступил конец перестройки, отец Риты, классический проектировочный инженер, потерял работу, приспособиться к новым порядкам не мог, и семья решила эмигрировать в Израиль. Это была настоящая трагедия. Рита остаться не решалась, семья была ее кланом.

Кулик ездил к ним в гости, говорили о женитьбе, что давало право на эмиграцию. Специальность у него была, врачи с голоду в той стране не умирали. Но для консервативно воспитанного Кулика его консервативная семья тоже была на первом месте. Израиль показался... очень непривычным, и к Одессе он прирос всеми фибрами.

Словом, они не решились. Долго переживали, он женился в тридцать, она вышла замуж еще позже.

Павел прервал молчание.

— Я что бы на твоём месте, как врач, вместо того чтобы ругаться, как сапожник, сказал, что в жизни все проходит. И на себя бы сослался — да, была Рита, было хорошее время. Но вот женился же, и все нормально. Вот я здесь, в Одессе. Рядом с тобой. Все в жизни проходит, это в романах любовь отменяет здравый смысл. А в жизни не так. Ведь так говорят наука и практика?

Кулик ответил спокойно и задумчиво, экскурс в прошлое, казалось, возвратил ему способность рассуждать разумно.

— Наука молчит, она в любви не разбирается и даже не пытается это скрывать. А практика... говорит, что очень часто настоящая любовь бывает сильнее здравого смысла.

И Павел задал ему вопрос, на который не решался вот уже лет двадцать как минимум. Хотя ответ знал, такое не скроешь. Рискнул, уж очень важна была ему искренняя поддержка друга.

— Леня, я тебя никогда не спрашивал. Но сейчас это важно. Лично ты. Пример с сапером это не про тебя?

— Конечно. Само собой. Ты знаешь, дети, внуки. Нормально. Ты знаешь, Анюта иногда командует, но у меня все не хуже, чем...

— Леня, ты счастлив?

— Конечно. Само собой... ты же знаешь, у меня все хорошо, — и другим голосом: — А вот счастлив? С тех пор, как уехала Рита — нет, наверно нет...

Павел откинулся на стуле. Это финал, на который он рассчитывал. Теперь его можно брать голыми руками. И брезгливо поморщился — циничная фраза, не для разговора с другом. Где он недавно так же подумал? А, вспомнил, когда узнал о несчастьях Нади, что ее выставили на улицу. Далеко ему еще до облака в штанах.

Он опять наклонился над столом, поближе к Кулику и постарался говорить только то, что думает, не приукрашивая и не привирая.

— Леня, мы дружим пятьдесят лет. Я тебе не все о себе говорил, но и не врал. Иногда в мелочах. Говорю как на духу. Она меня спасла. Но дело не в этом. Два с лишним месяца я старался, уговаривал себя, принимал меры. Пытался... Что еще сказать? Ничего не смог и не могу сделать. Кроме Нади, мне никто не нужен. И будущее без нее — ужас берет, даже стараюсь не думать. Все это выше разума, выше здравого смысла и от меня не зависит. И я знаю, что так и будет... столько, сколько мне там осталось.

Кулик затих, смотрел на Павла не мигая. Он поверил, почувствовал — надо спасать. Но как?

Они подняли рюмки и выпили. Кулик взглянул на бутылку — осталось меньше половины. Конечно, деньги у Павла есть, но похоже, это не тот случай...

— Нет, Леня, — это была телепатия, — деньги не помогут. Я ее действительно люблю, но без ее любви мне

она не нужна и ничего не надо. Мне нужна ее любовь, все остальные варианты кончатся... плохо кончатся. Ты знаешь меня, я не Хвалов. Купить можно человека, а любовь нельзя. Поэтому задача решения не имеет.

Несмотря на очередную рюмку, Кулик трезвел. Он испуганно смотрел на друга. Всегда уверенный в себе, с легкой насмешкой взирающий на все сверху вниз... когда он признавал, что нет решения? Но что интересно, решения нет, а почему тогда в его тоне нет отчаяния? Леня достаточно хорошо знал своего друга, чтобы увидеть это без изучения его вазомоторных реакций.

— И все-таки ты хочешь попытаться эту задачу решить?

— Не вижу другого выхода. Во всяком случае попытаюсь.

— Не представлю себе, как это возможно. Конечно, о тебе ходят легенды. Что ты добиваешься своих целей, даже когда это кажется невероятным. Но это в бизнесе, в делах... А тут... Надя сказала, извини, но она сказала, что ты не человек. Куда дальше...

Павел заулыбался.

— Леня, ты действительно профи. Прямо в яблочко. Это главное. Я должен стать таким человеком... таким... каким ты всегда хотел меня видеть. Не притвориться, а стать. Я не говорю, что стану Человеком с большой буквы, но стремиться к этому буду. — И на всякий случай опытный психолог-практик польстил: — Поэтому мне очень нужны будут твои профессиональные и дружеские советы.

Кулик растаял от удовольствия.

— Давай так. Ты подумай о том, что сегодня от меня услышал. Я все же бизнесмен, и в любом деле скоропелых советов и планов не признаю. Подумай, потом мы с тобой подробно поговорим о стратегии и тактике. А на сегодня хватит проблем, давай пировать, впереди роскошный молодой барашек.

Точка невозврата

О вендетте Хвалова Павел Кулику не рассказал. Это должно стать первым реальным шагом на его пути к Человеку, и решение нужно принять самостоятельно. Сложность заключалась в том, что намерение даже не искать компромиссов практически не давало шансов спустить конфронтацию на тормозах. Куда-то пристраивать Осмоловского он не будет, а значит и выбора противнику не оставит. Но опытный интриган — хотя Павел очень не любил в этом себе признаваться — все-таки понимал, что предполагаемая баталия должна не только повысить его моральный рейтинг, но и может прямо повлиять на отношение Нади к нему. Она когда-нибудь узнает, что Павел сознательно пошел на неприятности, чтобы сохранить ее покой. И даже он сам при случае — мелькала мысль — найдет способ через кого-то сообщить ей об этом в соответствующем освещении. Как видите, в Павле Человек и расчетливый бизнесмен пока шагали рука об руку. Но будем справедливы, мы видим, что он уже готов расплачиваться за одну только Надежду добиться цели. Теперь два слова — Человек и Надежда — для него всегда были с большой буквы.

Хм... Я уже говорил, что Павел не мог в глубине души не подсмеиваться над своей новой благоприобретенной ипостасью бизнес-джентльмена с романтическими и даже рыцарскими мыслями, словами и поступками. Но старался с самоиронией не перебарщивать и не расслабляться. Это была не игра, а очень важное условие для достижения цели. Его бестактность, высокомерие и крайний реализм, скорее похожий на цинизм, больше всего раздражали Надю. С этим она никогда не примирится. А значит «будем это место удалять», как сказал Жванецкий.

Разговор с Хваловым состоялся днем — это была рабочая встреча — в том же облюбованном последнее время

Павлом тихом ресторане. Он там стал постоянным клиентом. Хвалов опоздал на десять минут — демонстрация намерений, поздоровался сухо, хотя и извинился. Павел уже заказал немножко выпить и немножко закусить — как в тот раз.

Хвалов начал сразу:

— Ну что, надумал? Время я тебе дал.

«Время я тебе дал — боевое начало, — подумал Павел. — Слишком он в себе уверен, наверно еще подготовил что-то новенькое».

Он предложил выпить — насухо обсуждать дела не годится. Нужно было попробовать понять — хоть какой-то намек получить, — какие козыри у Хвалова в кармане. И готовился, как обычно, к маневрам, осторожному разговору. Начал с того, что возвращать Осмоловского нельзя, потому что прошло почти три месяца и сейчас все будут в глупом положении...

Но маневры не понадобились.

— Павел, давай не заводить шарманку. Я тебе прямо скажу: на карту поставлены мои слово и авторитет. Я обещал, что Осмоловский вернется на свое место в любом варианте.

— А мой авторитет ты в расчет не берешь? — в словах Павла тоже прозвучала угроза. — Давай не будем разбрасываться словами и страшилками. Мы давно в бизнесе, это нам не к лицу. Если есть что — выкладывай на стол. Было бы — давно выложил. Нечего темнить. А нет — закончим на этом.

Тон Павла, как он и предполагал, добавил азарта; его, Хвалова, обвинили в пустословии.

— Хорошо. Я тебя, Павел, уважаю. Поэтому скажу прямо — Осмоловский будет в этом, как его? «Ренессансе». Не согласишься на это ты как хозяин — тогда хозяином стану я. А слово сдержу.

— Ты станешь хозяином? «Резонанса»? — Павла удалось удивить.

— Нет, не только. Всех твоих центров диагностики, — Хвалов дал ему несколько листочков. — Это копии. Оригиналы у меня.

Один взгляд на первый лист объяснил Павлу, откуда у его собеседника такая уверенность. Дело оказалось серьезней, чем он думал, а главное — совершенно конкретным и хорошо задокументированным. Диагностические центры — тогда их было пять, сейчас стало семь — он купил еще при Януковиче у некоего Зильбера, тот срочно уезжал в Америку. Этой операцией Павел заслуженно гордился. Нужно было все быстро решить без лишней бюрократии, получить всю сумму сразу, и банк должен был помочь перевести деньги в офшоры. Соперником тогда был все тот же Хвалов, который не прочь был иметь диагностику в комплекте с больницами. Павел тогда его сделал, как ребенка.

Он взял кратковременную ссуду в банке, с которым имел хорошие — не бесплатные — отношения. Ссуду оформил как целевую в счет покупки диагностических центров, банк нашел способ и направил ее в офшоры на счет, указанный Зильбером. В качестве залога оформил дом, к этому времени им проданный некоему Сапожкову, тоже в рассрочку, то есть уже Павлу не принадлежащий. Конечно, серьезное, но формальное нарушение, которое банк «не заметил», потому что Сапожков обязался выплатить свой долг непосредственно банку, вместо Павла. Не слишком сложно? При этом удалось уйти от солидной доли налогов, и таким образом Павел, только подписывая договора и соглашения, приобрел центры без всяких долговых обязательств.

Наверно, Хвалов тогда и подготовил документы, но почему-то не решился пойти против Павла. А может, выкупил их сейчас. Банк, о котором шла речь, был торпедирован компанией Порошенко и Гонтаревой, прогорел, и в его архивах сейчас, как на свалке, может руться кто угодно. Все документы были настоящие, с печатями, честь

честью, отсутствовало только упоминание о выплате ссуды Сапожковым. Как фактическое отсутствие и самого Сапожкова, у того случился инфаркт.

А без этого получалось, что Луков обманом получил ссуду, в качестве залога подставил уже проданный им дом, за счет незаконно полученной суммы купил предприятие.

Павел только мельком взглянул на листки — все было ясно, посмотрел в глаза Хвалову.

— Что ж ты так долго ждал, держал материалы? Сапожков уже лет пять, как...

— Павел, не в этом дело. Я много чего держу, — было известно, что Хвалов действительно любит собирать компромат. Впрочем, сейчас многие так делают. — Ты сам меня вынудил дать оборотку. Мог бы мне сказать, что увольняешь Осмоловского. Мой телефон у тебя есть.

— Допустим. Но сейчас... это несерьезно. Кто будет с этим делом связываться, банк отдал богу душу...

— Дело простое. Два числа. Одно — акт продажи дома, и другое — на три месяца позже, залог в банк. Мошенничество. При желании можно быстро доказать. Посадить не посадят, а центры конфискуют, как незаконно приобретенные, и выставят на продажу.

— Хм, мошенничество. А то, что нет документов о выплатах Сапожкова, как назвать? Жульничество?

— Это тоже формально незаконно. Ты брал ссуду, ты и должен платить и отвечать. Плюс проценты. Поэтому работники бывшего банка тебя защищать не будут. Дело простое, быстро решат. И пока ты будешь искать правду — продадут. Покупатель — вот он.

У Хвалова связи в правоохранительных органах есть, но не такие, чтобы кто-то за него стал таскать каштаны из огня, связываться с солидным бизнесменом, и фактически из-за формальности.

— Кто станет такой ерундой заниматься? Кому это нужно?

– Не такая, ерунда – пятьдесят миллионов гривен. Но я согласен, нужно, чтобы кому-то было интересно.

– Кому?

– Мидасу.

Мидас была общеизвестная кличка прокурора города.

– С какой стати Мидасу интересно?

– Он давно знает, что этим «царем Мидасом» обязан тебе.

Ух ты! Вот это действительно проблема. Всем известно, что в Украине редко судят за воровство в крупных размерах, только если кто-то кому-то мешает или кто-то в этом лично заинтересован. А насчет Мидаса был грех. Прокурор любил деньги, и у него были высокие заостренные и покрытые пухом уши. Как-то на небольшом сабантуе дельцов Павел назвал его царем Мидасом, а так как в элитарной компании не все читали в детстве мифы древней Греции, то Павел пересказал в адаптированном виде один из них – о царе Мидасе. Все, к чему прикасался Мидас, превращалось в золото – легкий смешок присутствующих, узнали портрет. И еще, Аполлон его наказал за что-то и «наградил» ослиными ушами – громкий смех. Мидас носил специальную шапку, чтобы это скрывать. Знал об ослиных ушах только брадобрей, но под страхом смерти молчал. А рассказать хотелось, его распирало. Брадобрей не выдержал, пошел на берег, вырыл ямку и в нее прошептал: «А у царя Мидаса ослиные уши». Ему полегчало. Но позже из той ямки вырос тростник и стал, качаясь на ветру, нашептывать прохожим: «А у царя Мидаса ослиные уши».

Миф имел успех, прозвище закрепилось почти мгновенно и использовалось чаще, чем фамилия, народ острил и про золото, и про уши.

– Паша, запись твоего выступления есть у Мидаса, точно знаю. Но не я ее сделал. Сейчас записывают всех подряд.

Павел молчал.

— Павел, я слово дал. Много народу при этом было. Мне тоже не очень хочется с тобой связываться, всех денег не заработаешь. А говорят, чем крепче тебя прижмешь, тем легче ты выкручиваешься. Нечистая сила, не иначе. Павел, давай так. Варианта два. Самый простой — вернуть Осмоловского. И мне и тебе без нервов. Вариант второй — суд и нервотрепка. Третьего нет. Разве что ты его найдешь... Решай. Максимум месяц — и дело пойдет в суд, а там и дьявол тебе не поможет. Думай, я пошел.

Павел остался в ресторане. Допил то, что оставалось, доел закуску. В ответ на вопросительный взгляд официанта отрицательно покачал головой — нет, больше ничего. Конечно, он посоветуется с адвокатом Любарским, но вряд ли тот скажет что-то новое. Документов у Хвалова мало, и это его преимущество, никаких томов, чтобы можно было что-то запутать. Две даты — продажа квартиры и фиктивный залог. Все ясно. И он действительно ссуду не возвращал, а формально должен был. Удобное быстрое решение: Луков хозяин незаконно приобретенной фирмы, решение — конфисковать в пользу государства. Это примерно десять процентов его имущества, не обеднеет и большого шума не будет. Зато сенсация местного масштаба и борьба с коррупцией. Соблазнительно и для суда, и для Мидаса. А Хвалов... дело не только в его слове. Это давний план, а история с Осмоловским только подтолкнула его, добавила решимости...

Но сдать Павел не может, потому что Человек не должен позволять себе...

— Стоп!! — и он стукнул ладонями по столу, чем привлек внимание того же официанта.

Он увидел себя со стороны.

Стыд. Нет, не стыд, а стыдобища. Один из богатейших людей города, области, наверно страны. Во что превратился? И что за чушь? Человек, Надежда — с большой буквы!

Это даже не детский сад! Погоня за птицей феникс, птицей счастья даже не завтрашнего дня, не сегодняшнего, а поза-позавчерашнего. Самое ужасное, что Павел Луков смешон. Нелеп, смешон и даже жалок — что еще в этом роде можно добавить? Это обычный старческий маразм плюс наверняка разновидность психического заболевания, даром что Леня его не диагностировал. Он слишком близкий человек и слишком ценит, даже фетишизирует его практический разум. Если бы такое ему рассказал кто-то другой, но Луков, Паша Луков! Он глупости говорить не будет. А оказалось, действительно бред. «Бред. Бред. Собачий бред», — как и было сказано в первом его диагнозе.

Да, Надежда Михайловна, мы привыкли все покупать, но жизнь подтверждает, что это самый надежный способ. Надо предложить условия, от которых нельзя отказаться, и она с ним останется... От квартиры же не отказалась! Во всяком случае они попробуют. Сомнений хватает. Неизвестно, как жить с человеком, который думает не так, как ты, и не просто иначе, а совершенно иначе. Тоже вопрос. И ему поздно ликбез проходить. А если сложно будет общаться, то о чем речь?

А если Надя не согласится, то это не повод, чтобы изображать из себя полного идиота. И быть смешным. Смешон — почему-то это больше всего его задело.

Нужно возвращаться к нормальной жизни. Завтра приезжают итальянцы, придется подписывать проект на миллионы долларов, а он чем занимается? И начать нужно с того, чтобы нормально поесть, а не жевать эту траву. Он почувствовал, что голоден — вот уже и нормальные ощущения появились. Павел подозвал официанта, который настороженно на него время от времени поглядывал, заказал стейк среднепрожаренный, картофель фри, соленых огурчиков и пятьдесят... нет сто грамм армянского коньяка.

Надо будет с Осмоловским разобраться. Без суда. Найдет выход, если перестанет строить из себя Человека с большой буквы. Надо же! С большой буквы!

Павел выпрямился — даже сидит он как-то понуро.

Прошло минут двадцать. Официанта не было. Ему все жарят, все свеженькое, готовое не подадут, солидный клиент. Богатый уважаемый человек.

А когда люди слишком разные, то тоже может быть скучно... Хотя... с гусынями из общества веселее? Он вспомнил последние четыре дня в круизе и два в Барселоне, прогулки по городу, ресторан. И в гостинице... Когда она повернулась к нему и сказала: «На раз больше, на раз меньше, черт с ним». Опять перехватило дыхание. Он посмотрел на часы — продержался меньше двадцати минут. Недолго.

Если он не будет продолжать делать ради Нади те глупости, которые его самого удивляют, если он лишится цели, то тогда вполне может оставаться сидеть на этом стуле. Вставать, куда-то идти, с кем-то говорить, даже с итальянцами, что-то делать никакого смысла, а главное — никакого интереса не будет. Конечно, он болен, серьезно болен, может даже неизлечимо... Но лучше называть эту болезнь любовью.

Официант принес еду и коньяк. Павел выпил за цель. Пока она есть, есть и надежда. Он немного поколебался... и уточнил — Надежда с большой буквы.

Бизнесмен новой формации

Мы оставили Надю в тот нелегкий период, когда она поняла, что беременна. Ей — напомним — показалось, что лифт, который уверенно возносил ее «все выше, и выше, и выше» неожиданно сорвался и ухнул вниз. Испуг, растерянность, в голову лезли ужасные рассказы

о том, что после аборта многие женщины не могут рожать. И к кому обратиться за помощью? В общем-то оказалось, что близких подруг у нее нет. Это, между прочим, часто бывает с одиночками, которые в зрелом возрасте перебираются в другой город, новые прочные связи не легко заводятся. Мне кажется, что близких в жизнь берут, в основном, из детства и молодости. Во всяком случае, мой личный опыт говорит о том.

Надя могла обратиться к Светочке, та от всей души помогла бы ей, чем могла, она наверняка посоветовала бы к кому обратиться, как и где лучше это сделать, что сказать на работе — ее информационные возможности были безграничны. Но рассказать секрет Светочке примерно то же, что выйти на площадь и в рупор прокричать «иду делать аборт». Не было такой силы, которая бы могла удержать желание Светочки поделиться новостью «по секрету».

Все это ужасно. Луков прав — она опять попала в неподходящую ей ситуацию. В очередной раз. Надежда забыть бизнесмена Лукова как дурной сон не оправдалась — он опять напомнил о себе самым ужасным образом. И перемена взглядов, на которую так Надя рассчитывала, не помогла. А ведь она почти уверилась в том, что новое современное поведение, теория разумного эгоизма, отказ от романтических предрассудков сделали ее жизнь стабильной и преуспевающей. Но нет, индугенции не было, никаких исключений — за все нужно платить. А может, жизнь ей напомнила, что, в сущности, никаких особых перемен не было, и никакими идеалами она и раньше не злоупотребляла, даже до встречи со «старым хрычом» Луковым — прежнее прозвище Павла всплыло как естественная реакция. Она жила и спала с Юрочкой, не слишком любила Алешу, но ходила с ним в рестораны и ездила на Родос — не на немецкий счет. То есть вела себя вполне современно. Не будем ханжами, не порочно,

а довольно нормально для большинства современных молодых женщин.

Конечно, есть и сейчас девушки, которые дорожат высокими моральными принципами даже в ущерб жизненным удобствам, но я лично не берусь судить, достоинство это или недостаток. Во всяком случае в наше время для того, чтобы встречаться и даже спать, совершенно не обязательно любить, о чем уже было сказано.

Правда, квартира все-таки выпадала из этого нормального ряда, она практически ради нее согласилась спать «со старым хрычом». Так что урок ею заслужен. Но тут очень уместно и не случайно появилось слово «практически», потому что — призналась она себе — если бы ей было противно, она, может, нашла силы отказаться от соблазна. Но так как в первую же ночь поняла, точнее почувствовала к своему удивлению, что ей спать с ним довольно приятно не только в переносном, но и в прямом смысле, то особого насилия над собой не понадобилось. Тоже какая-то насмешка судьбы — сродство тел у нее только с теми, кого в других отношениях она терпеть не может, кто по-человечески ей совершенно противопоказан. Но с Павлом случай особый, она до него — кстати, как и он до нее, — ни с кем не спала в одной постели. Оказалось, что можно без особых проблем вечером заснуть и утром проснуться...

И все-таки нужно обратиться за помощью, с кем-то посоветоваться. Как минимум кто-то должен ее после аборта встретить, отвезти домой, убедиться, что все в порядке. Если нужно помочь. Она решила обратиться к соседке Регине. Регина была немного старше, женщина практичная и довольно доброжелательная, о чем мы уже раньше говорили.

Надя выбрала время, когда Толик куда-то вышел — он в основном работал дома, — для чего просидела у окна, наблюдая за входом битых два часа, и пригласила Регину

попить кофе. За кофе она, запинаясь и задыхаясь, краснея и бледнея, рассказала о своей проблеме. Регина отреагировала совершенно спокойно. Дело житейское. И в ответ на доверие ответила тем же.

Оказалось, что соседи до того, как поселились в новой квартире и стали образцовой парой, проходили различные стадии отношений. Было время, когда Толик вильнул налево, потом Регина отказывалась выходить замуж. Словом, опыт того, что предстояло Наде, у нее был. Она успокоила, сказала, что ничего страшного в этой процедуре нет, дело житейское.

Нужно пойти в больницу в пятницу, на работе взять три дня отгула или сказать, что простудилась. Только и делов. Она посоветовала хорошего и опытного гинеколога — Раечку. Не спрашивала, кто автор и как это случилось. Обещала, что Толику не расскажет, и насколько я знаю, сдержала слово. Хотя не удержалась от проявления житейской проницательности — она помнила, каких трудов стоило Наде собрать минимум необходимых вещей в квартиру, и это очень не соответствовало стоимости новой элитной студии в элитном доме.

— Это, — она повела пальцем вокруг, имелась в виду дорогая квартира, — как-то связано с...

Надя только кивнула в знак согласия.

— И он в курсе дела?

— И речи быть не может.

— Я думаю, это человек с солидными возможностями...

Слово «человек» по отношению к Павлу вызвало обычную реакцию.

— Человек! Он из тех, которые берут, все, что хотят, не спрашивая разрешения, согласия, для них нет ограничений, приличий, даже закона. И могут мимоходом наступить, раздавить не по злобе, а просто они не смотрят, не обращают внимания, что там хрустит у них под ногами. Хозяева жизни.

— Мне это знакомо. У меня босс такой. Не то чтобы хам, но и на человека не очень похож.

А у Нади промелькнула мысль — живой человек, — если бы она родила и сообщила об этом Лукову, как бы он отреагировал? Наверно, обеспечил бы их с ребенком если не до конца дней, то надолго. Такое — она постаралась быть объективной — вполне возможно. Он скорее бесчувственный, чем бессовестный. Но мысль была настолько абстрактной, что даже не вызвала никакой реакции, только ироническую улыбку. Растаяла и больше не появлялась.

А Регине такое даже в голову не приходило, она была убеждена, что виновник женат. И повторила:

— Дело житейское.

Общие секреты сдружили соседок, теперь нередко вечерами они ходили в гости друг к другу. Надя не слишком любила кухню, часто пользовалась кулинарией, и у нее всегда была в холодильнике красная рыбка. Кофе, дежурный бутерброд с рыбой и рюмочка коньяка — Регина приносила с собой флакон «Шабо» — так обычно выглядели вечера у Нади. А ее соседи приглашали на голубцы, фирменное блюдо; Регина тоже не слишком увлекалась кулинарией — дефект женщин нового поколения.

Регина удивлялась затворничеству Нади.

— Не пойму, как ты могла залететь при таком образе жизни. Работа, дом, работа, дом. Вечерами коптишь над своими институтскими заданиями. Вот освободишься от проблемы, я тебя с хорошим парнем познакомлю. Босс Толика.

— Только парней мне сейчас не хватает.

Надя передернула плечами. Сейчас — и это вполне понятно — она находилась в конфронтации со всем мужским населением. Это не относилось к нейтральным мужчинам, вроде Григория Ильича, а к тем, кто проходил у нее под

общим названием «козлы» вне зависимости от возраста. И тоже понятно, что во главе списка был «старый козел» Луков.

Беременность у нее протекала не слишком легко. Временами подташнивало, и она никак не смогла справиться с совершенно несвойственной ей раздражительностью. Особенно бесило — да, пожалуй, бесило — сознание несправедливости. Почему наказание, даже если оно заслужено, должна нести только она? Почему мужчинам все как с гуся вода? Наверно, Надя бы от всей души позлорадствовала, если бы узнала, что Лукову тоже досталось наказание по высшему разряду. И у нее преимущество — если все пройдет благополучно, ей амнистия будет объявлена через несколько дней, а у Павла ситуация просто безнадежная. Но это знаем мы с вами, а нашей героине мысль о том, что «старый козел» вообще может испытывать какие-то чувства, не могла даже прийти в голову.

— И напрасно, — продолжала Регина, отхлебнув немного из чашки и из рюмки. — Я тебе не парней предлагаю, а вполне конкретного нашего друга и по совместительству босса. Гарик очень даже симпатичный. В самом расцвете сил — тридцатник скоро будет — и не бедный. Под его началом проектов на миллионы пять и программистов полсотни.

— Так он программист?

— И программист тоже. Но он босс. Менеджер. Заказы, связи, договора. Распределение работ. У него и экономический отдел. Знаешь, программисты в основном индивидуалисты. А он организовал приличную фирму. Хватка у него есть. Кстати, в отличие от всяких других свободен, в разводе.

— Он-то свободен...

— И ты скоро освободишься. А что, — мужчина после развода и девушка после аборта вполне сочетаются.

Они посмеялись, Надя не так весело, как Регина.

Последние дни перед абортом Надя — естественно — очень нервничала. Даже на работе накричала на одну из сестер, чем всех удивила. Но это оказалось кстати, был четверг, и она пожаловалась, что, кажется, заболевает, пару раз для убедительности кашлянула. Григорий Ильич заботливо сказал, что она может отлежаться пару дней, и отпустил с работы раньше, до обеда. Можно было немного отдохнуть и попробовать успокоиться. Но не получилось — протек унитаза, пришлось перекрыть воду. А после аборта без сантехники не обойтись. Это была настоящая трагедия.

Она бросилась искать управляющего, нашла, к счастью, он еще не успел уйти. Управляющий, как всегда, был очень приветлив, сказал, чтобы она шла домой, подождала сантехника, сегодня же все сделают. На попытку дать деньги отреагировал прямо-таки возмущенно, хотя все говорили, что берет, если дают. И к вечеру у нее стоял такой изумительный унитаз, что с него вставать не хотелось. И рабочий тоже отказался от денег. Надя уже давно подозревала, что с управляющим дело нечисто. Сначала, вы знаете, она относилась это за счет своего обаяния, но почему тогда управляющий, определенно не очень застенчивый человек, не пытается воспользоваться своими одолжениями, никаких поползновений. Наоборот, он относится к ней скорее почтительно, что совершенно не вяжется с его обычными манерами. И у Нади возникала мысль, что может Луков, который — она узнала — был где-то высоко, высоко наверху одним из хозяев этих домов, замолвил словечко, еще тогда, когда оформляли ей квартиру.

Но сейчас ей было не до размышлений; слава богу, вода включена и сантехника работает.

Вы уже знаете, что все прошло хорошо, Раечка — которой было около пятидесяти лет, но мало кто знал ее отчество — была отличным специалистом. Действительно оказалось, как говорила Регина, не так страшен черт,

как его малюют, и Надя даже вышла на работу на день раньше, чем планировала. Правда — и вы это уже знаете, — был легкий перепуг, когда в очереди к Раечке ее застал доктор Кулик, но Надя решила, что все обошлось, и вскоре выбросила это из головы.

А вот посещение центра Луковым произвело куда большее впечатление. Вот он, во плоти, загорелый, хотя — невольно отметила — не такой цветущий, как в конце круиза. Луков всколыхнул массу воспоминаний, которые хотелось навсегда выбросить из головы. Вместе с ним. И самое свежее, самое болезненное — только неделю тому назад. А следом промелькнуло подозрение — сначала встреча с доктором Куликом, потом приход самого Лукова в «Резонанс», что можно сравнить с явлением Христа народу, — не слишком ли много совпадений?

Ей не сразу удалось овладеть собой и придать лицу приветливое выражение работника при встрече с хозяином. В вестибюле были только сестры, таким образом она оказалась в роли хозяйки. Но взяла себя в руки, спокойно подошла, вежливо улыбаясь, поздоровалась, спросила, чего желает гость-хозяин. Луков, вероятно, думал о чем-то своем, на вопрос не ответил и не поздоровался. Пришлось переспросить. Возможно, отец неродившегося ребенка забыл, что она тут работает, удивился. Она постаралась все так же вежливо от него поскорее избавиться, поручив сестре проводить к главврачу.

Чтобы избежать новой встречи, сказала, что пойдет пообедать, вышла в кафе напротив, села у окна. Машина Лукова была отлично видна. Заказала кофе и булочку — есть расхотелось. То, что доктор Кулик застал ее в очереди к Раечке, конечно, случайность, а вот неожиданное явление Лукова является ли следствием, то есть закономерностью? Но если бы узнал что-то и поэтому приехал, то что-нибудь бы постарался выяснить, иначе зачем приходить? Нет, просто две случайности, и такое бывает.

Луков пробыл в офисе недолго, сел в машину — опять без шофера — и уехал.

Вернувшись, Надя прежде всего выяснила, зачем он приезжал — сделать «эхо сердца». Вроде бы понятно... хотя с другой стороны, такой прибор, но более новый и современный есть в другом его центре, почему поехал не туда? Тоже подозрительно. Может, не знал, в конце концов он не врач, а хозяин.

Потом она все-таки вспомнила, что живет в подаренной им квартире, вспомнила подозрения в отношении управляющего и в конце концов она медицинский работник — может, что-то случилось? Она отправилась узнавать результаты проверки, с врачом была в хороших отношениях.

— Ничего, для его возраста прилично. Человеку не двадцать. Но обращать внимание нужно. Есть проблемы с клапанами. А почему ты спрашиваешь?

— Ну как, все-таки хозяин...

Еще какое-то время Надя опасалась того, что описанные случайности продолжатся и окажутся закономерностью. Но никаких сигналов больше не поступало.

После аборта нервное возбуждение прошло, его сменило спокойствие, которое даже скорее напоминало апатию. Дни были однообразными, вечера тоже. Работа и занятия. Раечкины советы Надя дополнила сведениями из Интернета и следила за собой в соответствии с инструкциями. Там же она узнала, что сексом можно заниматься не раньше, чем через месяц, лучше два — но это и без Интернета ей не грозило. Регина предлагала познакомить ее с Гариком, но любая мысль, даже косвенно связанная с какими-то личными отношениями с мужчиной, вызывала у нее отторжение. Кстати, Интернет тоже предупреждал, что такая реакция после аборта случается довольно часто. О чем Интернет не предупредил — Надя чувствовала себя какой-то... запятнанной, что ли. Словно на ней какая-то

печать, которая заметна окружающим. Можете не сомневаться — Лукову доставалось...

Долго так продолжаться не могло, и наконец жизнелюбие в ней взбунтовалось. Спустя месяц, когда Регина предложила ей пойти с ними на какой-то эстрадный концерт, а заодно и познакомиться там с Гариком, Надя согласилась. Она сделала прическу, достойный макияж, надела платье, которое подчеркивало и не скрывало все лучшее, что было в ее фигуре, высокие каблуки и куртку с легким намеком на мех — было начало ноября. Регина с Толиком ахнули, а Гарик на некоторое время лишился присущей ему уверенности в себе.

Он действительно оказался симпатичным парнем, вообще-то говоря бизнесмену, которому около тридцати, больше подходит называться симпатичным мужчиной. Чернявый, немножко смуглый, или загорелый, хорошо сложен. Мог бы быть немного повыше, но метр семьдесят пять как минимум наберется. Немножко — не сильно — носатый и зовут Гарик, Надя подумала, что он еврей, хотя для нее это значения не имело. Но Регина, для которой, возможно, это имело значение, ей в антракте в туалете сказала:

— Ты не думай, он не еврей. Он Гарри Степанович Иваненко. Евреи Степановичами и Иваненковыми не бывают.

— Я об этом не думаю.

— Он родился вскоре после матча Каспаров—Карпов по шахматам. Помнишь такой?

— Помню.

— Его отец был фанатом Гарри Каспарова. А сам Гарик мастер спорта по шахматам и был хорошим боксером, кажется, кандидат в мастера.

— С таким носом?

— Представь себе. Так что будешь как за каменной стеной.

— Погоди, а почему ты решила, что я за этой стеной буду?

— Я видела, как он на тебя смотрит.

— А меня ты не спросила?

Регина махнула рукой.

— Чего тебя спрашивать, против него шансов нет.

Она оказалась права: Надя стала встречаться с Гариком — так его разрешалось называть только близким людям, всем прочим рекомендовалось Гарри, я думаю — для солидности, и чтобы подчеркнуть его тесную связь с заграницей. Он действительно либо летал куда-то, либо говорил на каком-нибудь языке по телефону или компьютеру. Знал хорошо английский, довольно прилично немецкий и сносно французский. Сейчас осваивал испанский. Это была новая формация бизнесмена, имевшая мало общего со старыми кадрами типа Павла Лукова. Гарик был из другого мира. «Бизнес в смартфоне», — так он называл свою фирму с ироничной улыбкой, но в действительности с гордостью.

Но он не был односторонним технарем и разбирался не только в АйТи, цифровых технологиях и прочих умных современных предметах. Любопытство и отличная память помогали ему знать очень много интересного в самых различных областях, и кстати, даже в биологии — к удивлению Нади. А контактность, обаяние и умение быть интересным для всех входили в обиход его профессиональных достоинств. Всем этим предыдущее поколение в большом бизнесе не интересовалось, вы это видели на примерах, описанных в моем рассказе, или — если у вас есть такие знакомые — в жизни.

Надя ему сразу понравилась, больше того — произвела впечатление, и поэтому Гарик почувствовал прилив вдохновения, а в таком настроении сопротивляться его обаянию было делом безнадежным. Надя и не сопротивлялась. Все произошло так, как об этом пишут в романах — он ей

понравился с первого взгляда. Правда, сразу же появился вполне обоснованный вопрос: а часто ли он так возгорается при виде нового симпатичного лица? Вопрос был не из приятных — знакомства с Юрочкой Осмоловским, представителем породы бабников, ей хватит надолго, зачем увеличивать коллекцию? Но она понимала, что Гарик хоть не очень похож на однолюба, но и не столь примитивен. А в жизни все слишком просто не бывает, а если и бывает, то это скучно.

С Гариком было очень интересно. Он умел хорошо говорить, хорошо слушать — что не менее важно. И при каждой встрече загорался, в его взгляде было такое чувство, на которое нельзя было не ответить. Обоих интересовал один и тот же вопрос — как долго будет полыхать этот пожар.

Гарик развелся шесть лет тому назад. Развод был довольно безболезненным — они с бывшей женой были несовместимы и дружно поняли это. Тогда у Гарика еще не было имущества — фирму он создал, уже будучи снова холостым и свободным, — поэтому никаких финансовых вопросов не возникало. Затем в последующие несколько лет все его усилия были направлены на создание бизнеса и самообразование. Женщинам он нравился, так что в особых стараниях необходимости не было, и его вполне устраивали возникающие время от времени довольно однообразные сексуальные связи, душу они не задевали, да и тело не слишком. Его даже стало волновать отсутствие серьезного интереса к соучастницам. Никто никого не завоевывал, никто никого не бросал, смена происходила каким-то естественным способом. Это считалось современным. А может, — спрашивал он себя, — стареем? Или слишком легко все дается? Поэтому, когда, встречаясь с Надей, он почувствовал, что не весь его темперамент уходит в бизнес, что есть еще душа и настоящие чувства, то был этому искренне рад. Он стал заезжать за ней

на работу, заходил в центр, увидел, почувствовал, как хорошо и с каким уважением к ней относятся. А сестры хором с восторгом пели ему дифирамбы. Он был свободен, Надя тоже, их тянуло друг к другу — в будущем, тьфу-тьфу, никаких проблем вроде бы не должно возникнуть.

Но с Надей было сложнее.

К сожалению, у нее обнаружилась проблема, более реальная, чем предполагаемое легкомыслие Гарика — кажется, дала знать о себе старая болезнь, еще усугубленная недавним знакомством с Раечкой. Надя скучала без Гарика, ждала встречи с ним, а он почти каждую неделю-две куда-нибудь улетал или уезжал на пару дней. Но когда они встречались, и он ее естественно обнимал, целовал, то Надя чувствовала все тот же — что ж это за наказание! — дискомфорт. А мысль о большей близости ее приводила в ужас. Неужели она обречена на борьбу противоположностей — врозь скучно, а вместе тесно? Если бы не это, она вполне могла назвать свои чувства любовью, первой любовью, потому что ни к кому она так раньше не относилась. Когда Гарика не было, обычная сдержанность ей изменяла, и — любитель классической музыки — она и мысленно и вслух исполняла различные вариации на тему «я знаю, ты мне послан Богом, до гроба ты хранитель мой». Она бросалась ему навстречу и... скисала в его объятиях, а точнее — деревенела. Это явно чувствовалось, не могло не чувствоваться. Любая поза становилась неудобной, даже если, сидя на скамейке, он одной рукой обнимал ее за плечи. Хорошо, если Интернет прав, и спустя какое-то время после аборта это чувство пройдет — можете себе представить, какие эпитеты обрушивались на голову Павла Лукова. Надя понимала, что с Гариком притворяться, стонать и изображать сладострастие так, как она это делала с Алешей, не сможет. И на втором свидании, когда убедилась, что эта борьба противоположностей ей не чудится, предупредила Гарика, точнее поставила ему

условие — пока никаких встреч в квартирах, только на нейтральной почве. Гарик не слишком поверил в серьезность ее убеждений, в какой-то мере посчитал это признаком природной скромности, и согласился.

Довольно быстро у них образовалась компания, Гарик определенно был центром притяжения. Он не был тем, кого обычно считают заводилой, то есть острословом, тамадой, анекдотчиком, хотя при желании мог взять внимание и на себя. Но почему-то общение в основном проходило через него. Вы понимаете, что я имею в виду.

Он привел с собой двух школьных друзей с девушками, Толик с Региной познакомили с парой, живущей в этом же доме, но в другом парадном, хозяевами неплохого бутика, а Надя пригласила Светочку с новым молодым врачом из «Резонанса», застенчивым и симпатичным. Выяснилось, что удобней и приятней всего встречаться у Нади, хорошая светлая студия, нет посторонних. Но возникала проблема — Гарик пытался оставаться и нарушать договор «о ненападении». Дело дошло до ссоры. Он даже какое-то время не звонил.

Надя поделилась с Региной. Может ли быть недавний аборт причиной холодности? Регина сказала, что очень даже может быть, она после аборта долго приходила в себя, не могла с Толиком даже спать в одной постели, не говоря ни о чем другом.

Но Гарик, наверно, взялся за ум, решил не форсировать события и стал уходить вместе со всеми.

Собирались они один или два раза в неделю, в субботу был официальный прием. Пару бутылок сухого вина, девочки что-то приносили с собой. Надя с помощью Гарика — в семью пойдет! — купила не просто большой, огромный настенный телевизор. Ходили в театр, на концерты. Скучать времени не было.

Наде казалось, что проклятый дискомфорт со временем смягчается, а может, очень этого хотелось. Она все-таки

понимала, что из-за проблем со «сродством тел» полно-го, абсолютного счастья, которое несомненно могло бы быть, она пока не испытывала. Но определенно к этому приближалась. Прекрасное было время.

Интересная закономерность — у Нади проблемы в той или иной степени связаны с сексом, а Павел Луков хочет разделить с ней жизнь. И это соответствует возрасту каждого из них.

Идея на миллион долларов

Теперь вернемся к Павлу, который в ресторане «Волна» пытается собрать мысли после разговора с Хваловым.

Столик, за которым он сидит, расположен отдельно от других, у окна, за выгородкой и предназначался для солидных гостей. Павел решил, что вполне может воспользоваться рестораном в качестве временного офиса. Разговоры, которые ему предстоят, должны проходить под грифом совершенно секретно, а после рассказа Хвалова о царе Мидасе Павел уже был не слишком уверен даже в своем офисе — наткнуть подслушку можно где угодно. Да, похоже на перестраховку, похоже, что он дует на воду, но и обжегся на молоке, когда этого не ожидал, выступая со спичем о мифах Эллады в каком-то баре. Кажется, скоро будет как в Китае, все под колпаком.

Он посмотрел на часы — около четырех. Еще рабочий день. Позвонил Любарскому, своему юрисконсульту и попросил его приехать в ресторан «Волна», сказал, где он расположен. Любарский, конечно, удивился, но расспрашивать не стал — не приучен, знает, что без причины его босс ничего не делает. Потом Павел позвонил Кулику, спросил, какие у него планы на вечер, и не ожидая ответа, продолжил:

— Тебя ждет хороший стол в ресторане «Волна» часам к семи. И я за этим столом.

Тоже объяснил, как доехать, а когда Кулик стал рассказывать, что у него сегодня вечером... Павел его перебил:

— Расскажешь, когда приедешь, — и отключился.

Потом по телефону немного поруководил фирмой, хотя мысли его вертелись вокруг судьбы центров.

Любарский приехал быстро, он по тону Павла и по месту встречи понял, что случилось что-то нестандартное. И даже слегка запыхался, частично действительно торопился, но немного и для демонстрации усердия. Работой дорожил, ему уже было шестьдесят пять лет, в таком возрасте юрисконсультов меняют. Тем более, что и выглядел он еще старше — невысокого роста, полный, седой венчик волос. И хотя он работал с Павлом уже почти двадцать лет, такой срок был скорее недостатком, чем достоинством. Хозяин от него уже гениальных идей не ждал, но ценил знания и трезвый взгляд на вещи. Хороший неожиданный ход мог и он сам придумать, но трезвый и квалифицированный анализ Любарского не раз удерживал его от авантюры. Такой тандем обеспечивал эффективность и надежность.

На столе было пару бутылок «боржоми» и бокалы. Больше ничего.

— Марк Борисович, я ничего не предлагаю; знаю, ты на диете, и не хочу соблазнять.

У Любарского, кроме сахара, было еще много поводов для диеты.

Тот безропотно сел к столу.

Павел подробно пересказал ему весь разговор с Хваловым, особое внимание уделил истории с царем Мидадом — при этом Любарский понимающе окинул взглядом ресторан, хотя и позволил себе ехидную ухмылку. Копии документов он просматривал долго и внимательно.

— О подробностях покупки центров тебе рассказывать не буду, ты был главным закоперщиком в этом деле. Марк Борисович, как ты думаешь, могут они конфисковать, учитывая факты и большое желание?

— Павел Андреич, не хочу накаркать, но могут. У них достаточно материалов, чтобы потом оправдаться. Прямые доказательства, что ссуда была формально незаконной, Сапожков должен был платить нам, а мы в банк... с процентами.

— Да, Хвалов это знает и понимает.

— Может быть даже ускоренный вариант — незаконность ссуды, особо — залог проданного дома. И решение проще простого — хозяин купил незаконно, конфисковать у него в пользу государства. И на продажу. Реклама прокурору и суду. Хвалов вам дал месяц?

— Да.

— Не боится, что вы продадите кому-нибудь?

— Он меня знает. Я не жулик и продавать предприятие, которое фактически под судом, не стану. Надеется, что я предложу ему купить по дешевке, потому и месяц. Сам такого не предлагает, понимает, что это будет шантаж. Шантаж и рейдерство в одном флаконе.

Любарский долго молчал, потом вынул блокнот, поковырялся в каких-то записях.

— А вы продать ему не хотите? Кажется, действительно разумный выход в такой ситуации.

— Исключено, — было сказано очень решительно.

— Престиж, гонор?

— Намного важнее, — еще тверже и еще решительней.

Опять длинная пауза.

— Ну хорошо, Павел Андреевич. Я буду готовиться, искать пропавшую справку.

— Хорошо, — Павел вздохнул, — будем думать.

Они поговорили еще какое-то время, ничего нового не надумали. Любарский ушел, Павел рассчитался, хотел

заказать столик на семь часов... но что-то было не так. Он не готов к разговору о Наде, слишком отвлек его шантаж Хвалова — а это определенно шантаж. И потом — разговор с Леней. Человек не должен ни с кем так разговаривать, даже с другом. Тем более с другом. Он вынул телефон.

— Леня, извини меня, кажется тебе сегодня неудобно встречаться? Давай перенесем на другой вечер. Я почему хотел сегодня — завтра приезжают итальянцы. Буду с ними занят. Давай на следующей неделе, созвонимся. Хорошо? Спасибо, Леня.

Вот так-то лучше. Ох, за Человеком нужен глаз да глаз!

Он еще немного посидел, допил «боржоми». И опять подумал, как случайно в один узел завязались Надя, его отношение к ней, Осмоловский и опасная интрига Хвалова. А может быть именно в такой связке есть какой-то простой вариант, который решит все эти, казалось бы, не имеющие ничего общего, проблемы? Павел невесело улыбнулся — уж он-то лучше многих других знал, что универсальных решений, тем более простых в жизни не бывает. Немалый опыт за плечами помогает избавляться от иллюзий.

Потом поехал на берег моря и успел погулять почти час до темноты по берегу. До суда еще время есть, теперь нужно полностью переключиться на отношения с Надей. Хотя какие отношения? Он о ней ничего не знает, и она о нем. Как в таком положении рассчитывать на какие-то перемены? Вот главный на сегодняшний день вопрос — как наладить взаимную информацию? Иначе все его подвиги практической пользы не принесут. Вы знаете, что он возвращался к поиску решения этой задачи не первый раз, но пока ничего путного придумать не мог. Надо бы быстрее не только обдумывать, но и действовать. Надя интересная, молодая, не будет ждать, пока он неторопливо плетет паутину. В кого-то влюбится... При мысли об этом Павел почувствовал укол в сердце.

Я иногда убеждаюсь, что телепатия все-таки существует...

Раздался телефонный звонок. Он посмотрел на экран — черт возьми, у него сегодня встреча с Валерией! Совсем забыл. На него не похоже. Неужели это первый сигнал снова приближающейся депрессии?

— Да, добрый вечер. Я немного запарился на работе, через полчаса буду дома. Жду.

Это был обычный визит, не субботний с ночевкой. Обижать Валерию не хотелось, и Павел окончательно запутался в том, что такое хорошо и что такое плохо. Что себе человек может и чего не может позволить.

Поэтому дома осторожно завел разговор примерно такого содержания. Ему с ней хорошо, она его близкий друг, он переживает нелегкий период и так далее. «Но» в этом монологе определенно висело в воздухе. Валерия Ивановна это поняла и ответила коротко:

— Встречаться — не значит жениться.

После чего все успокоились, и вечер прошел так хорошо, что Валерия Ивановна позвонила домой и сказала, что остается сегодня у подруги.

Комментировать не буду.

На следующий день — это был вторник — к обеду прилетели итальянцы. Три человека. Вице-президент фирмы и главный экономист были невысокие, смуглые, возраст между пятьюдесятью и шестьюдесятью и даже чем-то похожи. Оба знали английский примерно на уровне Павла, так что проблем в общении не было. А третий был другого типа — высокий, светловолосый, лет тридцати и в совершенстве владел русским и украинским, потому что был эмигрантом из Украины. Тоже новая генерация. Он был заброшен на Запад отцом — топ-чиновником какого-то предыдущего правительства еще в юности и там получил высшее образование.

Словом, это была делегация высокого уровня, и Павлу пришлось заниматься ими лично. Я говорил, что не буду вовлекать вас в его производственные и финансовые дела, тем более что и сам в них толком не разбираюсь. Но опять в общих чертах — он заключал крупный договор на совместное производство «зеленых домиков». Насколько я понял, это были дома для пригородов, сельской местности и дачных поселков, минимально связанные с электро- и газовыми сетями. Более солидные, чем некогда известные финские домики, унифицированные и максимально использующие солнечную энергию и тепловые насосы. Отсюда совместное участие нехолодных Италии и Украины. Этот проект появился тогда, когда газ и электричество были не только экономической, но и экологически тяжелой проблемой. И еще одна особенность проекта — тогда в будущих успехах глобализма никто не сомневался. Поэтому было выбрано направление — как можно больше использовать уже изготавливающиеся в разных странах комплектующие и как можно меньше делать их самим. Зачем налаживать производство того, что где-то освоено и недорого?

Сейчас был заключительный этап подписания совместных договоров, финансовые обязательства и прочее. Вам нужно знать, что Павел верил в своевременность и перспективность такого решения и вложил в этот проект все свободные и даже несвободные средства. На этом производственную тему с вашего согласия закрываю.

Рабочую неделю Павел был, таким образом, очень занят. В выходные дни он поручил делегацию более молодым сотрудникам, но должен был в субботу вечером отметить подписание договоров в ресторане. А на воскресенье пригласил к себе в гости домой на обед. Это была не только вежливость, но и демонстрация зажиточности — дом впечатлил итальянцев, особенно большой ухоженный участок в городе и на берегу моря. Мимоходом он показал и свою вторую квартиру.

— Жаль, погода не для прогулки на яхте.

Все это не прошло незамеченным.

На приемах должна быть хозяйка, Ирочка когда-то неплохо справлялась с такими обязанностями. Вакантную должность Павел предложил Валерии Ивановне — «ничего личного, только бизнес», объяснил, как этот бизнес важен и какой уровень делегации. Она на сей раз изменила своим принципам и согласилась. В роли хозяйки она проявила себя с лучшей стороны — и в ресторане, и за домашним обедом. Она руководила подготовкой, участвовала в общей беседе — английским владела лучше всех, кроме универсала-украинца. Ее внешность и статность произвели на мелковатых итальянцев большое впечатление. А относительная молодость повысила авторитет Павла как хозяйина и... мужчины. После появления Валерии Ивановны он это почувствовал. Гости не скупились на комплименты хозяйке и с итальянской непосредственностью говорили Павлу, что он счастливец, и прочее в этом духе. В бизнесе нет мелочей, и Павел умел этим пользоваться.

Между прочим, он подумал, что если бы в роли хозяйки, а особенно жены он представил гостям Надю, то реакция была бы другой — итальянцев наверняка бы это шокировало, как что-то неприличное. Их премьер-министр Берлускони все-таки не женился на таких молоденьких, только спал с ними. Пожалуй, Павел впервые так ясно представил себе реакцию окружающих на официальное появление Нади, если оно произойдет. Вспомнил, как он сам под каким-то предлогом отказался когда-то быть гостем на свадьбе Хвалова. Надя еще моложе, и разница в возрасте у них еще больше. Вспомнил остроты, которыми обменивался в тот период. А Павел все-таки имел в глазах общества более солидный бэкграунд, чем Хвалов, которого считали просто богатым парвеню с сомнительным прошлым. Что ж, за все нужно платить, и это придется внести в предполагаемый расчет.

Итальянцы в понедельник улетели на родину, и теперь Павел мог рассчитывать на союзников и даже друзей в итальянском консорциуме. Он не хвастался, когда говорил, что для дела мог быть и общительным, и доброжелательным — интересно, как по-итальянски звучит «свой в доску?», — но пока только для бизнеса.

Большую роль в этом сыграла и Валерия Ивановна, он был ей благодарен, но... возникло серьезное «но». Она вошла во вкус роли хозяйки Павла Лукова, на ее лице исчезли следы преподавательской строгости, она хорошела на глазах и становилась милой и женственной. Валерия Ивановна не говорила: «Теперь ты видишь, какая жена тебе нужна?», но это было понятно и без слов. А Павел понимал, что она права, для бизнесмена Лукова и всей общественности — можно сказать и так — это был бы самый естественный выход. Но даже в такое насыщенное время Надя не оставляла его в покое, не уходила из памяти.

Человек даже не с большой буквы, а обычный человек не мог оставлять Валерию Ивановну в заблуждении. Но получалось, что когда необходимость в ней отпала, то он... Словом, опять Павел пытался понять, что такое хорошо и что такое плохо. И решил тактично намекнуть, что ничего, в сущности, не изменилось. Не знаю, насколько тактично это у него получилось, но отмечу новое в его характере: Павел искренне переживал, увидев, как Валерия Ивановна сразу поблекла; прежде он бы этого либо не заметил, либо тут же выбросил из головы.

Он уже давно понял, что эмоциональная — вместо рациональной — жизнь приносит пока больше огорчений, чем радостей. Надеяться на радость впереди?.. О-хо-хо... Но такого раздрая в душе у него никогда еще не было. Если бы это зависело от него, он бы скорее всего вернулся в прежнее состояние и плюс женился бы на Лере. Но от него это не зависит.

Что ж, он будет делать то, что может, будет искать пути достижения Надежды... И не без иронии добавил: «Но все-таки с большой буквы».

Приближался конец года, работы у Павла было выше головы — различные виды отчетности, декларации, подведение итогов, что открывать, а что оставить в потемках, и бездна вещей, о которых мы договорились не упоминать — я в них не разбираюсь, а вам не интересно.

И все-таки мысли о Наде оставались едва ли не приоритетом. Он в принципе знал, что нужно делать — они должны оказаться в общей зоне, лучше всего по работе, других вариантов не видно. Но как ее приблизить, чтобы это не выглядело «покупкой» и самодурством?

В его офисе на другом этаже, в отделе Ирмы Моисеевны Лозовской сидел директор центров Полянский со своей небольшой группой. Вы, надеюсь, помните, который рвался на пенсию. С работой он не справлялся. Павел хотел бы заменить его Надей. Он даже думал, судя по разговорам с Григорием Ильичом, что она потянет эту работу, хотя — как вы понимаете — для него это было не самое главное. Но как сделать такую перестановку убедительной для всех, он не знал. Все будет шито белыми нитками, и вызовет еще большую антипатию с ее стороны и недоброжелательство коллектива, которое всегда возникает по отношению к новой фаворитке. И на это Надя — насколько он в ней разобрался — не согласится. Идея понятна, а вот органичного способа ее осуществить пока нет. И выдернуть ее из «Резонанса», где ей так хорошо, совсем не просто. А время идет. Павла раздражала его нерешительность и бездеятельность.

Нужно бы поговорить с Леней, опять-таки чтобы в основном послушать свои аргументы и проверить их убедительность. И может, в разговоре с ним возникнет какой-нибудь органичный вариант.

Кулик немного приболел, встречу удалось назначить только через неделю. Уже близко нелюбимые Павлом новогодние каникулы, когда все будут наслаждаться бездельем и горячительными напитками, на которые даже в бедной Украине средств хватает. Время не ждет.

Наконец они встретились в «Волне». Ресторан рангом пониже, чем «Дача». Но уже привычный и облюбованный.

Павел пришел первым, заказал из уважения к другу коньяк, тот предпочитал «Шабо», легкую закуску – красную рыбу, маслины, салаты.

Кулик появился очень сосредоточенный и важный.

Пригубили, немного закусили, и Павел сразу начал с самокритики.

– Подумал о моей проблеме? Это наверняка по твоей линии, нормальным такое поведение не назовешь. Есть разумные предложения для неразумной ситуации?

Кулик попытку облегчить разговор шутливыми интонациями не поддержал. Он был очень серьезен и, видимо, ответственно относился к поручению Павла «обдумать и посоветовать».

– Я хочу вернуться к тому, что тогда говорил. О любви. В применении к тебе, бизнесмену Павлу Лукову. Ты знаешь, что сказал мой любимый Бернارد Шоу? Если человек не влюбляется до сорока лет, то лучше ему не влюбляться и после. Тебе, гм, немножко больше... Но я не об этом. Я о другом. Есть любовь эгоистичная, только для себя. Это не любовь. Из серии – если не мне, так не доставайся же ты никому. Настоящая любовь думает в первую очередь не о себе, а о любимом человеке. Насколько я понял, ты говоришь, что не можешь выбросить ее из головы. Если бы мог, то выбросил бы. Я правильно понял?

Это так перекликалось с недавними мыслями Павла, что он не ответил, только сглотнул и с уважением посмотрел на Кулика.

— А где тут Надя? Что ее ждет, кроме твоих денег? В случае таких мезальянсов все остальное приносится в жертву, говорю тебе, как врач. У меня много пациентов из контрастных пар. Они часто — чем больше разница в возрасте, тем чаще — становятся моими постоянными пациентами. Как психолога. А Надя вообще из другой эпохи. Ну, допустим, какое-то время... Но что ее ждет через десять лет? Я не говорю о сексе, не будем о нем. Это непредсказуемая тема, может отказать и в двадцать. Об этом не будем.

— Не будем, — согласился Павел.

— Я о годах. Паша, мы все говорим одинаково.

— Что?

— Одно и то же. Не могу поверить, что уже мне столько лет. Я этого не чувствую. Как будто не про меня. Говорим? И в семьдесят будем говорить то же самое. Мы не верим, но это от нас не зависит. А в действительности это так. В семьдесят ты уже не обычный человек, и даже притворяться обычным не получится. Ты пожилой человек. Другая категория. И морально, и физически. Что-то выходит из строя что-то, функционирует иначе. С тобой уже надо возиться, подстраиваться. Ходить с тобой к врачу. Где болит, как давление? Давай туда не поедem. Давай туда не пойдem. Ей это кушать хочется, но тебе нельзя. И интересы меняются. Жизнь будет одна, общая, а возможности и желания разные. И это только начало — а ей будет всего тридцать! Тут хочешь-не хочешь, а ко мне на прием запишешься.

— И в обычном браке такое случается, а бывает еще хуже.

— В обычном браке в таких случаях разводятся, а стариков не бросают. Нормальная женщина это себе позволить не может. Тянут до конца — с моей помощью. Но и твое положение будет немногим лучше. Если ты ее любишь по-настоящему, то со временем станешь расстраиваться,

а может даже, страдать от того, что ей, такой молодой, приходится жить со стариком. Ты действительно не Хвалов. Если любишь — обеспечи и оставь в покое. Тогда ей незачем будет приносить жертву.

— Ну, Леня, ты от меня хочешь чего-то нечеловеческого. Это даже не облако в штанах... а просто какое-то облако. Я об этом много думал. И говорю не о жертве за деньги, а о любви. Только если будет ее любовь. Сколько-то лет счастья, даже десять, как ты говоришь, это совсем не мало. И плюс обеспеченность, тоже дело не последнее. Далеко не у каждого в жизни так бывает. Вот живой пример перед тобой — длинная жизнь, и если бы Надя... А когда я уйду... у нее еще будет будущее. Кстати, обеспеченное.

Кулик с подозрением взглянул на него.

— Паша, я тебя знаю. Ты даже в сумасшествии — считай это шуткой — авантюрист, но не фантазер. Мне кажется, что тебе кажется... словом, кажется, что у тебя есть какие-то основания считать, что ее любовь возможна. Есть?

Павел — было заметно — засомневался, стоит ли отвечать. Но ответил.

— Может, и есть... или кажется, что есть. Ты считаешь ерундой. Но у меня немалый опыт.

— Кто бы сомневался...

— Начнем с меня. Мне было с ней очень комфортно. Давно ни с кем так не было. Я никогда так долго не был ни с кем, круглые сутки. Мог ее не замечать, но чувствовал присутствие. И оно меня не напрягало, наоборот — успокаивало. Вот, скажем, Лера, уважаю, прекрасно отношусь. Но ее для меня бывает слишком много. С Ирочкой полетел на Мальдивы на пять дней — на третий хотел вернуться. А комфортность — это совместимость. Не часто в жизни она бывает.

— Ты, может, просто Надю не замечал. С тобой такое случается.

— Пять дней — вообще один на один, как тут не заметишь? И когда в аэропорту расстались, то чувствовал огорчение, а не облегчение. И по возвращении я сделал так, чтобы в новом доме ей помогли и чтобы в институт приняли — она из-за меня пропустила экзамен... Нет, это совместимость.

— Но ты все о себе.

— Да, о себе и своем опыте. И она чувствовала себя со мной комфортно, если я в женщинах разбираюсь. Иначе углы торчат во все стороны. Такое не скроешь. А для Нади совместимость, как я понял, это вообще проблема. Как, кстати, и для меня.

— Для тебя? Ты же всеядный.

— Потому и всеядный, что трудно совмещаю, только сейчас это понял. Но мы о Наде. Она даже придумала какое-то свойство — «сродство».

— Ну, это придумали задолго до нее, — но, видно, Кулика сказанное заинтересовало. — Да, сродство либо есть, либо... либо можно со временем нарастить, привыкнуть, но это не совсем то же самое...

Похоже, у него опять возникли аналогии, а это всегда Кулика сбивало с твердой позиции. Но он спохватился.

— Психолог не из худших, сообрази, какая реакция будет, если мы с Надей появимся? Что обо мне будут говорить? Помесь циника, дурака и самодура. От имиджа не останется ни следа.

— А каково ей будет? Выдержит Надя такое презрительное — а будет примерно так — отношение? Это вдобавок к сложностям с тобой.

— Помнишь, когда-то мы спорили о деньгах и о больших деньгах. В чем разница. Так в больших деньгах есть особенность. Если у нас с Надей — давай предположим — будет хорошо...

— Предположим, — скептически вставил Кулик.

— А общественность будет недовольна, то мы ее заменим.

– Кого ее?

– Общественность. Сядем на яхту и уплывем туда, где общественность не будет морочить нам голову. К примеру, в Италию, у меня там неплохие связи. Фирмы передам под управление слепому трасту. На жизнь я уже заработал.

– А что она будет делать в Италии?

– Учиться. Где захочет. Это ее мечта. Будет наконец иметь возможность...

Кулик замолчал. Покачал головой. Он был впечатлен.

– Красиво... хотя не ново. И ты на это готов? Жертва во имя любви... Ну, ты силен. Сатана. А знаешь, в таком варианте... Да... А я-то думаю, почему ты в безвыходном положении бодр и даже весел?

Кажется, Павел восстановил свой авторитет в его глазах.

– Надеюсь. Надежда юношей питает, отраду старым подает, сказал Ломоносов, – Павел снова насупился. – Если меня кто-нибудь не обскачет. Молодой и красивый.

Помните мои размышления о телепатии?

– Знаешь, – решительно продолжал он, – будем считать, что ты меня предупредил об ответственности и последствиях. Я принял к сведению, но решение не изменил. А теперь я тебе расскажу, что надумал. Но учти две вещи – сейчас о своих намерениях, сам понимаешь, даже упоминать нельзя, раньше нужно изменить ее отношение ко мне. И второе, пунктик Нади – вы привыкли все и всех покупать. Чтобы даже намек на покупку не выглядело. Именно это у меня не получается.

Он начал рассказывать о планах рокировки ее с Полянским...

И вдруг остановился. Глаза стали стеклянными, невидящими. Потом лицо расплылось в улыбке.

– Леня, дорогой! Ты мой счастливый талисман! Оказывается, есть простое и универсальное решение, которое распутывает весь узел проблем. Мой Гордиев узел. Есть идея на миллион долларов!

— Что ты надумал?

— Нет, Леня, я суеверен. Сначала обдумаю, проверю, исполню, и если получится — расскажу. А ты пока помучайся любопытством. Но мы пришли сюда не только говорить, а пить и есть. Переходим к этому пункту программы.

Сатана

На следующий день традиционная утренняя прогулка была более продолжительной, чем обычно. Идею на миллион долларов нужно было тщательно продумать, а на работе это сделать не дадут — конец года. С Любарским он решил пока не советоваться — ничего нового тот не скажет, и вообще пока ему не нужно знать о планах Павла.

Основные пункты были намечены, остальное экспромт, потому что реакция Нади и как велика ее антипатия к нему — обо всем этом можно было только догадываться. Но одно туманное воспоминание — то ли было, то ли почудилось — всплыло в памяти. Пригодится в критический момент.

Разговор должен состояться в офисе — если он ничем не закончится, то на обычную служебную беседу никто не обратит внимания. А при согласии сторон все и так станет известно. Опасения «подслушки» — без сомнения обычная мнительность. Кстати, результат этой мнительности: Малых включил в охрану специалиста, который регулярно проверяет безопасность в первую очередь его кабинета — там принимается немало решений, о которых никто не должен знать, например налоговая инспекция.

Словом, это будет официальный служебный разговор в офисе.

Поэтому при входе в свой кабинет он попросил секретаршу Леночку, которой, как и Раечке, было немногим

меньше пятидесяти и которая тоже прекрасно обходилась без отчества:

— Разыщи в «Резонансе» старшую сестру Спасову, пусть придет ко мне к трем часам. Есть дело.

Как видите, пока в рабочем режиме он обходился без таких слов, как «пожалуйста» и «попроси».

Распорядился вовремя, потому что с этой минуты дверь в его кабинет не закрывалась. В три часа Леночка сказала, что пришла Спасова. Павел выпроводил бригаду экономистов.

— Все, продолжим завтра, у меня дела.

Возражений не слушал, Леночке сказал принести два кофе и бутербродов. И не беспокоить ни визитами, ни звонками.

Кабинет был большой, традиционная т-образная расстановка двух столов, из которых один был длинный — для совещаний — выглядела официально. Поэтому Павел для личных бесед приспособил в дальнем углу у окна небольшой красивый столик, два удобных легких кресла, рядом стояли еще два — запасные. Можно было беседовать без официоза.

Когда Надя вошла, он сидел за большим столом. Поднялся с кресла — это было для нее неожиданностью, показал ей на маленький столик и перешел туда.

У него было время и возможность рассмотреть Надю во всех ракурсах. Она определенно хорошо выглядела, и особо он отметил, что к визиту готовилась, заезжала домой и переодевалась, сделала макияж, прическу — об этом доложил ему жизненный опыт, на который он ссылался в разговоре с Куликом. Никакого недовольства или антипатии Павел не заметил, она была спокойна и сдержана, но это ни о чем не говорило, выдержка — фирменная черта Нади.

Но я на правах автора могу поделиться с вами сведениями. В «Резонансе», разумеется, было удивление

и даже переполох, Надя, само собой, удивилась меньше. Единственное, что ее волновало, — не узнал ли Луков об аборте. Ее негодование достигло максимума — когда наконец он оставит ее в покое? Неужели придется увольняться? Жаль. Луков был далеко, вне зоны, и его существование где-то наверху работать не мешало.

Почему заехала домой, приняла душ, переоделась, сделала прическу, макияж — она не задумывалась. Представляла варианты реакции, если он действительно узнал о ребенке. Варианты были от просто негативного до хулиганского. Но когда вошла и увидела его, то ненависть неожиданно прошла, осталось только раздражение. Может потому, что они не просто знакомые, а может потому, что он — как и в прошлую встречу — показался ей чем-то обеспокоенным, не таким уверенным в себе, как обычно.

— Добрый день.

— Здравствуй, Павел Андреич.

Ему и раньше нравилось, как она говорила: «Андреич».

Павел подождал, пока она сядет за стол — Надя это отметила, — потом сел сам. Леночка принесла кофе и бутерброды с сыром и колбасой.

— Спасибо, Леночка.

Секретарша вышла, закрыла дверь. Ее ничего не удивило, дело обычное. И Надя знала о столике в кабинете, Светочка информировала. Пока ничего особенного.

— Угощайся. Давно не виделись, — Павел нащупывал интонацию. — Я буду по-прежнему на «ты»?

Надя только пожала плечами. А как иначе? Павел изменил тему, он понимал, что ее волнует — узнал ли он об аборте. Не нужно было заставлять ее нервничать, пусть успокоится, иначе разговор может не получиться.

— Надя, ты меня спасла. Без всякого преувеличения я тебе обязан жизнью. — Надя сделала протестующий жест, но это не выглядело убедительно, она и сама так думала. — Ты же помнишь, как я выглядел, когда начал

принимать антидепрессанты, был бы в лучшем случае овошем. Да что там, может, и до круиза бы без тебя не доехал.

Они оба одновременно вздохнули, вспомнили стоны и крики Павла. Это ее немного с ним примирило, посмотрела даже с сочувствием.

— Я знаю, ты обижена тем, что я был не всегда корректен. Извини.

Надя облегченно вздохнула, значит он не знает. И ответила сухо, в таком случае она не должна скрывать свое отношение.

— У нас были деловые отношения. Только бизнес, — и не удержалась, — а в бизнесе вы не слишком корректны.

— Почему только деловые? Я попросил тебя помочь мне. И ты это сделала. — Он помолчал. Потом постарался звучать как можно убедительней: — Надя, я снова хочу попросить тебя о помощи. Очень серьезная просьба и очень важная для меня помощь. Как и предыдущая. Хотя спасение жизни, — Надя опять сделала протестующий жест, — важнее всего, но и проблема, о которой я тебе хочу рассказать, пожалуй, достаточно серьезна.

Это был важный посыл идеи — не покупка, не взятка, а просьба о помощи, спасении от крупных неприятностей. Он увидел, что удалось заставить Надю почувствовать за него тревогу. Теперь нужно, чтобы она осознала свою роль в его жизни.

— Почему обращаюсь к тебе? Я тебя достаточно хорошо знаю. Ты очень ответственная и выдержанная, на тебя можно положиться, — ему в голову пришла пошлость; слава богу, она не пришла в голову Наде. — Я тебе очень верю, верю, что не предашь и не продашь. Это не комплимент, если бы я так не думал, то мы бы сейчас не говорили. И вторая причина — ты меня спасла, к кому, как не к тебе, с таким обращаться. Это ты поймешь после. И третья — начало истории связано, как ни странно, с тобой. Я прежде всего хочу попросить, чтобы ты согласилась

выслушать мою просьбу, и если ты откажешься помочь, чтобы никто о нашем разговоре не узнал. Ни один человек. Ни один!

Это было для Нади непростое условие. Она уже при-выкла советоваться с Гариком, а в возможностях Павла втянуть ее в какую-нибудь, скажем так, непростую историю не сомневалась. Но выслушать, отказать и потом не рассказывать никому — это можно. Она не Светочка. Любопытство и беспокойство взяли верх над осторожностью — каким образом этот благополучный и преуспевающий Луков попал в какую-то, судя по всему, опасную неприятность, сравнимую с его серьезной болезнью, и как она могла быть с этим связана?

Она дала слово.

Павел передохнул, предложил допить кофе. Он все-таки опасался, что Надя просто откажется иметь с ним дело, повернется и уйдет. Поэтому в начале разговора было столько «завлекашек». Он вспомнил разговор с Куликом. Сатана! То ли еще будет.

Пауза затянулась. И не выдержала Надя.

- Каким образом я попала в эту... историю?

Павел не ответил, встал, подошел к своему столу, вынул из тумбочки папку, вернулся.

— Вот, не хочу быть голословным. Хочу, чтобы ты не сомневалась в том, что я тебе расскажу. Дело серьезное. И чтобы поняла, почему об этом нельзя никому говорить.

Надя была вся внимание и беспокойство.

— Началось действительно с тебя. Я уволил Осмоловского, чтобы ты согласилась поехать со мной в круиз. — Наде это воспоминание удовольствия не доставило. — Его тесть Виктор Хвалов обиделся. Мы с ним в нормальных отношениях, почему не позвонил, не сообщил. Он намечал зятя на главврача «Медивана», но уволенного акционеры не утвердили. И предложил в довольно резкой форме взять его обратно и даже повысить, мол, ошибка вышла.

Павел замолчал, дал возможность Наде уяснить, что началось действительно из-за нее.

Она опять не выдержала.

— Не хотели поддаваться на угрозы? — В подтексте было — не из-за меня.

— Это только одна из причин, — после кажущегося раздумья дипломатично ответил Павел. — Хвалов дал мне срок. Но у него был давно компромат на меня, и обида подтолкнула его на попытку отнять у меня все диагностические центры.

Глаза Нади удивленно расширились.

И тогда Павел рассказал ей со всеми подробностями уже известную вам историю, показал документы, рассказал о проданном доме в залог, о формальной незаконности соглашения с Сапожковым, которое «пропало». И даже о царе Мидасе, чтобы подтвердить возможность быстрого и легкого решения суда.

— Все будет выглядеть просто и убедительно — есть хозяин, который на незаконно полученные деньги купил предприятия. Их нужно конфисковать в пользу государства, а нарушителя наказать. Это мошенничество, формально уголовно наказуемо, — Надя вздрогнула. — Я могу сослаться на то, что было соглашение, но никто слушать не будет, потому что оно тоже не совсем законно. Продать и получить деньги я не могу — имущество под судом, это аморалка и уголовщина одновременно. Во время продажи меня остановит суд, и прощай имидж.

— А я? Чем я могу помочь?

— Продать не могу. Но могу подарить, это не наказуемое. Но нужно иметь серьезные основания, чтобы не обвинили в обмане. Это очень важный момент.

Опять основательная пауза.

— Подарить за спасение жизни — что может быть более основательной причиной? Я могу, чтобы избежать рейдерского захвата, подарить честному человеку, который

не воспользуется ситуацией и в свое время большую часть вернет.

Вот теперь пауза стала необходимой. Спустя какое-то время Павел прервал попытку Нади что-то сказать.

— Погоди. Нужно знать все. Это бизнес, а в бизнесе должно быть выгодно всем участникам. Двадцать процентов должно остаться потом у тебя, это два с половиной миллиона. Кому, как не тебе, делать такое предложение? И все равно я останусь в долгу.

Опять тишина.

Надя умная девушка, она задала принципиальный вопрос:

— И что это изменит, они отберут их у меня.

Павел восхитился.

— Надя, зришь в корень! Молодец! Не отберут. Эта операция против меня лично. Я жулик и владелец одновременно. Поэтому особых разбирательств не потребуется. С новым хозяином, невинным человеком все не так просто. Они знают, что тогда их обвинят в рейдерстве. Дело даже не начнут. Сто процентов. А в крайнем случае — отберут только пять центров, которые я тогда купил. Два останутся у тебя, это твоя страховка. Кстати, один из них «Резонанс». Ты ничем не рискуешь. Только у них не должно быть доказательств сговора, того, что ты мне обещала часть вернуть. Поэтому важно — никому ни слова. И никаких документов, кроме слова.

Наконец Надя решилась сказать о самом главном. Она подумала о Гарике.

— Пал Андреич, но тогда станет известно о кризисе, все начнут судачить, что у нас было...

Это действительно самый опасный вопрос, центр кристаллизации проблемы. Павел мобилизовался, к этой теме он был готов.

— Надя, сложно, я понимаю. В жизни все не просто. Пусть думают, что хотят. Но ты спасла человеку жизнь,

это главная правда. И ничего плохого не делала. А все тайное может стать явным. Те, чье мнение для тебя важно, должны принимать тебя такою, какая ты есть. — Он метил в возможного соперника и попал в него. И продолжил другим тоном: — Ты не знаешь, но в кризисе в первые две-три ночи ко мне подступали кошмары. Я, наверно, начинал стонать. И во сне... или сквозь сон слышал, а может чувствовал, что ты прижимаешься ко мне И говоришь... сначала: «Павел Андреич, все хорошо, я рядом». — Он посмотрел в окно и продолжал как будто говорил себе. — А потом: «Паша, Пашенька. Успокойся, я с тобой, все будет хорошо». И что интересно, и после возвращения у меня пару раз было такое же. Подступал ужас, и мне казалось, я слышу: «Пашенька, все будет в порядке. Я с тобой». И проходило. Нет, — решительно сказал он, — ничего плохого ты не делала, и ни к кому другому я не мог обратиться, только к тебе.

Он посмотрел на Надю — она покраснела и отвела глаза.

— Я еще там хотел спросить, но не решился. Это было или все показалось?

— Не знаю... Может, тоже во сне... спросонок.

Значит это правда! В голове опять промелькнула отвратительная мысль: «Теперь ее можно брать голыми руками». Господи, когда он станет нормальным человеком?! Поэтому постарался дальше говорить нарочито деловым тоном:

— Надя, я продолжу так, как будто ты дала согласие. Условно. Чтобы закончить всю тему.

Она кивнула.

— Теперь не просьба, а бизнес. Конкретное предложение, которое не будет секретом ни для кого и объяснит нашу деловую встречу. После разговора с Григорием Ильичом я узнал, что ты отличный работник, о программах, о порядке, который ты навела. У вас доход

значительно выше, чем в остальных центрах. Твоя доля в этом большая. Полянский уходит на пенсию. Я хотел тебя назначить на его место. Оклад — четыре тысячи долларов.

— Меня?!

— Что меня останавливало: молодая медсестра станет директором, а ты непозволительно молодо выглядишь, — это выражение ему нравилось. — У нас пять кандидатов наук и один доктор профессор Седлин. Может быть сопротивление коллектива, подозрения в том... о чем мы говорили. Работать будет трудно. Но если ты станешь хозяйкой — твое право, никто и не пикнет. Давай так — при согласии все решается автоматически. У тебя есть пять дней на обдумывание, я должен успеть подготовиться к встрече с Хваловым. Сейчас, официально, я тебе предложил пост директора, будешь работать не со мной — с Ирмой Моисеевной Лозовской. Можешь поспрашивать у нее, что нужно будет делать, как у меня в офисе живет. Подумай обо всем. Насчет директора можешь отказаться в комплекте со всем прочим. Понятно?

Надя только кивнула, она была огорошена, столько всего обрушилось на нее.

— Жду твоего ответа. Надеюсь на него, подготовлю дарственную и прочие документы, но пока без фамилии. Это тебя ни к чему не обязывает.

Надя кивнула.

Павел полностью вернул энергичную манеру бизнесмена Лукова.

— Ну все, жду ответа. Главное — никому ни слова. Кем бы этот человек ни был. Счастливо. Извини, конец года, много работы.

Надя ушла.

— Сатана! — одобрительно сказал Павел. — Только бы не сглазить...

И постучал по столу.

Нелегкий выбор

Надя села на скамеечку недалеко от офиса и попыталась привести мысли в порядок. Было довольно холодно, ветрено, собирался пойти дождь — а может, уже накрапывал, но она этого не замечала. Больше всего сомнений вызывала необходимость самой решать: принимать или не принимать подарок Лукова. А не окажутся ли эти дары данайскими? Павел достаточно обосновал и подтвердил документами, что главное — абсолютная секретность, ни с кем нельзя посоветоваться... но именно это и вызывает наибольшие подозрения. Я уже не раз отмечал способность Нади неплохо разбираться в деловых ситуациях, но не таком уровне. Что бы ей посоветовал здравый смысл? В первую очередь, поговорить с Гариком, он дока в бизнес-интригах. Они бы наверняка проконсультировались у надежного и опытного юриста — шутка ли, миллионы долларов! Эта таинственность, хоть и обоснованная, определенно настораживает. Если учесть, что она не может даже проверить подлинность документов, то должна полагаться только на слова и порядочность Лукова. Поверить его особому отношению к ней. С какой стати, какие для этого основания? Луков использовал ее, не бесплатно, но использовал, почему не может сделать это еще раз? «Ничего личного, только бизнес».

И в то же время Надя почувствовала, что картинка слишком черная. Несмотря на выдержку и временами привычные хозяйские нотки в голосе Лукова, она почему-то ощущала его... небезразличие, что ли. Такое нельзя объяснить, можно только почувствовать. Да, квартира шла в оплату, но... она уже не сомневалась, что услужливость управляющего домом и неожиданное приглашение — именно приглашение — в институт не с неба свалились. Но можно ли на основании таких зыбких ощущений игнорировать вполне определенную опасность, о которой предупреждает здравый смысл?

Надя на время отложила решение этого сложного вопроса и с удовольствием, азартом, даже вдохновением вернулась к официальному предложению стать директором диагностических центров. А собственно, почему бы и нет? Семь центров, один из которых она отлично знает, в котором она — не будем слишком скромными — навела порядок. Причем не как старшая сестра, а как менеджер. Этого никто не отрицает. Конечно, руководить семью организациями — это другой уровень. Тем более организациями, где пять кандидатов и один доктор наук Седлин. Другие отношения, сложная связь между ними — взаимопомощь и в то же время конкуренция. Она иногда думала о проблемах центров и даже примерно представляла, что прежде всего нужно изменить. Много интересных вопросов, наверняка новых программ, и Гарик помог бы. Завтра вечером они встречаются...

А «подарок»... Стоит ли рисковать и решаться на такой шаг? Как видите, Надя была амбициозна, о чем вы уже знаете, но о богатстве не мечтала. Ей вполне достаточно было бы иметь интересную и ответственную работу, соответствующую зарплату, а четыре тысячи долларов — это больше, чем ей могло прийти в голову в самых радужных мечтах! Ей больше ничего не нужно.

Но если у Лукова действительно случится беда? И в какой-то степени из-за нее — хотя он сам сказал, что ее участие случайно и формально. Если действительно суд? Суд в Украине далеко не справедливый, это всем известно. Все-таки не чужой человек...

Стоп! Она же хотела его забыть, как дурной сон. Еще сегодня буквально с ненавистью думала: когда он оставит ее в покое? А аборт?! Так чужой или не чужой! Она улыбнулась удачному ответу — не чужой, но хуже чужого. Да, вряд ли она решится принять «подарок». Будет думать. А вот должность...

Дождь усилился, наконец она его заметила. Посмотрела на часы. Конец рабочего дня в офисе. Правда, и конец года... Ничего, она по делу, по важному делу. Не приезжать же сюда еще раз и отпрашиваться с работы. Она встала со скамейки, перебежала в вестибюль офиса, поднялась на лифте и пошла в отдел Ирмы Моисеевны Лозовской. Она бывала у нее время от времени, выполняя обязанности Григория Ильича. В отделе было уже почти пусто, народ разошелся. Надя подошла к ее кабинету, секретарша тоже ушла. Постучала в дверь и вошла.

Ирма Моисеевна, представительная дама лет пятидесяти, ухоженная, чуть полноватая, но еще в форме сидела за столом и просматривала какие-то документы.

— А, Надюша, проходи. Ты по делу или поздороваться?

Ирма Моисеевна к ней благоволила. Надя поблагодарила и села на стул возле стола.

— Думаю, по делу. Я понимаю, конец года. Постараюсь покороче. Меня вызывал Павел Андреич и предложил должность директора диагностических центров. Полянский уходит на пенсию... А как вы, Ирма Моисеевна, относитесь к такому предложению?

— Да, он мне говорил об этом. Что я думаю? — Ирма Моисеевна с улыбкой посмотрела на Надю. — Думаю, что ты молодец. И Григорий Ильич в тебе души не чает. Ну еще бы, ты выполняешь добрую половину его обязанностей. Про смартфон тоже знаю. Ты вполне могла бы справиться с работой...

Она замолчала.

— Если бы не... — подсказала Надя.

— Если бы ты не была такой молодой, а выглядишь еще моложе.

— Непозволительно молодо?

— Именно так. Просто будет тяжело. Соппротивление материала. Ты молоденькая сестра, а в этом материале пять кандидатов наук...

— И один профессор Седлин. Но я со своими лажу!
 — Наденька, тут другая ситуация. Они должны тебе подчиняться. Ты их босс. Слушаюсь — и под козырек. Это амбиции. Полянский тоже врач, а сколько было скандалов...

— Он влезал в профессию. Я не собираюсь.

— Я не говорю, что не получится. Но потребуется время. А у вас с Полянским минус.

— У нас с вами плюс.

— Знаю, Наденька, знаю. И в этом большая твоя заслуга. Я сказала Павлу Андреевичу: если он готов потерпеть год, может больше, пока ты... освоишься, я «за». Я слежу за тобой, и верю, что из тебя получится хороший менеджер. Но будет непросто.

Надя не понимала, радоваться или огорчаться тому, что услышала. И вдруг ей пришла в голову мысль.

— Ирма Моисеевна, хозяева бывают молодые и старые, умные и тупые, но их слушают.

— Это хозяева, правильно. Хозяину сам Бог велел подчиняться, он тебе платит свои личные деньги. А ты начальник. Большая разница.

Надя подумала: «Кажется, предложения Лукова проходят только в комплексе, по частям не получается. И такой опытный бизнесмен не мог этого не понимать. Да и Лозовская, значит, высказывала ему эти опасения? Так должность директора только морковка?»

Подозрений добавилось.

Они еще немного поговорили. Надя искусно — училась дипломатии — навела разговор на Лукова. В ответ услышала — крутой, жесткий, не миндальничает. Бывает грубоват. Но на подлость не способен(!) и слово держит(!), в отличие от многих его собратьев по профессии. А в последнее время даже стал помягче.

— Наденька, я почему с тобой обсуждаю начальство, чего делать не положено? Понимаю, почему ты

спрашиваешь, и хочу, чтобы у тебя была надежная информация для размышлений. Но если он тебя назначит на должность, то работать будешь со мной. И какой испытательный срок дает?

– Ирма Моисеевна, Павел Андреич, сказал, что решение зависит только от меня. От моего согласия. И ни о каких испытательных сроках речи не было.

– Да? – Лозовская определенно удивилась. – Ну, если он так сказал, то решай. Он слов на ветер не бросает. Я, чем смогу, помогу. Но и требовать буду. Решай.

После разговора с Лозовской Надя спустилась на этаж и зашла в комнату, где располагалась группа Полянского. Группы уже не было, а Полянский был. Невысокий, худощавый, седой, нервный. Ему было немногим за шестьдесят, а на вид больше, чем немного.

– Надя, ты ко мне? Я собирался уходить.

– Здравствуйте Семен Семенович. Я ненадолго. Говорят, вы собираетесь на пенсию?

– Собираюсь. Жду замены, хозяин ищет. А что? Ты хочешь меня заменить? – И он нервно засмеялся, шутка показалась ему удачной.

– Представьте себе. Мне хозяин предложил эту должность.

Эффект был поразительный. Полянский вообще не умел ничего скрывать, а сейчас усталость после очередного неудачного дня, расстроенная нервная система и неожиданное заявление Нади! Его лицо так отчетливо демонстрировало сменяющие друг друга мысли, что любой профессиональный мим мог бы позавидовать. Первой была радость – «наконец есть шанс уйти на покой». Но улыбка застыла, он окинул Надю не слишком уважительным взглядом – «на какую сопливаю девчонку меня меняют!» Потом появилось злорадство – «вам амбиции мешали подчиняться уважаемому врачу, что

сейчас скажете?» И наконец последнюю мысль он высказал вслух:

— Наденька, они вас съедят с потрохами!

Я думаю, нет необходимости пересказывать их дальнейшую беседу, и так все понятно.

Надя вернулась домой, перекусила на скорую руку. Она бы с удовольствием пошла по описанному выше славянскому пути поиска истины, но, увы, как вы знаете, была не в ладах с алкоголем. А бутылочка «Шабо» у нее в холодильнике оставалась — Регина предпочитала хранить коньяк у Нади, Толик иногда покушался.

Потом легла в кровать. Было только семь часов вечера, такого она не помнила «в обозримом прошлом». И стала размышлять, предполагать, отвергать, возражать, соглашаться. Завтра с утра всех в «Резонансе» заинтересует вопрос — почему ее вызывал «сам Луков». Что отвечать? О чем умалчивать? Конечно, о предложении стать директором всей организации нужно рассказать сразу и всем, чтобы объяснить причину вызова. Это как раз понятно. А вот фундаментальные вопросы — соглашаться ли на подарок в комплексе с директором или на одного директора? Или — самое безопасное — не соглашаться ни на что? И что рассказать Гарику — свидание завтра после работы.

К полночи она поняла, что от всего отказаться не сможет. Это опять будет означать возврат застарелой болезни — инфантильности, из-за чего она попадала в неподходящие ей ситуации, как сказал когда-то Луков. Нельзя избегать вызовов жизни, так навсегда останешься премудрым пескарем.

Но в таком случае, почему исчезла ненависть к Лукову? И даже враждебность?

Надя попыталась ответить на этот вопрос честно, не поддаваясь самообману — в неприятных вещах не просто признаваться даже себе. Это влияние золотого

теляца? Реакция на предложение денег и нового положения в обществе? То есть действительно всех, в том числе и ее, можно купить? Печальный вывод.

Хотя... если быть совершенно честной с собой, то, может быть, другой вариант – сама враждебность была следствием обиды. Но не за то, что произошло в первую ночь. Если совсем откровенно... она не только не сопротивлялась, но даже не сказала «нет», мало того, не скрывала, что ей было хорошо, хотя сама этому удивлялась. Если бы она возразила, то – почему-то была уверена – Луков бы остановился. И коварного замысла с его стороны не было, больной был слишком слаб и счастлив, чтобы чем-то сознательно и злодейски воспользоваться. А утром она не ушла. Обида и унижение вполне естественная реакция на то, что Луков демонстрировал «бизнес, только бизнес и ничего личного». Не видел в ней женщину. Привлекательную. Тем более молодую. И финальный аккорд – аборт! Так что изменилось? Изменилось. Теперь не только предложения, а – главное – ощущение его... безразличия смягчило обиду.

Надя не стала уточнять, какая из причин основная, согласилась на обе. Но так или иначе, она сейчас во многом верит Лукову и ее беспокоит его судьба. А раз так, то она скорей всего примет какой-нибудь вариант предложения. Или оба. Поэтому нужно начинать действовать, хотя бы для того, чтобы не было соблазна дать задний ход и снова обдумывать все с нуля. Как говорил Наполеон, сначала ввязаться в сражение, а там видно будет.

К утру Надя решила рассказать – разумеется, по секрету – Григорию Ильичу о том, что фактически спасла жизнь Лукову. Тогда предложение должности директора будет выглядеть более логичным. И запрета на это не было, Луков сам предложил ничего не скрывать. Если он в самом деле заинтересован в том, чтобы отдать все центры Наде, то такие слухи только помогут объяснить причину дорогого подарка.

И очень интересно – возникнут ли у Григория Ильича какие-нибудь подозрительные мысли относительно дежурства Нади у немолодого, а скорее даже пожилого бизнесмена? Он, так же как и Полянский, совершенно не умеет скрывать свои мысли. Надя его отлично изучила – подозрительный взгляд в сочетании с неловкостью будет означать, что ситуация показалась сомнительной. И конечно, интересно узнать, как отреагирует главврач на перспективу стать подчиненным своей любимой старшей сестры – очень любопытная ситуация. Тогда можно будет представить себе, что произойдет в менее благоприятных случаях.

Григорий Ильич, конечно, даст слово молчать, но у него тоже Светочкин комплекс, поэтому можно не сомневаться, что не быстро, не сразу, но информация распространится. И так, решено.

А нужно ли говорить об этом Гарику? Но было около пяти утра, и на Гарика сил уже не хватило. Завтра, завтра...

«Реквием» Моцарта

На следующее утро Надя с трудом встала и пришла на работу минут на пять позже обычного. В вестибюле ее с нетерпением ждали почти все сестры, работающие на первой смене. Зачем – сам хозяин! – официально! – через секретаря! – вызывал медицинскую сестру, хоть и старшую? Это было событие.

– Девочки, переоденусь и расскажу.

Но в это время вслед за ней вошел Григорий Ильич, который был заинтригован не меньше, чем сестры.

– Надюша, доброе утро, пойдём ко мне.

– Доброе. Хорошо, переоденусь и приду.

И Надя ушла к себе, оставив весь младший медицинский персонал в неведении.

Григорий Ильич с нетерпением ждал ее и прямо в дверях встретил вопросом:

– Ну, что случилось?

От любого начальства, тем более от хозяина, он ждал только неприятностей. Надя решила не затягивать интригу и ответила:

– Павел Андреич предложил мне заменить Полянского.

– То есть как это? Как это? Должность директора?

– Да, Григорий Ильич. Предложил эту должность.

– Ты серьезно?

– Да, я серьезно, и Луков серьезно. Должна дать ответ.

Григорий Ильич был человеком добрым и уравновешенным, но — я уже говорил — в отношении демонстрации своих мыслей мог бы посоперничать с Полянским.

Вполне естественное удивление сменилось искренней радостью, он всегда знал, что Наденька добьется успеха. Потом проявилось некоторое самодовольство, потому что именно он Лукову рассказал о способностях старшей сестры. Потом он наконец подумал о себе, а что он без нее будет делать? Намучился с этой Смирновой — что ж, за любое хорошее дело нужно расплачиваться. Потом появилась настороженность, значит Наденька теперь станет Надеждой Михайловной и будет давать ему указания? И автоматически мысль перешла на реакцию остальных. Он не был эгоистом, и в следующей фразе звучало беспокойство.

– Наденька, как ты сможешь с ними со всеми управиться? Их Полянский распустил, и это будет открытый бунт. Какой срок тебе дал Луков? Насколько я его знаю, он долго терпеть не будет. И какие полномочия?

Теперь было время выдать вторую заготовку.

– Луков поможет. Я вам по секрету хочу кое-что рассказать. Вам одному.

– Да, Наденька.

— Помните, когда я взяла за свой счет две недели, Луков тогда был у вас. Я тогда зашла...

И Надя стала рассказывать заготовленный ночью специально для Григория Ильича вариант ее отношений с Павлом. Это был первый вариант из тех, что пришлось ей в дальнейшем рассказывать различным слушателям. Григорий Ильич внимательно слушал, только иногда вставлял пару слов.

Надя напомнила, что Луков тогда пришел с направлением от доктора Кулика и выглядел неважно.

— Да, я заметил. Он плохо выглядел, и странно, глаза воспаленные...

Надя продолжала. Когда она вышла, Луков ее ждал в машине на улице. Он сказал, что плохо себя чувствует, опасается наступающей ночи, предложил ей быть его сиделкой, обещал хорошо заплатить. Всегда выдержанный хозяин был таким напуганным и встревоженным, что Надя согласилась подежурить. И действительно, ночью был криз, и она без преувеличения вытащила его с того света.

— Ужасно! Наденька, а что с ним было? Как ты это сделала?

Надя объяснила, что говорить об этом не будет. Медики должны хранить секреты больного.

— Да, да, конечно, я понимаю. Он не хочет слухов.

Утром она отвезла его к врачу Кулику. От больницы Луков категорически отказался. Они с Куликом выбрали некое курортное заведение за границей и предложили Наде сопровождать хозяина. У нее был отпуск за свой счет, и она согласилась. Доктор Кулик опасался своего пациента отпускать одного.

— И правильно сделал, что опасался, были проблемы, один он мог бы не доехать, — многозначительно закончила Надя свой рассказ.

— А как он сейчас?

— Нормально.

— Ну, слава богу.

Главврач, повидавший на своем веку всякое, тем не менее был впечатлен и даже не сделал попытки узнать, в каком районе земного шара находится упомянутое курортное заведение.

— Я не могу пока толком осознать все то, что ты мне рассказала. Но думаю, что в таком случае директором ты будешь. — Тут опять уже описанная гамма переживаний отразилась на его лице. — И думаю, что теперь мне нужно переучиваться и придется называть тебя Надежда Михайловна.

Надя улыбнулась шутке, в которой была доля правды, и подумала — успешных уважают. И если она станет хозяйкой, то даже доктор наук профессор Седлин будет почтителен.

А сигналов подозрения не было. Фривольные мысли об отношениях девочки и хозяина не возникали. Они с Луковым, по мнению Григория Ильича, были достаточно пожилыми людьми, во всяком случае по отношению к Наде.

После разговора с главврачом Надя сообщила сестрам, которые не расходились из вестибюля, что хозяин ей предложил заменить Полянского. Новость была встречена с восторгом. Сестры почувствовали, что у них в ранце тоже есть маршальский жезл, даже те, кто не знал об изречении Наполеона. Реакция врачей была сложной, во всяком случае, они ее не демонстрировали. Только рентгенолог, женщина самоуверенная и решительная, поддержала сестер и пожелала Надежде навести порядок в этом бардаке.

— Одна организация, а каждый сам по себе. Каждый заказывает запасные лампы, пленки, химикаты. Это сколько ж денег лежит без пользы? И ни у кого снегу зимой не допросишься. А Полянскому нужно оторвать... — и уточнила, что именно.

Примерно к обеду эта новость стала известна во всех диагностических центрах. Может, только в самом удаленном к концу дня. Первый этап закончился благополучно.

Надя стала обдумывать разговор с Гариком. Этот разговор сулил только удовольствия. Говорить о спасении Лукова она почему-то инстинктивно не хотела. Зачем? И так все логично получается. Она уже как-то рассказывала Гарику, что главврач очень хвалил ее работу хозяйину. И теперь естественно будет, что ее оценили и собираются бросить на сложный участок, который нуждается в руководителе более-менее современного уровня и в смартфоне. И если она согласится, то они станут не только близкими людьми, но и фактически сотрудниками. Нужен будет солидный уровень программирования, и кому, как не Гарику...

Словом, были примерно такие ожидания.

Они договорились встретиться сразу после работы в «придворном» кафе Нади «Огонек», вы там были, оттуда Юрочка увел ее к себе домой. Близко от работы, там можно было неплохо перекусить и было, как правило, немного народу. Сегодня вечером они с Гариком собирались пойти в филармонию, «Реквием» Моцарта в исполнении заезжего хора — это было событие. Надя с утра приоделась — платье, которое нравилось Гарику, и сапожки на высоком каблуке. В кафе они перекусят, до начала время есть. Надя с нетерпением ждала встречи — во-первых, потому что три дня они не виделись, соскучилась. А во-вторых — очень хотелось увидеть на лице Гарика радостное удивление. Такие новости! Пришла раньше назначенного времени и минут десять за чашкой кофе ждала. Выбрала столик подальше от бара, у окна. Народу было даже меньше, чем обычно, человек пять. Приятная обстановка, тихая музыка создавала фон и не мешала разговаривать.

Наконец появился Гарик.

– Привет, я уже заждалась.

– Привет, я вовремя.

Они обнялись и поцеловались. Надя эту процедуру уже выполняла привычно и естественно, даже иногда ей казалось, что с удовольствием. Все правильно, чувства, которые она испытывала по отношению к нему, желание видеть, говорить, быть рядом, должны в конце концов победить отсутствие «сродства тел». Любовь должна быть сильнее всех препятствий, а она уже почти поверила, что к ней наконец пришла настоящая любовь. Во всяком случае была убеждена, если бы до встречи с Гариком ее попросили описать будущего возлюбленного, то это была бы точная его копия, внешне и внутренне. Может, только... нос чуть-чуть поменьше... и немного побольше неуравновешенности и экспрессии. Я когда-то, в начале романа писал, что Надя, на мой вкус, стала слишком серьезной, теперь она те же претензии предъявляет Гарику, считает, что серьезности у них на двоих слишком много. Гарик говорит, что это профессиональное качество, он посредник между взбалмошными айтишниками и нетерпеливыми заказчиками. Поэтому привык логично и убедительно все раскладывать по полочкам. Словом, они сошлись на том, что с его дошностью и ее сдержанностью нужно бороться.

Они попросили бутерброды, воду. Бармен напрасно ждал – спиртного не заказывали, Надя, вы знаете почему, а Гарик не позволял себе за рулем, это входило в его принципы.

– Ты сегодня под напряжением. Двести двадцать вольт. Что-то случилось?

– Случилось, Гарик, случилось. Или точнее должно случиться.

И Надя постепенно, наслаждаясь все возрастающим интересом Гарика, подробно рассказывала, как через секретаря получила вызов самого Лукова, как все гадали, в чем дело, как она заехала домой и переделалась...

— Да расскажешь ты, наконец...

— Это в твоём духе. По полочкам. К двум часам я туда пришла. У Лукова для личных бесед в кабинете есть специальный столик... — тут терпение самой Нади закончилась. — Короче, Полянский, директор нашей фирмы, это семь диагностических центров, уходит на пенсию. Луков предложил мне его заменить. Предложил должность директора! С окладом, — пауза, — четыре тысячи долларов! Без всяких испытательных сроков. Только мое согласие. И пару дней на обдумывание. Уф! Как тебе эта новость?

Гарик удивился, потом задумался, восторга Надя не увидела. И почему-то почувствовала беспокойство. Но потом подумала: пусть опытный бизнесмен оценит предложение, может, увидит в нём что-то такое, чего Надя вместе с простодушным Григорием Ильичом не заметили.

Но реакция бизнесмена оказалась неожиданной, он молчал, мрачнел, стал пальцами выбивать дробь по столу, что служило признаком сильного раздражения. Теперь он на Надю не смотрел, уставился в стол.

— Гарик, да что с тобой?

Наконец он спросил:

— Как ты думаешь, сколько стоит ваша фирма?

— Не знаю, — после молчания: — Луков сказал, что процентов десять от его... как это?

— Активов?

— Наверно.

— Странно. Это примерно десять миллионов. Гм...

Подарить десять миллионов...

— Как... подарить?

Надя чуть не спросила: откуда ты знаешь? Но вовремя остановилась, поняла, что это просто фигура речи.

— Молоденькая сестра будет командовать как минимум полусотней квалифицированных врачей, это хуже, чем просто подарить. Обиды, скандалы. Зачем ему это? Странная история. Непонятно.

Он замолчал и мрачнел еще больше. Беспокойство Нади переросло в тревогу. Спустя какое-то время она нарушила молчание и обиженно возразила:

– Я не буду учить врачей, а заниматься тем, что делала – и неплохо делала – в «Резонансе». Не главврач, а менеджер.

– Директор, – процедил сквозь зубы Гарик. – Прошу тебя, дай подумать, помолчи.

– Мы опаздываем в филармонию.

– У нас дела поважнее.

На Надю он не смотрел, барабанил пальцами по столу, то ли играл на пианино, то ли работал на клавиатуре. Потом подозвал бармена и заказал:

– Сто... нет сто пятьдесят коньяка. – И когда тот ушел, сказал Наде: – Тебе тоже лучше выпить.

Вынул смартфон и что-то стал там разыскивать.

Надя верила в проницательность Гарика, но он ничего не мог знать о происходящем в действительности. В чем дело? Хорошо, что она ему не рассказала о спасении Лукова, было бы больше поводов волноваться. Наконец ее терпение лопнуло.

– Гарик, или говори в чем дело, или я уйду.

– Хорошо, – сказал он в той методичной манере, которая так не нравилась Наде. – Я знаю, что ты не любишь мою дотошность. Сейчас придется потерпеть.

Системный анализ

Бармен принес штоф с коньяком и две рюмки. Гарик, по-прежнему не глядя на Надю, налил рюмку себе, полрюмки Наде. Поднял свою, жестом предложил чокнуться – Надя не отреагировала. В ней произошла смена настроений. Для тревоги она не видела оснований, поэтому в ней зрело возмущение этим представлением.

Гарик свой коньяк выпил и наконец посмотрел Наде в глаза.

— Будем разбираться. Начнем сначала. Ты помнишь, как мы сильно поссорились недавно. Я обижался, что ты все время меня отталкиваешь.

— Я не отталкивала...

— Не в названии дело. А ты обратила внимание, что потом я стал более терпелив и совсем перестал на тебя давить?

— Да, и я тебе очень благодарна...

— Я объясню, что тогда произошло. Я, извини, имею некоторый опыт. Если к тебе женщина равнодушна, то ее не коробит от любого прикосновения. Наоборот, это приятно, это возбуждает, это первый признак того, что ты человеку нравишься. И хоть я к тому времени уже завяз... ну не по уши, но недалеко, — Гарик не любил красиво говорить о своих чувствах, — но решил, пока не поздно, бежать.

— Я не знала...

— погоди. Я решил, что тебе нравится моя, ну скажем... работа, и это замысел без чувств. На словах скучаю, рада видеть, а в душе пусто. И что твоя уравновешенность вполне может оказаться расчетливостью.

— Ну знаешь ли...

— Ты можешь потерпеть? Я сказал о своем решении Регине. Она, ну ты понимаешь, что она сказала. Что ты меня любишь — то, чего, кстати, ты мне не говорила. Подожди. Я не ей поверил, я верил себе, своему опыту. И сказал, что любящих, которые на пушечный выстрел к себе не подпускают, причем делают это инстинктивно, шарахаются или каменеют при любой близости, не бывает. Я же не говорю о койке, но обнять, поцеловать... И собирался уже уходить. Тогда Регина — видно было, чего это ей стоило, меня остановила и сказала, что такое бывает. Рассказала об аборте. Сказала, что Толика три месяца

не подпускала и спала отдельно. Психология женщины...
Что нужно быть чутким.

Надя молчала, не знала, как реагировать.

— Я решил, что все мы люди, все человеки. И стал чутким. Стал?

Надя кивнула.

— Я решил, что это был доктор, у которого ты жила. Мне не нравится эта история, но и тебе она не нравится. Неправильно будет говорить простил-не простил. Я тоже не ангел, а человек. Просто проехали. Принял. Но ты знаешь мой недостаток — я человек системный. Что-то мне мешало. Ну, например, ты не говорила, где была две недели отгула.

— Говорила, у родителей.

— Я как-то слышал твой разговор с мамой по телефону. Ты там не была. Мне мешала твоя квартира. Я понимал, что за полуторку в Виннице такую не купишь. А у тебя и рассрочки нет. Ты говорила, что доктор выгнал тебя из квартиры, даже не распаковав свои чемоданы, и вряд ли вы в такой момент стали с ним... Извини, но я хочу, чтобы неясного не оставалось. Но тогда откуда через два месяца аборт? Мне самому была противна эта дотошность, поэтому я запретил себе ковыряться в подозрениях. Тем более мы дружно говорили — если есть чувства, то не должно интересоваться, что было до нас. Вычитали в книгах...

Он скептически ухмыльнулся.

— И что изменилось? — спросила Надя, хотя уже догадывалась.

— Должность директора и четыре тысячи долларов оклад. Плюс проблемы, которые он согласен себе создать в десятиmillionном предприятии. Я сложил дважды два и получил четыре. Теперь все сходится, и никаких неувязок. Это Луков. Две недели отпуска неизвестно где, сроки аборта, квартира. — Он ткнул

в смартфон. — Посмотрел, точно, он совладелец новых домов в вашем районе.

Он замолчал. Надя не отвечала, и ее затянувшееся молчание можно было считать признанием.

— Да, это Луков, — подвел черту Гарик. И снова уставился на стол, наверно ему было больно смотреть на нее. — И что дальше?

Надя молчала. Совершенно растерялась. Такой поворот событий ей даже в голову не приходил. Она взяла свою рюмку — пригодилась — и выпила до дна. Потом сказала первое, что пришло в голову:

— Все случилось еще до того, как мы познакомились.

— Ну, конечно, до нас хоть потоп. В жизни так не бывает, это не литература. В жизни прошлое, настоящее и будущее — одна цепочка. — Он говорил по-прежнему логично и методично. — Вот видишь, прошлое сейчас стало настоящим... и, кажется, собирается стать будущим. Поэтому трудно верить человеку, у которого скелеты в шкафу. Сколько их там у тебя, один бог знает.

Надя хотела сказать, что только один, но вспомнила о «подарке» — и промолчала. Гарик, кажется, это заметил.

— Там целое семейство.

Опять помолчали.

— Я вообще не понимаю, как можно с кем-нибудь жить... в смысле быть, и все время думать: а вдруг он узнает об этом? На бочке с порохом.

— Ты прав. Мне стало легче... В какой-то степени, — поддакнула ему Надя, но это была неправда. Легче не стало, наоборот, она с ужасом подумала, что может снова остаться одна. До Гарика она фактически всегда была одна, а сейчас поняла, насколько он ей близок... и дорог. Неужели он уйдет? Нужно что-то сказать, объяснить... Но как тут объяснишь...

— Интересно, почему ты о докторе рассказала, а о Лукове нет?

— Две такие истории подряд никто бы не вынес, — она нервно засмеялась.

Гарик поддержал сквозь зубы. Но напряжение немного ослабло.

— И все-таки я хотел бы знать, как ты попала во вторую историю.

— Зачем тебе ворошить...

— Ну, во-первых, — он продолжал говорить сдержанно и методично, — это не банальная сексуальная история, которую можно пропустить — квартира, аборт и старый олигарх.

— Пожилой, — неожиданно для себя вступилась Надя.

Этого замечания он не перенес и наконец взорвался.

— Квартира — это деньги на тумбочке за удовольствие? Я хочу понять, с кем имею дело, — он так повысил голос, что бармен посмотрел на них с удивлением.

Гарик пытался взять себя в руки, но спокойно не получалось.

— Ты хотела видеть мою несдержанность — пожалуйста. Могу и дверью хлопнуть.

— Нет, Гарик, нет. Конечно, я расскажу.

— Да, пожалуйста. Только суть, без подробностей. И без постельных сцен — я не мазохист.

Ему никак не удавалось сдерживать голос и убрать из него скандальные нотки. Это было так на него не похоже, что Надя была удивлена даже больше, чем напугана и расстроена. Такой врыв темперамента продемонстрировал им обоим, что Гарик действительно не только «увяз по уши», но и гораздо глубже.

— Гарик, давай успокоимся. Конечно, я расскажу. Но это не был договор, как ты подумал. Моя сдержанность все-таки до такой расчетливости не доходит. Одно цеплялось за другое. Ты не перебивай, послушай. Даже тебе я не могу говорить обо всем, потому что я медсестра.

Она стала рассказывать, осторожно подбирая слова. Чувствовала, что Гарик на взводе, с трудом сохраняет кажущееся спокойствие и в ответ на неосторожно сказанное слово может сорваться и действительно хлопнуть дверью. А тут еще музыка перестала звучать, и казалось, каждое слово разносится по кафе.

— Помнишь, я говорила, что после скандала с Осмоловским взяла две недели за свой счет. При этом был Луков, сидел у главврача. И на улице он предложил мне побыть у него сиделкой. Гарик, он был очень болен. Нет, не спрашивай, просто поверь. Очень. И... с психикой тоже связано. Он страшно боялся ночи. Боялся не напрасно. Я согласилась, дежурила в соседней комнате. И начался криз. Это было ужасно. Я перепугалась, что он умрет. И никто не знает, что он меня нанял. Но самое страшное, конечно — его состояние. Это был кошмар. «Скорая» бы не успела, это я понимала. И вытащила его, — повторила почти заученное, — буквально с того света. Но еще одного кошмара он бы... не перенес. Это было ужасное нервное и физическое перенапряжение для обоих... И стресс. Он был слаб, счастлив, что вырвался из ада.

Она остановилась. Дальше было самое сложное. Как объяснить, какие слова подобрать? На ее лице было отчаяние. И Гарик не выдержал, пришел ей на помощь.

— Ладно, не мучайся. Это случилось. — Она кивнула. — Но как я понял, ты утром не ушла?

— Хотела, собралась, но он считал, что я талисман и спасу его. Он хотел ехать в круиз на две недели из Барселоны, лечиться отдыхом. Боялся даже говорить о больнице. Я думаю, боялся...

— Психушки?

— Я этого не говорила. Гарик, он упрашивал меня поехать с ним. Это была идея-фикс. С ними такое бывает. И боялся... антидепрессантов. Я сказала, что хочу квартиру только для того, чтобы он отстал. А он вдруг

согласился. И тогда... тогда я не устояла. Но о ней позже не напоминала — он сам все оформил. Луков человек слова. Гарик, разговор о квартире был уже... после всего, на следующее утро. Я знаю, для тебя это имеет значение — квартира не была... деньгами на тумбочке. Речь шла о поездке с ним. Вот такой набор, не приукрасила, не наврала, — она с трудом удержала чуть не вырвавшее «не утаила». — У его врача Кулика я взяла лекарства, сумку приборов, даже кардиограф, и поехала официально как сопровождающая медсестра. Это работа, своя каюта, ежедневный отчет, занесенный в его медицинскую карту доктором Куликом.

Надя решила повторить так удачно найденный в разговоре с Григорием Ильичом довод.

— Лукову есть за что меня благодарить, ужасы первой ночи не повторялись, но... если бы меня с ним не было, он мог бы до круиза не доехать.

Она не сказала о продолжении «лечения» в круизе, а Гарик — неглупый парень — решил не расспрашивать и поверить не сказанной вслух лжи. В какой-то степени это, утешила себя Надя, была ложь только наполовину, потому что аборт действительно был следствием первой ночи. Луков свои обещания сдержал.

Они замолчали. Гарик усваивал новые сведения, а Надя с тревогой ждала, будет ли принят сокращенный вариант ее отношений с Луковым. Наконец Гарик заговорил уже прежним, почти спокойным тоном и даже посмотрел на нее.

— Допустим. Но — если ты помнишь — было еще во-вторых.

Надя с облегчением вздохнула.

— Меня интересует, во-вторых, почему через три месяца Луков вспомнил о благодарности и решил облагодетельствовать тебя, жертвуя многим?

Надя с охотой поддержала новую тему.

— Прежде всего, Гарик, назначить меня директором это не такая уж жертва. Он знает, как я работала и, извини, в отличие от тебя знает суть этой должности. У нас есть особенность — врачи сидят за приборами и пишут заключения. И все. Это не больница. У нас главное — наладить порядок, снабжение, нормальное техобслуживание приборов, взаимопомощь вместо конкуренции — то, что мне удалось в «Резонансе».

— Я не говорю, что ты не сможешь. Тебе не дадут. Во всяком случае риск очевиден. Зачем это ему? И почему он приближает тебя к себе? Выводит в верха?

— А какая разница почему?

— Большая. Я вижу одну причину. Если он на тебя запал.

— Гарик! Ты ревнуешь? К нему? Как ты сказал — к старому олигарху?

— Не ревную, а опасуюсь. Я тебе не рассказывал, но мы ему делали работу. И один раз он присутствовал на совещании. Сидел сбоку. Почти не говорил. Но человек, который у них вел проект, все время оглядывался на него. Как кролик на удава. Такой человек зря ничего делать не будет, даже в благодарность. И говорят — он может все.

— Гарик, ты его видел. Я и он — это совместимо?

— Но было с ним то, чего со мной не было, — он процедил сквозь зубы и опять уставился на стол.

— Это ерунда! Главное — мне с тобой хорошо, а без тебя плохо. Это главное, все остальное приложится, никуда не денемся. Неужели ты не понимаешь? Это мое место. Куда ни пойдём, с кем ни говорим, что ни делаем — я с тобой на своем месте. И с чего ты взял, что он... зациклился?

— Не знаю. Женщина должна чувствовать, если к ней... равнодушно.

Наверно, Надя покраснела, вспомнила, что именно равнодушные почувствовала в разговоре с Луковым.

Умница Гарик. Хорошо, что он устался в стол и на нее не смотрит.

Снова молчание. Надя поняла, что он приходит к какому-то решению. Она знала — его айтишники считают, что их хозяин обычно всесторонне обдумывает проблемы, но, приняв решение, очень редко его меняет. С ней он был помягче, но и ответственности такой, как сейчас, не было. Может быть, их встреча из тех, которые выпадают раз в жизни? Сохранят они свои чувства или позволят то ли обстоятельствам, то ли чужой воле их разрушить?

— Надя, я знаю, что на тебя давить бесполезно. Поэтому скажу, чего я не смогу выдержать, даже если захочу. Если ты согласишься на его предложение, я не смогу поверить, что за этим не стоит продолжение.

На этот раз Надя определенно покраснела. О продолжении она не могла рассказать, дала Лукову слово. Но ведь можно покраснеть и от возмущения? Гарик должен ей верить, если любит! И тут же возникла другая мысль: а можно ли ей сейчас верить?

— Как бы я хотел, чтобы у нас все было, — продолжал он. — Ты отказываешься от предложений Лукова, остаешься в «Резонансе». И мы будем жить вместе. Наденька, я знаю, что другого варианта не выдержу. И тогда лучше ужасный конец, чем бесконечный... твоя любимая поговорка. Луков тебе дал срок, решай за нас двоих.

Надя в ответ только вздохнула. Она другого ответа, после того как Гарик понял роль Лукова в ее жизни, и не ожидала. Можно ли надеяться, что он в конце концов примирится с ее решением принять пост директора? Маловероятно. И уж совсем невероятно, что он когда-нибудь согласится, чтобы она приняла «подарок». А слухи о них с Луковым, неизбежные и после назначения, и тем более после подарка? Нет, это исключено. Тогда действительно лучше ужасный конец. Но почему она не отвечает

Гарику? Ведь самое естественное — она должна была бы горячо согласиться с его желанием. Именно этого он от нее ожидает. Но она молчит... Странно, и ей самой это тоже кажется непонятным.

Хотя... Отмалчиваться было больше невозможно, но и принимать решение Надя пока не готова. И в этом, если вдуматься, ничего странного. Она начала говорить, еще не додумав ответ до конца. И постепенно перешла в наступление.

— Гарик, я бы тоже хотела принять участие в обсуждении. Оно должно быть совместным. — Он согласно кивнул. — У меня тоже есть свои во-первых и во-вторых. Во-первых, ты подозреваешь, что Луков... заинтересован во мне. Уверена, это ерунда. Но я найду способ убедиться, так ли это. Интрига или просто деловое решение, которое удачно совпало с благодарностью. Не так уж сложно это выяснить даже у хитрого бизнесмена. И если все не так, как тебе кажется, тогда не понимаю, почему из-за твоих подозрений я должна отказываться от того... о чем можно только мечтать. Будет глупо и не очень ... честно заставлять меня выбирать между тобой и положением в обществе. Почему не совмещать? Вот ты недавно заподозрил, что меня соблазняют твои деньги. Да, не так грубо, но, по сути, именно так. А может, тебе удобней, чтобы я была простой медсестрой, а не руководителем не ниже тебя по рангу, — она подумала о «подарке», — и даже более солидном?

Во время этого монолога ее самосознание поднималось все выше и выше. Наступило равновесие. Это понял и Гарик. Он улыбнулся — улыбка получилась не очень жизнерадостной — и сказал:

— Ничья. Один-один. Мы с Павлом Андреевичем Луковым будем ждать твоего решения.

На «Реквием» Моцарта они уже не пошли.

Рубикон

Они договорились встретиться после того, как Надя не только примет решение, но и согласует его с Луковым, то есть когда оно станет окончательным. По-моему, это было разумно — не стоило попусту трепать друг другу нервы, отношения от этого лучше не становятся. Во всяком случае Надя с удивлением поняла, что при телефонном звонке с облегчением читает на определителе другую фамилию, не Гарика, и одновременно по нему привычно скучает. Она знала — о чем бы они не говорили, все равно будет звучать вопрос: ну как, решила? А до решения было далеко.

Она никогда не жаловалась на сон, но сейчас (невольнo вспоминала Лукова) ожидала ночи с тревогой. Долго не засыпала, просыпалась от каждого звука, потом опять ворочалась, пытаясь заглушить в себе постоянную борьбу между «за» и «против». И все-таки она понимала, что «против» был только один Гарик, а «за» довольно основательный комплекс из перспектив, интересной работы... и большой зарплаты. «Против» должно было бы быть и недоверие к Лукову, ожидание подвоха — но нет, беспокойства по этому поводу она почему-то не испытывала.

Надя была человеком активным, поэтому одни только «терзания» без каких-либо реальных действий ее раздражали. И она решила не тратить понапрасну времени и посетить парочку центров. Поговорить, узнать, как у них идут дела, и — интересно — как там встретят новоявленного кандидата на должность начальства.

Она отпросилась на два дня у Григория Ильича, который не посмел отказать будущему директору, и за это время побывала в четырех центрах.

В общем, она убедилась в том, что ее представления о проблемах организации соответствовали действительности. Опять-таки не хочу поднимать производственные

темы, но в двух словах, чтобы объяснить настроения Нади.

Полянский последние годы устал, выдохся и, чтобы облегчить жизнь, провел — как острили — децентрализацию центров. То есть практически дал всем полную самостоятельность. Поэтому у одних были лишние запасы, у других чего-то не хватало, у третьих хаос в техобслуживании и т. д. Каждый сам по себе, а это обходилось недешево. Надя довольно ясно поняла ситуацию и уже представляла себе, что примерно нужно делать. Врачи пусть занимаются своими врачебными делами, у них документации без того хватает. А учет, расход материалов, снабжение, график обслуживания — эту работу нужно возложить на сестер под руководством старшей сестры — как было у них в «Резонансе». Планировать и отчитываться нужно не на листочках и в блокнотиках, а в компьютере, который все знает, все учитывает и вовремя напомнит. И все данные должны поступать наверх, в дирекцию, где их нужно увязать, чтобы нигде не было лишнего, всего хватало и учитывало взаимопомощь. Без смартфона это невозможно... Словом, все было очень интересно, и могло дать в короткие сроки значительное увеличение прибыли.

Как от этой увлекательной работы можно было отказаться? «За» в отношении должности директора получило подтверждение.

Встретили ее... встретили по-разному. Сестры даже, я бы сказал, радостно, мнение о ней в среднем и младшем персонале было хорошее. А врачи, в первую очередь главврачи, вежливо-недоброжелательно. И только профессор Седлин, который считал себя человеком откровенным — по мнению многих скорее был откровенным скандалистом, — сказал, что от Лукова такой глупости не ожидал и с ним еще поговорит. Это высокопрофессиональное учреждение, а не детский сад. И предложил Наде не валять дурака.

Это только добавило «за» в отношении «подарка».

А когда усталая и переполненная новыми впечатлениями она возвращалась домой, бродила по квартире, кушала, что бог послал, пыталась посмотреть телевизор и думала о грядущей ночи — то «против», в лице по-прежнему только одного Гарика, усиливалось с каждой минутой.

Она пыталась примирить эти две противоположные тенденции, убеждая себя, что Гарик поймет, поверит ей и примирится с ее согласием. Получалось плохо, особенно, учитывая будущий «подарок». Можно сказать — совсем не получалось.

В конце концов внутренняя дискуссия дала свои результаты — к ней пришла разумная, как ей показалось, идея. Прежде всего нужно было понять, не связаны ли истинные планы Лукова с «небезразличием». Она, как и обещала Гарика, нашла убедительный и очень простой способ выяснить это — нужно начать разговор с небольшого сообщения, всего несколько слов. Если в основе предложений Лукова все-таки лежит банальная покупка, то он сам — после этого сообщения — под каким-нибудь предлогом даст задний ход. То есть ей нет смысла выяснять «за» она или «против», Надя соглашается на максимум — на «подарок», а окончательное решение фактически остается за Луковым.

Она успокоилась, и это было очень вовремя, потому что оговоренный «день икс» наступил. С утра позвонила секретарю и попросила назначить ей встречу с Павлом Андреичем. Секретарь была очень вежлива, предложила подождать, не отключаться и после небольшой паузы ответила:

— Пожалуйста, в полпятого сегодня, если это вас устраивает.

— Спасибо, устраивает.

Жребий был брошен. Осталось перейти Рубикон.

Надя вошла в приемную минут на десять раньше назначенного времени, но секретарша Леночка сразу сказала:

— Проходите, вас ждут.

Она вышла из-за стола, подошла к двери кабинета, приоткрыла.

— Павел Андреевич, к вам Спасова. — Наверно, Луков кивнул. — Входите, Надежда Михайловна. — И распахнула дверь.

Надежда Михайловна! Хороший секретарь должен чувствовать обстоятельства.

Надя вошла. Уже было темновато — декабрь месяц. Павел сидел за столом и указал на ближний к нему стул стола заседаний. Это означало, что будет не беседа — как за маленьким столиком, — а деловой официальный разговор.

Поздоровались.

Встреча была очень важной, если не сказать судьбоносной, поэтому я буду добросовестно исполнять свои обязанности — сообщать вам не только то, что они говорят, но и о чем думают.

— Павел Андреевич, включить свет?

— Не нужно, Леночка, спасибо. Пусть глаза отдохнут. Устал.

Дверь закрылась.

Надя отметила, что вид у него действительно усталый и не такой высокомерный и самоуверенный, как обычно. И впервые подумала, что быть крупным бизнесменом нелегко. Не только пироги и пышки, как кажется снизу.

А Павел решил, что она выглядит хорошо и, пожалуй, еще помолодела. А может, расстояние между ними увеличивается? И еще — не заметно тревоги, спокойная уверенность в себе. Это ей свойственно, но сегодня все-таки особый случай. Значит, все продумала, готова. И действительно, после небольшой паузы именно Надя повела разговор.

– Павел Андреич, можно спросить – ничего не изменилось после нашего предыдущего разговора? Может, Хвалов оставил свою затею?

Павел вздохнул.

– Нет, Надя. По моим сведениям, прокурор уже оформляет дело. Они надеются проскочить. Я говорил – соблазняет простота. Я незаконно купил, и я же хозяин. Осудить и забрать – дело одного заседания. Если хозяин другой, то отобрать у невинного человека – принципиально иной вариант. Времени у нас в обрез. Что ты решила?

– Принять ваши предложения.

Павлу не удалось скрыть облегчения.

– Но у меня есть пару вопросов, которые могут быть принципиальными, хотя я в таких делах не очень разбираюсь. – И она перешла к задуманному сообщению: – А если я выйду замуж в ближайшее время... это имеет какое-то значение? Что-то изменит?

Павла как будто ударили обухом по голове, и он даже почувствовал, где этот обух приложился – к затылку. Но «закаленному судьбой бойцу с седою головой» удалось сделать свой шок почти незаметным. Голос не дрогнул, остался таким же спокойным и доброжелательным.

– А что, собираетесь?

– Планируем.

Но Павлу все-таки не удалось справиться с вазомоторными реакциями. Кулик был прав – ими управлять невозможно. Он не покраснел, не побелел, он почернел. В литературе такое определение часто используется, а сейчас Надя, кажется, увидела этот феномен собственными глазами. Почему «кажется» – было темновато, он откинулся на кресле и оказался в тени. Но все-таки вместе с женским чутьем его вазомоторная реакция сказала Наде, что «неравнодушие» есть.

Павел пытался выиграть время.

– Да, есть некоторые аспекты...

Он стал перебирать листы, лежащие перед ним на столе.

Что делать? Отказаться? Обычный человек, даже с не очень большой буквы, который зарождался у него внутри последний месяц, так бы не поступил. Павел почти убедил себя, что будущее Нади важно для него само по себе. И в помощь человеку Лукову выступил победительный бизнесмен Луков, который не привык признавать свое поражение и считал, что нужно сражаться до конца. Обещать не значит жениться, а планировать еще не значит выйти замуж. Обе эти ипостаси помогли Павлу выйти из ступора и продолжать намеченное.

— Собственно, есть только одно обстоятельство, и притом не юридическое — не стоит иметь детей хотя бы пару лет. Ты же будешь не только получать дивиденды, но и налаживать бизнес. Почему я предлагаю пост директора? Дело не только в благодарности. Ты, Надя, уловила главное, я это понял, когда говорил с Григорием Ильичом. Лечить у вас некого, не больница, поэтому старшая сестра должна быть менеджером, а учет нужно поручить сестрам, каждой в своем кабинете. И главный менеджер — директор. Врачи пусть своими делами занимаются. Плюс, конечно, смартфон. Все правильно. — Павел окончательно пришел в себя. — А насчет будущего мужа — если он появится, — то в договоре мы предусмотрели, что кроме тебя, никто не будет иметь на этот бизнес ни малейших юридических прав. Это мы умеем. Все вопросы?

— Есть еще один. Я, конечно, буду с вами советовать в важных случаях, но если я стану только вице-председателем, то все это быстро поймут и сядут мне на голову — вместе с вами. Как сказал бы в таком случае наш бывший президент — хозяйка так хозяйка! Какую самостоятельность вы мне даете?

— Молодец, Наденька, я в тебе не ошибся. Но как бизнесмен бизнесмену скажу — юридически у меня нет и не будет никаких прав указывать тебе что-либо. Поэтому

все будет зависеть от тебя. Сможешь слушать настолько, насколько захочешь, а мне первое время безопасней вообще не вмешиваться. Я рискую, но верю в тебя. Это называется оправданный риск.

— Я ничего не должна платить, налог на подарок, какие-то штрафы?

— Само собой. Все сделали мы. Что можно взять у человека, у которого ничего нет? Поэтому тебе бояться нечего.

— У меня есть квартира.

После этого замечания они оба с удовольствием заулыбались.

Павел продолжил.

— Мы полностью подготовили все документы. Нужна только твоя подпись. Возьми домой, посмотри, посоветуйся. Только ради бога недолго, у нас каждый день на счету...

— Я подпишу сейчас. Доверяю вам, Павел Андреич. И потом, если вы захотите, то проверь не проверяй, обманете, с вами мне не тягаться.

— А твой жених помочь не может? Чем он занимается? Надя колебалась, говорить — не говорить.

— У него компьютерный бизнес, — помолчала. — Он с вами работал, делал проект. Даже как-то участвовал в обсуждении, на котором и вы были. Вряд ли вы его помните...

— Погоди, как фамилия?

— Гарри Иваненко.

— Почему, помню, странное сочетание имени и фамилии. Чернявый такой. Симпатичный. Толковый и уравновешенный. Как и ты.

Надя поморщилась, кажется, их уравновешенность заметна с первого взгляда. А Павел про себя отметил, что парень амбициозный и ему не понравятся неизбежные слухи после «подарка». Поэтому Надя не хочет брать

домой документы. Да, обещать — не значит жениться. Он приободрился.

— Хорошо. Если у тебя все, теперь последнее. Я не хочу, чтобы к тебе приставали с расспросами. Поэтому предлагаю вариант. Эту статью завтра напечатают в газете и продублируют в Фейсбуке. Почитай. Распространим наш вариант причины дорогого подарка. Тогда ты сможешь на все вопросы не отвечать или отвечать — «без комментариев».

Статья называлась «Цена жизни».

«Один из самых богатых бизнесменов нашего города шестидесятилетний Павел Андреевич Луков в деловых кругах слывет человеком с дьявольским чутьем. Шутят — а в каждой шутке есть доля правды, — что именно дьявол ему помогает предвидеть неизбежные в нашем украинском бизнесе проблемы, избегать ловушек, а уж в умении выбираться из самых сложных ситуаций ему нет равных. Но это в делах, а недавно и в самой жизни он проявил такое же необыкновенное чутье, только на сей раз определенно ему помогал не дьявол.

Последнее время окружающие стали замечать, что Луков очень переутомился. К тому же после смерти матери, с которой он прожил всю жизнь, появились определенные признаки депрессии. Нужно было идти в отпуск. Однако дела не отпускали. Но вдруг Луков почувствовал, что над ним сгущаются тучи, что в ближайшее время будут проблемы. Он, как обычно, поверил своему чутью. Поехал в принадлежащий ему диагностический центр, сделал ряд анализов. Ничего страшного, есть проблемы с сердцем, но тоже не критические. И все-таки Луков больше поверил своему чутью и состоянию, чем медицине. На следующий день он отправлялся в отпуск, но наступающая ночь его почему-то пугала. Он попросил старшую сестру центра, молодую, но имеющую опыт работы в больнице, побыть его сиделкой, подежурить

в соседней с его спальней комнате сегодняшнюю ночь. Хозяину не отказывают.

Сестра Спасова и лечащий врач Лукова Леонид Кулик хранят медицинскую тайну. Но не скрывают, что это была ужасная ночь, и что, если бы не дежурила той ночью опытная сестра, скорей всего утро бы бизнесмен не встретил. Собственное чутье и медсестра спасли ему жизнь.

На следующий день Луков постепенно пришел в себя и после небольшой медицинской проверки к вечеру улетел куда-то на отдых, а возможно, и подлечиться. Куда? Любая точка на земном шаре ему доступна... Вернулся посвежевший и загорелый.

Как достойно отблагодарить спасительницу?

Он знал, что, несмотря на молодость, она не только хорошая сестра, но очень толковый менеджер, владеющий и секретами «организация в смартфоне». Это во многом ее заслуга, что центр «Резонанс» стал преуспевающим и образцовым. И благодарный пациент предложил Надежде Спасовой не только пост директора всей «Диагностики», состоящей из семи таких центров, но и отдал ей эту фирму в безвозмездную собственность. Все в мире относительно, и такой богатый, на взгляд простых смертных, дар — это только несколько процентов его империи. Жизнь того стоит, решил Луков.

А я добавлю — все с собой не унесешь.

Дмитрий Царьков».

Это был известный одесский журналист.

Они немного помолчали. Возражений у Нади не было, хотя удовольствия статья не доставила. Павел это понял.

— Говорят — искусство требует жертв. Бизнес тоже. За каждое приобретение приходится расплачиваться.

— Я понятно — репутацией. А вы чем?

— Степенью ненадежности. Здоровье, сердце... Объявил всем официально. Сейчас будут пытаться оторвать куски.

Понимают... ситуация с наследниками у меня сложная. Хвалов не первый и не последний. Финальную фразу статьи — все с собой не унесешь — журналюга вставил от себя. А я оставил. Есть в этом смысл. На все уже не то чтобы сил... желания не хватает. Вот хотел добавить к цепочке центров лабораторию микробиологии, все руки не доходят. Можешь присоединить. Средства есть и даже предварительный договор. Хотя, постой... кажется, ты поступала на биологический?

— А вы не помните?

— Сейчас вспомнил, — Павел сказал это с такой наивной искренностью, что Надя поняла — приглашение в институт его работа. И вот лаборатория микробиологии...

Доказательств небезразличия было более чем достаточно. Может, бежать, пока не поздно? Соблазнов становится все больше, они ее окружают со всех сторон. Еще недавно она обещала себе и Гарику — если почувствует интригу, то немедленно уйдет. И вот интрига очевидна, а злости на Лукова и отвращения к ситуации нет...

Почему не уходит? Может — успокоила она себя, — потому что игра пошла почти в открытую? Теперь он знает, что любовницу из нее сделать не удастся.

— Давайте, подпишу.

Пока она решительно подписывала бумаги, в голове появилась дурацкая мысль: «А если не любовницу, то удастся?» И одновременно еще более неприятная — если бы в качестве альтернативы Гарик не предложил жить с ним, она, возможно, бы еще подумала.

Приходит же всякая чушь в голову.

Вечером она отослала Гарику статью «Цена жизни». И приписала: «Выйдет в газете завтра. Остальное ты знаешь».

Он ответил: «Больше не звони. Желаю успеха».

Хозяйка

Через три дня Павел пригласил к себе в кабинет группу во главе с Полянским — Ирму Моисеевну Лозовскую, кого-то из кадровиков, главврачей и старших сестер «Диагностики» и представил им новую владелицу и по совместительству директора этой фирмы. Газета и социальные сети отработали новость, все, кому это было интересно, уже были в курсе дела, поэтому представление прошло спокойно, никаких вопросов, удивления, не говоря уже о сомнениях, не было. К уважению священного права частной собственности добавлялось уважение к хозяину, иногда очень похожее на страх. Да, Павел действительно стал помягче... но ненамного.

После совещания Луков предложил Наде задержаться и сказал, что Хвалов отменил наступление.

— Он убежден, что без помощи дьявола тут не обошлось, — прозвучало самодовольно. — Сейчас Осмоловский возвращается из затянувшегося свадебного путешествия в теплые страны. Я бы тебе посоветовал взять его на старое место, показав, что ты выше этого. И эпопею можно будет считать законченной.

Надя согласилась, она действительно чувствовала себя выше этого.

Полянский должен был передать ей дела и еще месяц — как он жаловался доверенным лицам — работать нянькой Спасовой. Но, вероятно, условия ему предложили неплохие, потому что он был с ней предельно предупредителен. Появился свой юрисконсульт и еще несколько официальных лиц, потому что «Диагностика» выделилась в самостоятельную фирму. Часть бухгалтерии осталась общей, пришлось кое-кого уволить, внести и структурные изменения... Но это вещи, в которых мы с вами не разбираемся. Словом, я в очередной раз обещаю в производство не влезать, только необходимый минимум.

Надя кроме этих ответственных дел при каждой возможности «шла в люди» — непосредственно в центры, передавала старшим сестрам свой опыт менеджмента, обучала программам, о которых вы уже знаете.

Приняли ее спокойно, статус хозяйки отлично сработал. С младшим составом она всегда находила общий язык, а врачи были довольны тем, что она их частично освобождала от неприятных хозяйственных обязанностей. Правда, профессор Седлин на каком-то сборе ей нахамил, но тут же был уволен. Она прямо с совещания позвонила в офис и сказала:

— Оформите приказ об увольнении Седлина. Проследите, чтобы все, что положено, было выплачено и все условия законодательства соблюдены. У господина профессора не должно быть поводов на нас жаловаться.

Присутствующие без возражений восприняли решительность новой хозяйки, потому что заносчивого профессора не очень любили. Любая возможность бунта была подавлена на корню, после этого замена двух старших сестер прошла безболезненно.

История с Седлиным имела продолжение. Он потом долго никуда не мог устроиться — они вместе с Надей подозревали, что кто-то из вышестоящих этому способствовал. И спустя два месяца изгнанный вернулся с извинениями типа «я больше не буду». Хозяйка продемонстрировала, что она не только сурова, но и человечна. Его взяли.

А были ли слухи, «порочащие честь и достоинство» Нади? Конечно, это была первая и естественная реакция общественности.

— Луков с ней переспал или собирается. Скорее уже переспал, и ему понравилось. — Вера Неделька, пикантная разведенная 35-летняя — любимый возраст Лукова — бухгалтерша, которая сама не скрывала своего увлечения боссом, в этом не сомневалась. Она назвала Надю «первая леди», и это надолго прижилось в офисе.

Я сказал, что «переспал» было первым объяснением, но потом многие — во всяком случае сотрудники офиса Лукова и «Диагностики» — мнение изменили. Уж очень пара контрастно смотрелась. И у Павла был железный принцип — не вступать в близкие отношения с подчиненными — Вера это знала на личном опыте. А тут сам привел, да еще такую молоденькую... Нет, пожалуй, маловероятно, вряд ли. И он действительно сильно болел, это знали многие...

Все эти сведения Наде передала, разумеется, Светочка, у которой везде были свои источники информации. Она же сообщила о ее новом титуле — «первая леди».

Итак, в жизни Нади неожиданные эффектные повороты, приключения и сюрпризы, судя по всему, закончились. Наступили рабочие будни, которые можно было считать праздником, потому что было не просто очень интересно, а захватывающе. Она вкалывала по десять, а то и двенадцать часов, потому что центры работали и по вечерам.

А кроме работы... кроме работы, по существу ничего не было. Она добросовестно старалась выполнять институтские задания, хотя сил часто не хватало. Компания с уходом Гарика распалась, Света с женихом не хотела навязываться начальству. Иногда — редко — заходила Регина, они ситуацию по молчаливому уговору не обсуждали. Вечером Надя скучала по Гарику, иногда очень скучала, но когда укладывалась в постель, то облегченно вздыхала. Между прочим, не сразу, со временем, она стала иногда вспоминать, как в принципе неплохо ей спалось в круизе. Так и думала — не с Луковым, а в круизе. Особенно в последнюю неделю.

Павел вел себя совершенно индифферентно, иногда они встречались в коридоре или лифте — здравствуйте. Как успехи? Конечно, на «вы». Никаких поводов для подозрений он не давал, и даже Надя начинала сомневаться в своих предыдущих выводах.

Она была очень довольна тем, что Луков держится нейтрально, на расстоянии, не вмешивается в ее дела и даже, казалось, ими не интересуется. Но когда после первого месяца работы и преобразований в фирме доход не только не упал, как все ожидали, но даже немного увеличился, а тенденция в плюс стала очевидной, Надю задело отсутствие каких-либо сигналов одобрения со стороны фактического, хоть и тайного, хозяина. Хорошо, что ее мысли о коварных планах Лукова оказались — судя по всему — ложными и как женщину он ее не замечает (хотя иногда немного обидно), но как работника, менеджера? Это уж слишком.

И как-то незаметно Павел постепенно стал занимать все больше места в ее мыслях. В этом нет ничего удивительного. Она все время находилась в среде, где почти все зависело от его воли, ощущалось его, если не фактическое, то виртуальное присутствие. Уважение, иногда, как я уже говорил, смешанное со страхом, иногда с обидой за его манеры, за то, что он часто только «снисходит», — короче все виды отношений, кроме безразличия, создавали определенную ауру, в центре которой был хозяин. Да и во мнении большинства она была опосредствованно, а иногда и напрямую связана с Луковым.

Не напрасно Павел ввел ее в орбиту. Отношение Нади к нему постепенно менялось. Помните, она удивлялась тому, что довольно молодая и интересная мисс Джейн в кризисе явно запала на Лукова. Сейчас Надя почувствовала его значительность, которая не была только следствием богатства. А значительность мужчины, с точки зрения женщины любого возраста, многое заменяет. Иногда ей начинало казаться, что, даже не уступает... кое в чем... подчас... может быть — и прочие ограничения — молодости, обаянию и современному шарму Гарика.

Но случалось, на нее нападавал приступ самокритики. Надя прямо обвиняла себя в том, что покупается

на богатство, высокое положение, на большие возможности в будущем. Короче говоря — продается! Ведь любви нет, есть уважение, значительно возросшее после кризиса, но даже отдаленно не похожее на ее недавние горячие чувства к Гарику. И главное — рядом с ним она действительно была на своем месте. С Павлом — она неожиданно мысленно назвала его по имени — это просто невозможно себе представить. Только в кризисе и при остракизме, других вариантов и быть не могло.

Я всему сказанному выше не удивляюсь. Причиной браков с шокирующей разницей в возрасте часто является не только выгода, как принято считать. Например, брак молоденькой актрисы с главным режиссером (никого конкретно не имею в виду). Всеобщее уважение, пиетет, почитание заразительно, и если ты приближаешься к источнику, то кажется отсвет такого отношения падает и на тебя. И уважение становится настолько похоже на любовь, что оба — и стар, и млад — перестают их отличать. Надя еще была очень далека от этого состояния, хотя отсвет, пожалуй, чувствовала. Она обладала властью хозяйки, но понимала, что первоисточником все считают «самого». Иногда она ловила себя на том, что ей было приятно, когда ее в какой-либо форме связывают с Луковым. Нередко ее просили похлопотать за них перед хозяином. При этом она испытывала неловкость, но никаких неприятных ощущений. Это был отсвет.

Итак, как вы понимаете, план Павла довольно быстро осуществлялся. Конечно, это был план. Он понимал, что полное отсутствие внимания заставит Надю недоумевать и нервничать, во всяком случае все больше и больше думать о нем. Так оно и происходило. Участвовал ли в составлении этих планов Человек с большой буквы, не знаю, но большой житейский опыт и — как говорил ему Кулик — опыт волокиты определенно имели место.

В жизни Павла особых перемен не было. Вечером он стал немного чаще ходить в свою элитную компанию, ходил один, на заигрывания кандидаток не отвечал. А на таком высоком уровне его отношения с «молоденькой телкой» вообще никого не заинтересовали, ну переспал — дело житейское. Разве что переплатил, фирма в подарок — дороговато. Но тоже его дело. Эта часть общественности была толерантной.

Иногда он ходил в ресторан с Валерией Ивановной, после ужина отвозил ее домой. Она понимала, что это только дружба и пыталась встречаться с уже известным вам кандидатом на ее руку и сердце. Пока не очень получалось.

Если была хорошая погода, Павел в воскресенье вместе с Куликом спускался к морю. Психиатр, который действительно был не хуже других, тактично старался поменьше расспрашивать о Наде, но испытывал естественное благожелательное любопытство.

Так прошел январь, за ним февраль. И доход фирмы «Диагностика» не возрос, а подскочил. Благодаря новой системе, смартфону и программам — в том числе модернизированной для верхнего уровня — удалось убрать лишние «мертвые» расходы и навести порядок в необходимых. Надя принимала поздравления. Даже Луков сказал при встрече в лифте:

— Я в тебе не сомневался.

Надя так и не поняла, похвала относится к ее работе или его прозорливости.

К этому времени она оформила покупку довольно солидной лаборатории микробиологии, документы были подготовлены Луковым. И это дало повод еще раз подозревать, что ему помогает дьявол. Покупка оказалась очень актуальной, потому что новые события в мире затмили не только все личные проблемы, но и государственные.

С начала года сведения о новом вирусе в Китае вызывали скорее любопытство, чем беспокойство. Вечно у них происходит что-то загадочное и экзотическое. Слушали в новостях о жестких мерах, карантинах, удивлялись, как слаженно действует китайская государственная машина и люди-винтики безотказно все исполняют. Но уже в феврале новый вирус вытеснил все темы. Только и было разговоров о его распространении в мире. Цифры были устрашающие, не буду повторять, все еще свежо у вас в памяти. Центр инфекции переместился в Европу. А Италия, с фирмами которой у Павла был совместный проект «зеленые домики», вышла на первое место по количеству заболевших и количеству смертей.

В проект было вложено много денег, но Павла волновала не только задержка работ из-за пандемии и закрытия границ. Он раньше многих понял, что новые обстоятельства в принципе перечеркивают технологию этого проекта.

Напомню, что проект был основан на убеждении, что глобализм будет продолжать победно шагать по земле, связи между странами будут развиваться. Комплектующие должны были поступать из 11-ти стран, по принципу — подешевле и понадежней, уже освоенные производством.

Но — понял Павел — на смену глобализму после пандемии наверняка придет протекционизм, ужесточение границ, защита своего производителя, и ему с итальянцами тоже придется с этим считаться. Идея оказалась ложной. Обрушились цены на нефть и газ, «зеленая энергетика» стала на данном этапе экономически неконкурентной. Пока деньги потрачены только на конструкцию домиков, нужно проект — во всяком случае в таком виде — прекращать, деньги вернуть или потратить на что-нибудь реальное. Лучше вернуть. Коронавирус и без того приведет к большим потерям, это серьезная угроза для бизнеса Лукова. Не вовремя он сделал такие большие вложения,

и дьявол ему ничего не подсказал... Придется отправляться в Италию, туда должны были приехать хозяева фирмы из Испании, тоже участники проекта и компаньоны Италии по коронавирусу.

События и время были спрессованы. Пока договаривались о встрече, Италия стала закрывать границы и сообщать о тысячах заболевших, а число умерших за сутки потихоньку приближалось к тысяче — страшно звучит! В основном те, кому за шестьдесят.

Но Павлу нужно было лететь. Уже не просто было выбрать маршрут, он взял билет, на рейс с пересадкой через Турцию на субботу 12 марта. А 11-го ВОЗ объявил пандемию.

Параллельно приходилось готовить свои фирмы к карантину — он понимал, что это неизбежно, уже появлялись сведения о заболевших в Украине. Словом, работы было с головой, и он уезжал домой после полуночи.

Когда Надя услышала о том, что Луков летит в Италию, ей стало сразу все ясно. Все сомнения и колебания показались надуманными и пустыми. Он может не вернуться — вот что главное. Речь идет о жизни и смерти, остальное ерунда, вздор, мелкий сор. Нужно поговорить. Но как к нему добраться? Павел был загружен, казалось, круглые сутки. В субботу утром он должен был улетать, и в пятницу вечером Надя наконец решилась. Кроме личных дел — конечно, это было самое главное — оставались официальные вопросы, связанные с их соглашением по «Диагностике». Она подошла к секретарю.

— Леночка, очень важно. Я вижу, как занят Павел Андреич. Но, пожалуйста, попросите его уделить мне несколько минут. Спросите, а я подожду.

Хороший секретарь должен все понимать. Леночка безропотно пошла в кабинет, из которого донеслись громкие голоса, когда дверь открылась. Вернулась и сказала:

— Павел Андреевич назначил на шесть часов.

Надя не обдумывала, что сказать, в каком порядке, что главное, что неважно. Он может не вернуться — только эта мысль была в голове, стучала в висках, как пишут в романах.

В шесть часов она сидела напротив Павла за маленьким столиком, наверно он хотел подчеркнуть неофициальный характер.

Оба волновались и не старались это скрывать. Он тоже понимал, что путешествие непростое, было не до игры.

Начали с молчания. Наконец Надя сказала:

— Я хотела поговорить о нашем соглашении насчет «Диагностики». Теперь...

Она остановилась и другим тоном спокойно спросила:

— Павел Андреич, почему вы мне ничего не говорите?

— О чем?

— Вы знаете, о чем. Что думаете... Что чувствуете...

— Ты знаешь, что я чувствую, — она кивнула головой, — и почему не говорю, ты тоже знаешь. Не уверен...

— В ком?

— Конечно, не в себе. Со мной давно все ясно. Я буду о тебе заботиться в любом варианте. Для меня, кроме тебя, нет... — он задумался, — нет родного человека. И я не хочу тебя связывать... ближе, чем тебе это нужно... с другим человеком, даже со мной. Сначала я хотел, чтобы ты меня любила для себя, своего спокойствия. Чтобы не ревновать. А теперь больше для тебя, чтобы тебе не пришлось себя насиловать. Больше забочусь о тебе. Поверь, я сам удивляюсь.

Он улыбнулся.

— Да, мелодрама. Куртуазные отношения, как любит говорить Леня и как пишут в моих любимых рыцарских романах.

Эта самоирония только подтвердила, что все было сказано совершенно искренне.

— А насчет нашего соглашения... Ерунда. Какое это имеет значение? Все равно я оформил завещание и все оставил тебе.

Надя гораздо больше отреагировала не на содержание фразы, а на слово «завещание».

— Завещание? — у нее перехватило дыхание. — Павел Андреич, я...

Но Павел ее остановил. Он сам вел разговор.

— Надя, ты должна серьезно подумать. Мы можем быть вместе, только если ты меня любишь, — он немного подумал и пошел на уступки. — Или думаешь, что любишь. Ты понимаешь, какие сложности у нас будут? Внешние контрасты... и внутри, между нами. Не знаю, что тяжелее. Ты почему улыбаешься?

— Насчет контраста между нами. Я вспомнила, как мне хорошо спалось... в прямом смысле спалось... в круизе. — Она задумалась, продолжать или замолчать? Решилась: — И не в прямом тоже.

И Павел заулыбался.

— Да, Наденька, это и давало надежду после того, как понял, что кроме тебя, мне никто не нужен. И даже ничего не нужно. Так, помню, и сказал Лене Кулику. И это правда. Ты знаешь, я уже — сколько? — не один десяток лет ни с кем, кроме тебя, не мог спать. — И чтобы быть честным, добавил: — Спать в прямом смысле.

Надя поняла уточнение и присоединилась:

— А я даже не пробовала.

Она держала руку на столе, Павел накрыл ее своею. Она с улыбкой положила вторую, он ответил на приглашение. И подумал: «Теперь я знаю — что бы дальше ни произошло, жизнь прожита не зря».

— Наденька, времени в обрез. Ты подумай, а когда я вернусь, мы все решим. Хорошо?

— Хорошо. Я обязательно и серьезно подумаю. И после вашего возвращения все скажу, как на духу. Но, Павел

Андреич, одно не нужно путать с другим. Сегодня вечером я приду вас проводить в дорогу. Квартиру не забыла. — Она громко засмеялась. — Соберу вам чемодан, вы потом посмотрите, ненужное выбросите. Опыт у меня есть.

* * *

В аэропортах и самолетах Павла окружали встревоженные, напуганные люди, подозрительно косившиеся друг на друга, многие в масках, некоторые в респираторных. Все это напоминало какой-то фантастический блокбастер. Разговоров почти не было, каждый старался максимально отдалиться от окружающих. В самолете, особенно при вылете, всегда существует какое-то напряжение, но сейчас оно было не столько связано с полетом, сколько с необходимостью находиться в контакте с людьми, каждый из которых мог оказаться источником заражения.

Естественно, среди пассажиров были кашляющие и сморкающиеся, ничего удивительного, март месяц. Но вокруг них образовывалась мертвая, точнее безлюдная зона, благо решившихся лететь было немного. Все чувствовали себя неловко, еще не привыкли шарахаться друг от друга, но пройдет две-три недели, и они научатся обходить каждого встречного по дуге, понимаясь обмениваясь улыбками. Люди постепенно приучались к мысли, что мир стал другим и возврата к привычному прошлому уже не будет.

Но был один пассажир, которого общая тревожная ситуация не задевала ни в какой степени. Разумеется, это был Павел. Он чувствовал себя самым счастливым человеком на земле, и какой-то вирус не мог ему испортить восхитительное, изумительное настроение. Он

чувствовал, что на его лице блуждает какая-то глуповатая улыбка, но убрать ее не мог, да и не хотел. Очень счастливый человек всегда выглядит немного глуповато, в этом он не сомневался. И больше того, всегда считал, что умный человек не может быть абсолютно счастливым, во всяком случае долго, потому что в таком состоянии он беззащитен и не готов встретить лицом к лицу реальность, которая слишком часто бывает неожиданно жестокой. К ее поворотам нужно всегда быть готовым, этому учил нелегкий опыт бизнесмена Лукова. И вот, пожалуйста, полное расслабление. Но думаю, мы с вами можем оправдать это состояние, потому что произошло невозможное — мечта, куда более нереальная, чем «гнездо из волшебных грез или лунного света», стала действительностью.

Сейчас Павел позволил себе — наверно, впервые в жизни — быть бесконтрольно счастливым. Думать только о прекрасном настоящем, о сегодняшнем дне. К черту возможные в каком-то там будущем неприятности, включающие коронавирус. А кстати, этот вирус ему помог — экстремальные обстоятельства часто сметают все наносное, и когда Надя узнала о его опасной поездке, то поняла, что любит... или думает, что любит... нет, уверена, что любит! А опасность... опасность его не пугает.

И чего бояться? Сейчас есть продолжение его жизни — Надя и любовь к ней. А может, будет и наследник. Может, уже есть? Павел уже совсем глупо и счастливо заулыбался. Ведь после одной ночи такое могло случиться? Почему не сейчас?..

«Ха! Ха! Перебор». Это означало, что проснулась самоирония, и Павел постарался прекратить безудержное ликование. Неплохо бы немного подумать о будущем. Конечно же, не о договоре с итальянцами, эти заботы у него сейчас даже и не возникали. Об их с Надей будущем. Ну скажем, спланировать начало общей жизни.

Конечно, прежде всего сразу же по возвращении должна быть свадьба, чтобы внести ясность и не ставить «молодую» — действительно молодую! — в сомнительное положение. Но сразу же вслед за этим в голову стали нахально лезть неприятные мысли, он представил себе ухмылки гостей, реакцию общественности... И сейчас общественность не поменяешь, как он рисовал в розовых красках Кулику, чертов коронавирус, границы закрыты, никакой траст ни слепой, ни зрячий его империю не возьмет. Даже свадебное путешествие на Пальма-де-Майорка невозможно, там сейчас буйствует пандемия. Пишут, что это надолго. Такие мысли не вписывались в эйфорию счастья, и он с удовольствием вернулся в настоящее. К черту прогнозы и предвидение, он будет, как советует жизнь, переживать неприятности по мере их поступления.

Павел с удовольствием мысленно повторил фразу, которая вам уже знакома: «Теперь я знаю — что бы дальше ни произошло, жизнь прожита не зря». Но тут же независимо от него последовало неожиданное продолжение: «А даже если коронавирус. Ничего страшного не произойдет, если на этой жизнерадостной высокой ноте все и закончится. Зато не придется выяснять, прав ли Кулик в своих предсказаниях, не придется через какое-то время страдать от того, что любимая молодая жена вынуждена жить со стариком...»

Стоп!!! Дикая, нелепая мысль! И у кого — у Павла Лукова! Невероятно! Правда — он помнил, было что-то похожее, но когда? В разгар черной депрессии, когда впереди маячил призрак одинокой старости. Но сейчас его ждет любимый человек! Кроме матери — а это совсем другое, — Павла «в обозримом прошлом» никто по-настоящему не ждал. Да, будут трудности, будет сложно, но никто и не говорит, что «просто» значит «хорошо». Как такая чушь могла прийти в голову? Растереть и забыть.

Он растер и забыл. И вернулся в настоящее.

* * *

Скорей всего вирус Павел подцепил в самолете, потому что на третий день появились симптомы, а в Милане они были достаточно осторожны. Он не вернулся из Италии.

Надя ждет ребенка, это будет мальчик, наследник.

А я вот о чем подумал, и такие мысли ко мне возвращаются время от времени. Есть правда и есть правда жизни, это не одно и то же. Правда раздает хорошее и плохое по справедливости, по заслугам. Всем хочется, чтобы так и было, и мне, автору, тоже. А правда жизни часто бывает жестока и несправедлива. И коронавирус еще раз напомнил об этом человечеству.

Хотя... есть много людей, в основном верующие, которые считают, что и в этом есть справедливость, высшая справедливость. Просто человеку ее понять не дано.

Я так не думаю, наверно поэтому я атеист.

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Андреевич	5
Надя	26
Договор.	51
Теория разумного эгоизма.	67
Круиз	79
Круиз. Отверженные.	90
Возвращение. Не все так просто	103
Гнездо из лунного света	116
Вендетты.	124
Новая реальность	139
Точка невозврата.	152
Бизнесмен новой формации	159
Идея на миллион долларов	173
Сатана	187
Нелегкий выбор	196
«Реквием» Моцарта.	203
Системный анализ	210
Рубикон	220
Хозяйка	230

Літературно-художнє видання

ЛОЗОВСЬКИЙ ОЛЕКСАНДР
ХОРОШО ЗАБЫТОЕ НОВОЕ

Роман

(російською мовою)

Відповідальний за випуск

Юрій Ковальський

Обкладинка

Олексій Біленко

Оригінал-макет

Владислав Ковальський

Коректор

Людмила Гребельнік

Підписано до друку 01.09.20.
Формат 84x108 1/32
Папір офсетний. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 18,48.
Зам. № 19-216

ТОВ «Журнал «Радуга»,
01030, м. Київ, вул. Б. Хмельницького, 51-А.
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців:
серія ДК № 5209 від 15.09.2016.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»,
07400, Київська обл., м. Бровари, б-р. Незалежності, 2, кв. 148.
e-mail: 7bc@ukr.net, тел: (044) 592-00-80
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК № 5329 від 11.04.2017.

